

2023. Т. 15. № 4

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2023. Т. 15. № 4

Scientific Journal
SOCIOLOGY AND LAW

2023. Vol. 15. No. 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. БЕРГМАНН

член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор (Берлин, Германия)

А. А. БЕСЧАСНАЯ

профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. БОЕР

профессор кафедры гражданского права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Санкт-Петербург, Россия)

С. С. БРАЗЕВИЧ

профессор кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. БУТЕЛЬ

профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН (филиал ФНИСЦ РАН), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. КЕЧИНА

профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

В. А. КЛИМЕНКО

советник департамента гуманитарного сотрудничества, общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

С. Ю. КОСАРЕВ

профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Я. А. МАРГУЛЯН

профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. МАРКОВ

заведующий кафедрой международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

профессор кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. М. ОГАНЕСЯН

профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. СИЛИНА

профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российской государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

А. Г. ТЮРИКОВ

руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, доктор социологических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Б. ШАБАНОВ

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education task group at the St. Petersburg Dialogue Forum from the German side, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of ARSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS (branch of the FCTAS RAS), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Doctor of Economic Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the North Western branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором),
регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 26.12.2023.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 13,25. Усл. печ. л. 19,53.

Тираж 61 экз. Заказ № 1422.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. III No. ФС77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Official website: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center
of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 26.12.2023.

Offset paper.

Published pages: 13,25. Conventional printed pages: 19,53.

Circulation 61 copies. Order No. 1422.

Distinguished authors and readers of the journal!

The journal "Sociology and Law" is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the journal are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Глазырин В. А.</i> Социальная дилемма правового порядка (социологические размышления)	458
<i>Позднякова М. Е., Брюно В. В.</i> Распространенность алкогольных проблем в России в периоды социально-экономических кризисов	466
<i>Палваниязов А. Ю.</i> Уровень жизни населения Каракалпакстана и социально-экономическое развитие региона: основные показатели	485
<i>Зорина Е. М., Кузьмин А. В.</i> Правовая культура студентов как результат интерактивности семинарских занятий по дисциплине «Основы российской государственности»	493
<i>Никифорова О. А.</i> Онлайн-платформы в практике корпоративного обучения	503
<i>Мищенко А. С.</i> Социально-экологическая ситуация в малых монопромышленных городах России	513
<i>Ребров С. А.</i> Управленческая вертикаль КИРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: особенности воспроизводства кадров	534
<i>Корнева О. А.</i> Информационно-коммуникационные технологии в социальной работе и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья: по материалам зарубежных исследований	546

Право в жизни государства и личности

<i>Мишальченко Ю. В., Сексте Я. А.</i> Международно-правовые и экономические аспекты совместного использования СССР, Финляндией и Норвегией гидроресурсов реки Паз в 1920–1940-х гг.	554
<i>Аникаева О. В., Бобровнический И. Н.</i> Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в современных условиях	565
<i>Савельева М. В., Тарасевич А. М., Ходот К. Ю.</i> Подготовка Свода законов Российской империи — этап систематизации отечественного законодательства, регламентирующего гражданско-правовые отношения	578
<i>Далинин А. В., Кучеров В. Д., Окунев О. И.</i> Безопасность как синтетическая научная категория	586
<i>Коверчаковский А. А.</i> Квинтэссенция принципа добросовестности участников гражданских правоотношений в российском праве	596
<i>Морозов А. С.</i> Потребительский экстремизм (терроризм): самостоятельный правовой феномен или вид злоупотребления правами?	606

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Valeriy A. Glazyrin</i> . Social dilemma of legal order (sociological reflections)	458
<i>Margarita E. Pozdniakova, Victoriya V. Bryuno</i> . Prevalence of alcohol problems in Russia in periods of socio-economic crises	466
<i>Alisher Yu. Palvaniyazov</i> . Living standards of the population of Karakalpakstan and socio-economic development of the region: Main indicators	485
<i>Elena M. Zorina, Andrey V. Kuzmin</i> . Legal culture of students as a result of interactivity of seminars on the discipline “Fundamentals of Russian statehood”	493
<i>Olga A. Nikiforova</i> . Online-platforms in the practice of corporate training	503
<i>Alexander S. Mishchenko</i> . Socio-ecological situation in small mono-industrial cities of Russia	513
<i>Sergey A. Rebrov</i> . CPRF managerial vertical in St. Petersburg and Leningrad region: Peculiarities of member reproduction	534
<i>Olga A. Korneva</i> . Information and communication technologies in social work and adaptation of people with disabilities: On the materials of foreign studies	546

The Law in a State and Person Life

<i>Yury V. Mishalchenko, Yanis A. Sekste</i> . International legal and economic aspects of joint use of the Paz River hydro-resources by the USSR, Finland and Norway in the 1920–1940s	554
<i>Olga V. Anikayeva, Igor N. Bobrovnichiy</i> . Characteristics of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies or in the sphere of computer information in modern conditions	565
<i>Maria V. Savelieva, Andrey M. Tarasevich, Konstantin Yu. Khodot</i> . Preparation of the Code of Laws of the Russian Empire — the stage of systematization of domestic legislation regulating civil-law relations	578
<i>Alexey V. Dalinin, Vadim D. Kucherov, Oleg I. Okunev</i> . Safety as a synthetic scientific category	586
<i>Alexander A. Koverchakovsky</i> . Quintessence of the principle of good faith of participants of civil legal relations in Russian law	596
<i>Anton S. Morozov</i> . Consumer extremism (terrorism): Is it an independent legal phenomenon or a type of abuse of rights?	606

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 316.4.06

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-458-465

Социальная дилемма правового порядка (социологические размышления)

Валерий Алексеевич Глазырин

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, glazur@olympus.ru

Аннотация. В статье приведено объяснение социальной дилеммы правового порядка. Ее понимание включает в себя два положения, составляющие противоречивое единство: 1) правовой порядок в современных обществах не имеет разумной альтернативы; 2) социальная диалектика становления правового порядка вариативна. Рассмотрены исторические ситуации, показывающие действие дилеммы в социумах. Завершая статью, автор делает вывод о том, что утверждение правопорядка в обществах — сложный и противоречивый процесс их институционального переустройства.

Ключевые слова: социальная дилемма, противоречие, право, социальный порядок, правовой порядок, культура, идентичность

Для цитирования: Глазырин В. А. Социальная дилемма правового порядка (социологические размышления) // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 458–465. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-458-465>

Original article

Social dilemma of legal order (sociological reflections)

Valeriy A. Glazyrin

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
glazur@olympus.ru

Abstract. The article provides an explanation of the social dilemma of legal order. Its understanding includes two provisions that make up a contradictory unity: 1) the legal order in modern societies has no reasonable alternative; 2) the social dialectics of the legal order formation is variable. Historical situations showing the action of the dilemma in societies are considered. Concluding the article, the author concludes that the establishment of legal order in societies is a complex and contradictory process of their institutional reorganization.

Keywords: social dilemma, contradiction, law, social order, legal order, culture, identity

For citation: Glazyrin V.A. Social dilemma of legal order (sociological reflections). *Sociology and Law*. 2023;15(4):458-465. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-458-465>

© Глазырин В. А., 2023

Введение

Существование человека как вида *Homo Sapiens*, занимающего особое место в царстве животных, не может быть обеспечено его биологической программой. Люди совместными усилиями создают социум — среду своего бытия. *Homo Sapiens* всегда есть *Homo Socius*.

Совершенных, идеальных, безопасных обществ не бывает. Напротив, мир социумов полон противоречий, конфликтов, проявлений насилия [1]. Это не означает, что общественная жизнь — всегда хаос. Так или иначе в социумах для выживания людей и создания шансов для их будущего складывается некоторый порядок. Несовершенство порядка не подразумевает его никчемности и ненужности. Порядок в обществе — это непременно социальный порядок, то есть порядок, который не возникает по природным законам и не заложен в естество человека.

Мир людей, зародившись, изменяется, отвечая на непростые внутренние и внешние вызовы существования. В исторической перспективе человеческие общества становятся значительно сложнее и для обеспечения социального порядка возникает общественная потребность в складывании порядка, основанного на праве, правового порядка. *Homo Sapiens*, оставаясь *Homo Socius*, в процессе социально-культурно-исторического развития приобретает еще одну грань своего существа — *Homo Juridicus*.

Без сомнения, беспроblemного утверждения правовых порядков в обществах не бывает, их становление — исторически длительный, сложный, противоречивый процесс. Ценностное начало правопорядка имеет значение, но представления об идее [2] и социальной логике права нельзя сводить к сугубо умозрительным схемам. Так, по мысли Гегеля, правовая идея воплощена в правовом прогрессе: сначала свободен один, затем свободны некоторые и, наконец, свободны все. На каждого, изучающего историю и теорию права, это высказывание немецкого философа производит неизгладимое впечатление. Все-таки, осуществляя его толкование, следует избегать прямолинейного взгляда на социальные, исторические процессы, сознавать, что предначертанного триумфа права в социумах не может быть. Правопорядок возникает и воспроизводится в общественной практике социальных акторов, которые в правосозидательной деятельности черпают вдохновение в высоких представлениях о правовых идеалах, но при этом только их практическое освоение выступает мерой воплощения правового порядка в жизни обществ.

В изучении правовых отношений социология занимает периферийное (значительно менее заметное) относительно юриспруденции положение. У этих наук в постижении права существуют межпредметные точки соприкосновения. Тем не менее потребность в том, чтобы социология превзошла юриспруденцию в познании юридико-правовых феноменов, отсутствует. У социологии существует свой ракурс видения права, правопорядка, сфокусированный на изучении (теоретическом и эмпирическом описании и объяснении) противоречивых взаимосвязей социокультурных и социоправовых компонентов социума. Разумеется, в одной работе невозможно в полном объеме рассмотреть в целом спектр проблем становления правового порядка, что не преуменьшает важность каждого исследовательского шага в их изучении. Сначала в статье раскрыт круг концептуальных вопросов, образующих исследовательский остов социологического видения права и правового порядка, затем рассмотрены различные случаи/кейсы, связанные с противоречивым становлением правовых порядков в социумах.

Обсуждение

Юридические установления присущи любым обществам, кроме архаичных. Это всемирно-историческое правило общественного способа существования людей, не имеющее исключений, действовало и действует во всех общественно-политических и экономических типах обществ. Непреложным остается тот факт, что неюридические социальные институты не могут их заместить; современные общества, обладая сложной структурой, представляют социально-, культурно-, этно-, религиозно-дифференцированные социетальные образования, поэтому объективно нуждаются в единых правилах. В качестве них выступают юридические институты, законы. К неоспоримым достоинствам последних (даже с учетом их недостатков и изъянов практического применения) отнесены общеобязательность юридических предписаний, определенность актов законодательства, прецеденты, властно-государственное принуждение к исполнению законов, судебная система, позволяющая любым лицам отстаивать свои права на законных основаниях. Тем не менее не всякие легальные (законные/юридические) порядки равнозначны правовым. Прежде всего это связано с тем, что *lex* (rule of government — «правление посредством норм/правил правителя/государства») не равнозначно *jus* (rule of law — «правление посредством принципов/норм права, правовых законов, верховенства права»). Так, В. С. Нерсисянц — один из крупнейших советских и российских юристов писал, что юридические законы должны соответствовать природе и требованиям права, в противном случае они могут применяться в неправовых целях [3, с. 37]. Различие между *lex* и *jus* не означает, что *lex* (законность) можно пренебречь. Правопорядок зиждется на правовой законности.

Обобщив, можно утверждать, что создание правовых порядков в социумах предполагает преодоление «права силы» в общественных отношениях и установление порядка «силы права». Речь идет о фундаментальной нелинейной трансформации социумов. При этом в понимании порядка «силы права» не надо выстраивать идиллических картин, делать допущение относительно того, что в обществах (на всех уровнях) можно полностью избавиться от неправовых, опирающихся «на право силы» отношений.

В исходном варианте обществам для утверждения правового порядка нужно избавиться от «пещеры Полифема», описанной Гомером, отношений, основанных на силе, беззаконии и несправедливости. Требуется адекватный ответ государству Левиафан, по сути, лишаящего граждан прав и свобод [4]. Нужно установить легальную монополию государства на применение силы, избегать соблазна «казуса Карамзина» [5]. У русского историка есть высказывание о том, что России не нужны Конституция и новые законы, а требуются 50 честных и толковых губернаторов, то есть для автора «Истории государства Российского» институты не имеют значения, институциональное обустройство российского государства им подменено вопросом о подборе подходящих персон на государственно-управленческие должности. Кроме того, к первоосновам правового порядка отнесены судебная власть, правосудие [6]. В целом эти и другие аспекты формирования правового порядка связаны с устройством обществ и государств на конституционных началах [7].

Мир находится в движении. В общественном и правовом дискурсе нашего времени вскрылись (эксплицитно/имплицитно) новые аспекты осмысления правовых порядков. Их стали рассматривать в спектре принадлежности обществ и государств к различным цивилизациям, а международное право и мировой порядок интерпретировать в контексте вопроса об обеспечении суверенитета стран-участников межгосударственных отношений. Так, сегодня в России утвердился

принцип верховенства Конституции Российской Федерации (РФ) над другими юридическими актами, толкование и применение которых не должно противоречить Основному закону страны.

В научных кругах неизменно обсуждаются воззрения о том, существуют ли общие социальные закономерности или у каждой страны свой, особый путь, об исторической колее, «конце» истории, сингулярности и т. п. [8; 9; 10; 11; 12]. Всегда существует надежда на интеллектуальный прорыв в их понимании.

Едины или различны правовые порядки в разных странах? В настоящей статье осмысление этого вопроса зиждется на двух утверждениях, составляющих противоречивое единство: 1) правовой порядок в современных обществах не имеет разумной альтернативы; 2) социальная диалектика вариативна. В совокупности их можно назвать социальной дилеммой правового порядка. Рассмотрим ряд исторических ситуаций, показывающих ее действие.

Американский случай. В 2020 г. в Соединенных Штатах Америки (США) прошли мощные протесты в рамках движения Black lives matter. Учитывая, что в Декларации независимости этой страны, принятой в 1776 г., записано положение о том, что все люди рождены равными, имеют право на жизнь, свободу и стремление к счастью, получившее признание и развитие в Конституции США (1787) и Билле о правах, вступившем в силу в 1791 г. [13], можно было бы предположить, что в Соединенных Штатах исключена возможность дискриминации граждан по признаку их расовой принадлежности. Однако повседневная и политико-юридическая реальность разошлись с конституционными предписаниями. Расовые предрассудки и стереотипы «подмяли» (в определенном отношении) правовой порядок. Данная и подобные ей социальные ситуации лишь подтверждают значимость правового порядка, а не его ненужность.

Итальянский случай. Итальянская Республика, будучи современным государством, обладает единым конституционным правовым пространством. При этом нормы уклада жизни и правовые обыкновения Северной и Южной Италии, имеющие исторические корни [14], по-прежнему различны. У жителей южных регионов страны правила «фактического права» [15] (в известных ситуациях) оказываются приоритетными в сравнении с правовыми установлениями. Таким образом, в обществах под «покровом» официальной правовой системы и правового порядка могут существовать несовпадающие системы социально-нормативных и правовых стандартов. С учетом этого нужно сознавать, что фактическое право и правовой порядок не являются равнозначными институциональными образованиями. Фактическое право, в частности, выступает социальным инструментом, порождающим и поддерживающим клиентелизм, внезаконные социальные связи и отношения, незаконную экономическую деятельность. Бенефициарами фактического права являются отдельные индивиды и локальные группы, по сути, действующие вне рамок национального правового поля. Правовой же порядок служит общему благу. Неслучайно университеты, развитый человеческий и социальный капитал, индустрия, инновации, финансовые институты сосредоточены на севере, а не на юге Италии.

Стеклянный колпак Броделя. Термин «стеклянный колпак», сформулированный французским историком Ф. Броделем, приобрел известность благодаря работам перуанского экономиста Э. де Сото [16, с. 73–74]. Он писал, что в латиноамериканских странах существует неравный доступ различных социальных групп к легальной правовой системе, то есть в странах этого региона мира принцип равенства всех перед законом и судом действует в избирательном режиме. Коварство броделевского колпака состоит в том, что он отсутствует на официальном уровне, нет Конституций, в которых бы права и свободы человека и гражданина

рассматривались бы привилегией отдельных общественных групп. Становится очевидным, что броделевские колпаки — это симулякры правовых порядков.

Национально-культурная идентичность и правовой порядок. Известно, что истоки многих интеллектуальных представлений о праве и существующих сегодня юридических институций связаны с западной философской, правовой и политической мыслью и юридической практикой (например, римским и прецедентным правом). Разрушают ли западные правовые стандарты национальную, культурную идентичность народов незападных государств? Вновь укажем, что социальная диалектика вариативна. Не следует отрицать трудности, проблемы, противоречия «встраивания» (рецепции, имплементации) правовых институций в отличную от них социокультурную и правовую среду; но все-таки историческая действительность не укладывается в рамки механистических допущений о разрушении культуры и идентичности обществ, инкорпорирующих в свою структуру правовые институты государств с другой культурой. Так, Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур освоили западные правовые институты во многих сферах общественной жизни, но при этом обладают свойственной им уникальной незападной культурой. Оказалось, что можно осуществить правовую трансформацию, включающую в себя инокультурные иностранные юридические установления, не теряя национальной идентичности.

Правовой порядок в морально-этическом контексте. Социальный порядок не сводится к правовому порядку. В поддержании социального порядка институты правопорядка взаимодействуют с другими социальными институциями-установлениями. Остановимся на значении морали в воспроизводстве правового порядка. Моральные ценности, представления о добре, зле и справедливости, сложившиеся в обществах, задают определенный контур правовым порядкам для того, чтобы правопорядок соотносился с общественными ожиданиями, был морально оправданным. Морально-этические устои образуют важную социальную «опору» правопорядка. Благодаря им, правовые предписания социальными субъектами воспринимаются в качестве необходимых, правильных, должных и в большинстве случаев исполняются словно в автоматическом режиме.

Так, п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса (ГК) РФ гласит о том, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Тем не менее мораль и право, как социальные феномены и институты, не составляют неразличимое тождество. Правопорядок конституируется в сфере общественных отношений о правах, а значит, моральные предписания приобретают публично- и частноправовое значение, если становятся частью общественного договора о правах. В п. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Правовой порядок и предполагаемые тектонические сдвиги. Мир изменяется. Значительно возросло количество научных изысканий и публикаций в медиа, в которых речь идет о том, что существующий порядок в мире [17; 18] находится на пороге тектонических сдвигов. Утверждается, что время однополярного мира ушло. Будущее, в котором нуждается мировое сообщество и отдельные страны, — за многополярным миропорядком. Пока неизвестно, что будет в действительности. Но в изменчивом мире существует социально-институциональная const'a. Ее здравая альтернатива отсутствует. И это не что иное, как правовой порядок. Отказ от него хуже, чем путь в никуда, это — дорога, ведущая к торжеству «права силы» в жизни обществ.

Выводы

Итоги работы подведем четко и лаконично. Понимание и практика правового порядка относятся к ряду важнейших достижений человеческой цивилизации. Утверждение правопорядка — сложный процесс институционального переустройства общества. В ракурсе социальной дилеммы правового порядка диалектика его становления означает, что с учетом того, что только в условиях социального порядка, основанного на праве, признают равенство людей, незыблемость их человеческого достоинства, в конституционном порядке гарантированы права и свободы человека и гражданина, история никогда и никому ничего не гарантирует.

Список источников

1. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
2. Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? / пер. с англ. М. А. Юмашева. М.: Юргона, 2002. 416 с.
3. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 256 с.
4. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутерман, С. Автократов, В. Зайцев. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.
5. Межуев Б. В поисках 50 честных губернаторов // Четыре пера. 2016. 29 июля. URL: https://4pera.com/news/kolumnistika/v_poiskakh_50_chestnykh_gubernatorov/ (дата обращения: 29.09.2023).
6. Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в.: монография. М.; Челябинск: Социум, 2016. 243 с.
7. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М.: ИД Высшей школы экономики, 2018. 454 с.
8. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситникова. М.: Весь Мир, 2014. 560 с.
9. Виндж В. Сингулярность / пер. с англ. В. А. Гришечкин, М. Б. Левин. М.: АСТ, 2022. 224 с.
10. Заостровцев А. П. Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 310 с.
11. Лахман Р. Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского; под науч. ред. И. Чубарова. М.: Дело, 2021. 352 с.
12. Травин Д. Я. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 400 с.
13. Палант Б. Билль о правах. М.: Мысль, 2019. 247 с.
14. Бэнфилд Э. Моральные основы отсталого общества / пер. с англ. Д. Карельского; под ред. П. Фаворова. М.: Новое издательство, 2019. 216 с.
15. Грибакина Э. Н. Фактические права: монография. Екатеринбург: ИД Уральской государственной юридической академии, 2011. 324 с.
16. Уэрта де Сото Х. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Олимп-Бизнес, 2004. 272 с.
17. Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинов, А. Милуков. М.: АСТ, 2023. 544 с.
18. Киссинджер Г. Управлять силой: архитектор нового мирового порядка рассказывает / пер. с англ. О. В. Захаровой, В. В. Львова. М.: Родина, 2022. 256 с.

References

1. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. New York, NY: Cambridge University

- Press; 2009. 346 p. (Russ. ed.: North D., Wallis J., Weingast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2011. 480 p.).
2. Lloyd D. The idea of law: A repressive evil or a social necessity? London: Penguin Books; 1991. 368 p. (Russ. ed.: Lloyd D. Ideya prava. Repressivnoe zlo ili sotsial'naya neobkhodimost'? Moscow: Yurgona; 2002. 416 p.).
 3. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Moscow: Infra-M; Norma; 2016. 256 p. (In Russ.).
 4. Hobbes, Thomas of Malmesbury. Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil. London: Printed for Andrew Crooke, at the Green Dragon in St. Pauls Church-yard, 1651. (Russ. ed.: Hobbes Th. Levianfan. Moscow: Rapol-Classic; 2016. 672 p.).
 5. Mezhuev B. In search of 50 honest governors. Chetyre pera. Jul. 29, 2016. URL: https://4pera.com/news/kolumnistika/v_poiskakh_50_chestnykh_gubernatorov/ (accessed on 29.09.2023). (In Russ.).
 6. Petrushevskii D.M. Magna Carta and the constitutional struggle in English society in the second half of the 13th century. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium; 2016. 243 p. (In Russ.).
 7. Krasnov M.A. Introduction to constitutional law with explanations of complex issues. Moscow: HSE Publ.; 2018. 454 p. (In Russ.).
 8. Braudel F. Grammaire des civilisations. Paris: Éditions Flammarion; 2002. 476 p. (Russ. ed.: Braudel F. Grammatika tsivilizatsii. Moscow: Ves' Mir; 2014. 560 p.).
 9. Vinge V. The coming technological singularity: How to survive in the post-human era. In: Vision-21: Interdisciplinary science and engineering in the era of cyberspace. Cleveland, OH: NASA Lewis Research Center; 1993:11-22.; Vinge V. What if the singularity does not happen? In: Seminars about long term thinking. San Francisco, CA: Long Now Foundation; 2007.; Vinge V. The cookie monster. *Analog Science Fiction and Fact*. 2003;(Oct.):84-122. (Russ. ed.: Vinge V. Singulyarnost'. Moscow: AST, 2022. 224 p.).
 10. Zaostrovtshev A.P. Controversy about modernization: Common road or special paths? St. Petersburg: European University in St. Petersburg; 2020. 310 p. (In Russ.).
 11. Lachmann R. States and power. Cambridge; Malden, MA: Polity Press; 2010. 224 p. (Russ. ed.: Lachmann R. Gosudarstva i vlast'. Moscow: Delo; 2021. 352 p.).
 12. Travin D.Ya. How a state gets rich: A guide to historical sociology. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2022. 400 p. (In Russ.).
 13. Palant B. Bill of rights. Moscow: Mysl'; 2019. 247 p. (In Russ.).
 14. Banfield E.C. The moral basis of a backward society. New York, NY: The Free Press; 1967. 188 p. (Russ. ed.: Banfield E. Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2019. 216 p.).
 15. Gribakina E.N. Actual rights. Ekaterinburg: Ural State Law Academy Publ.; 2011. 324 p. (In Russ.).
 16. Huerta de Soto J. The mystery of capital. Why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else. London: Bantam Press; 2000. 288 p. (Russ. ed.: Huerta de Soto J. Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire. Moscow: Olymp-Business; 2004. 272 p.).
 17. Kissinger H. World order. New York, NY: Penguin Books; 2015. 432 p. (Russ. ed.: Kissinger H. Mirovoi poryadok. Moscow: AST; 2023. 544 p.).
 18. Kissinger H. Diplomacy. New York, NY: Simon & Schuster; 1995. 912 p. (Russ. ed.: Kissinger H. Upravlyat' siloi: arkhitektori novogo mirovogo poryadka rasskazyvaet. Moscow: Rodina; 2022. 256 p.).

Информация об авторе

В. А. Глазырин — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин; 620137, Екатеринбург, Комсомольская ул., д. 21.

Information about the author

V. A. Glazyrin — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Social Science and Humanities; 21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-466-484

Распространенность алкогольных проблем в России в периоды социально-экономических кризисов

Маргарита Ефимовна Позднякова¹, Виктория Владимировна Брюно²✉

^{1, 2} Институт социологии — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

¹ margo417@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7896-5115>

² victoria.bruno@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в алкогольном поведении населения России за более чем 40 лет. В фокусе исследования — связь социально-экономических кризисов и распространенности алкогольных проблем. Показано, что в периоды социальных и экономических кризисов могут проявлять себя две поведенческие модели: повышение употребления спиртного из-за усиления психологического дистресса и снижение употребления вследствие бюджетных ограничений. Анализ статистических данных и материалов опросов позволяет заключить, что для России характерны большие и многократные колебания распространенности употребления алкоголя. На материалах количественных данных прослеживается динамика самочувствия граждан и употребления ими алкогольных напитков с 1994 по 2022 г. Рассмотрены такие параметры, как уровень удовлетворенности жизнью, уровень тревоги относительно невозможности обеспечить себя необходимым в ближайшие 12 месяцев, а также самооценка экономического положения и ощущение собственного бесправия. Выявлено, что напряженной алкогольной ситуации в России способствует не столько тяжелое экономическое положение, сколько процесс резких трансформаций: изменение социально-экономической ситуации, как в лучшую, так и в худшую сторону, может повышать уровень алкоголизации.

Ключевые слова: алкоголь, потребление алкоголя, социально-экономический кризис, трудоспособное население

Для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Распространенность алкогольных проблем в России в периоды социально-экономических кризисов // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 466–484. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-466-484>

Original article

Prevalence of alcohol problems in Russia in periods of socio-economic crises

Margarita E. Pozdniakova¹, Victoriya V. Bryuno²✉

^{1, 2} Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ margo417@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7896-5115>

² victoria.bruno@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

Abstract. The article investigates changes in the alcoholic behavior of the Russian population for more than 40 years. The study focuses on the relationship between socio-economic crises and the prevalence of alcohol problems. It is shown that in periods of social and eco-

conomic crises two behavioral patterns can manifest themselves: increased alcohol consumption due to increased psychological distress and decreased consumption due to budgetary constraints. Analysis of statistical data and survey materials allows us to conclude that Russia is characterized by large and repeated fluctuations in the prevalence of alcohol consumption. On the basis of quantitative data we trace the dynamics of citizens' well-being and alcohol consumption from 1994 to 2022. We consider such parameters as the level of life satisfaction, the level of anxiety about the impossibility to provide oneself with the most necessary things in the next 12 months, as well as self-assessment of the economic situation and the feeling of one's own powerlessness. It has been revealed that it is not so much the difficult economic situation that contributes to the tense alcohol situation in Russia as the process of abrupt transformations: changes in the socio-economic situation, both for the better and for the worse, can increase the level of alcoholization.

Keywords: alcohol, alcohol consumption, socio-economic crisis, able-bodied population

For citation: Pozdniakova M.E., Bryuno V.V. Prevalence of alcohol problems in Russia in periods of socio-economic crises. *Sociology and Law. 2023;15(4):466-484*. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-466-484>

Введение

Анализ материалов количественных и качественных социологических исследований, включая исследования сектора социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН), позволяет обнаружить волнообразную динамику распространения алкогольных проблем в России. Убедительны эмпирические данные о том, что социально-экономические кризисы могут оказывать существенное влияние на распространение девиаций в обществе, в том числе на потребление алкоголя и проблемы со здоровьем, связанные с алкоголем [1; 2; 3]. В настоящем исследовании авторами рассмотрено, каким образом социально-экономические кризисы влияют на распространенность потребления алкоголя и частоту проблем со здоровьем, связанных с алкоголем, в России. Основные задачи исследования: изучить вовлеченность различных групп населения в потребление алкоголя на разных исторических этапах; выявить факторы, способствующие алкоголизации населения.

Теория и исследования

Существуют различные подходы к объяснению девиаций экономическими факторами. В экономических теориях обычно рассматривают взаимосвязь маргинальности, алкоголизации и наркотизации, суицидального поведения, преступности и других девиаций с социально-экономическими факторами (уровнем безработицы, располагаемыми доходами в действительности, инфляцией, валовым внутренним продуктом (ВВП), индексом Джини и др.). Согласно марксистским теориям, ключевую роль в развитии девиаций играет социальное неравенство (классовые различия, различия в социально-экономическом статусе). Из этого вытекает неравномерное распределение власти, что способствует развитию девиантности как форме протеста против несправедливых, неудовлетворяющих условий жизни.

Так, Ф. Энгельс, рассматривая положение рабочего класса в Англии, полагал, что значимыми причинами девиантности выступают нищета, тяжелый труд в сочетании с низкой зарплатой, несовершенство системы образования для эксплуатируемого класса и др. В частности, он утверждал, что пьянство является

своеобразным психологическим способом ухода от этой тяжелой реальности [4]. Согласно теории экономической депрессии, проявления девиации снижаются в периоды экономического роста и возрастают в периоды экономического спада. В соответствии с теорией экономической экспансии, напротив, уровень девиаций повышается с ростом и развитием экономики, поскольку во время экономического процветания материальные блага становятся более доступными и заметными [5]. В частности, анализ материалов отечественных и зарубежных исследований свидетельствует о том, что социальные и экономические кризисы могут оказывать влияние на потребление алкоголя и проблемы со здоровьем, связанные с алкоголем, двумя различными способами, что выражено в двух моделях поведения. Первая модель предполагает, что в кризисные периоды происходит усиление психологического стресса: чувствуя тревогу, депрессию и разочарование, люди начинают пить больше спиртного. Основным фактором служит влияние психологического дистресса. Согласно второй модели, в периоды экономической рецессии, ухудшения экономического положения и, как следствие, ужесточения бюджетных ограничений на алкогольные напитки тратят меньше денег, а соответственно, потребление алкоголя может снижаться. Например, по результатам исследований В. В. Радаева, анализирующего распространенность потребления алкоголя в России на большом эмпирическом материале, вопреки стереотипным представлениям, потребление алкоголя возрастало не в кризисные, а в более благополучные периоды; в годы кризисов оно, наоборот, проседало ввиду сокращения бюджетов домохозяйств, для которых алкоголь не является предметом первой необходимости [1].

В этом контексте интерес представляют результаты американского исследования, проведенного Научно-исследовательским институтом наркологии при университете Буффало (штат Нью-Йорк) и опубликованного в журнале «Психология аддиктивного поведения». Сравнение результатов двух масштабных опросов, проводившихся в США до рецессии (2002–2003), а также во время и после рецессии (2008–2011), показало, что в кризисные времена, чтобы избежать увольнения, работники снижали уровень потребления спиртного на работе, но увеличивали потребление спиртного вне работы. В частности, запои стали происходить дома. Таким образом, пьянство переместилось с работы в семью. Установлено, что употребление алкоголя особенно возросло у сотрудников среднего возраста, которые в большей степени рисковали потерять работу [6].

Эмпирическая база и методы исследования

Статья построена на результатах количественных и качественных исследований. При изучении вовлеченности различных групп населения России в употребление спиртного использованы данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) (RLMS-HSE)¹ за 1994–2022 гг., а также материалы собственных онлайн-опросов городского трудоспособного населения в возрасте 18–65+ лет (2009/2010–2021), проведенные сектором социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН по многоступенчатой квотной

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. По данным сайтов <http://www.hse.ru/rllms>; <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 05.06.2023).

выборке в различных регионах Российской Федерации (РФ): 2009/2010 гг., $N = 1\ 200$; 2013 г., $N = 1\ 126$; 2016 г., $N = 1\ 337$; 2018 г., $N = 1\ 406$; 2020/2021 г. $N = 1\ 259$, выборка сбалансирована по полу, возрасту и месту жительства респондентов. Для оценки алкогольной ситуации в России проанализированы мнения аналитиков алкогольного рынка, специалистов маркетинговых компаний, медиков и социологов, представленных в различных онлайн-СМИ. В целях более глубокого изучения проблемы алкоголизации российского общества в кризисные периоды нами проведен собственный опрос экспертов. Критериями отбора последних служили компетентность в теме распространения и употребления алкоголя, знание алкогольного рынка и его тенденций; работа с потребителями алкоголя. Первая группа — социологи и маркетологи, занимающиеся проблемами девиаций и распространения психоактивных веществ, а также обладающие знаниями о динамике алкогольных рынков. Вторая группа экспертов — медицинские работники (врачи, медсестры). Всего подготовлено 20 интервью (2022–2023).

Проведение онлайн-опросов и интервью сопровождалось анализом статистических данных об исследуемой проблематике Росстата, Минздрава, МВД, Росалкогольрегулирования, а также специальной научной литературы.

Результаты и обсуждение

В России отсутствуют целостные непротиворечивые данные об употреблении алкоголя населением за продолжительный период. В связи с этим сложно проследить длительную динамику распространения алкогольных проблем. Для анализа алкогольной ситуации исследователи обычно обращаются к статистике различных ведомств, результатам однократных социологических опросов и динамических исследований, экспертным оценкам. На основе сопоставления разнородных статистических и опросных данных можно заключить, что для России характерны большие и многократные колебания распространенности употребления алкоголя, к тому же для каждой фазы колебаний потребления могут существовать отдельные объяснения, как правило, множественные [1; 7].

По архивным данным, перед началом Второй мировой войны в СССР наблюдалось снижение употребления алкоголя, связанное в первую очередь с жесткой антиалкогольной политикой государства, введением уголовной ответственности за любые нарушения. К 1940 г. официальная продажа алкоголя снизилась до 2,3 л на человека в год, при этом самогонование стало минимальным [8]. В годы Великой Отечественной войны подписан приказ «О выдаче военнослужащим передовой линии действующей армии водки по 100 граммов в день» («Наркомовские сто грамм»), то есть алкоголь стал служить адаптогеном к тяжелым военным условиям. Такое ежедневное, в течение многих месяцев, употребление водки множеством людей способствовало росту потребления алкоголя и распространению пьянства в стране в дальнейшем.

В послевоенные годы одним из способов мобилизации внутренних экономических ресурсов страны была винно-водочная торговля. Госкомстат СССР относил алкогольные напитки к товарам народного потребления, и объемы их производства в стране были огромными. Водка была одним из немногих советских товаров, который приносил казне реальный доход, так как продавали его по цене выше себестоимости. В 1950–1970-х и начале 1980-х гг. производство и продажа алкоголя постоянно увеличивались [9; 10; 11; 12]. Отсутствие единого подхода к регулированию производства и оборота алкогольной продукции привели к росту потребления алкоголя, а также к изменению алкогольной структуры в направлении более крепких спиртных напитков. Так, в 1960 г. через государственную

торговлю реализовано на душу населения 3,2 л абсолютного спирта, в 1965 г. — 4,5 л, в 1970 г. — уже 8,20 л, а в 1980 г. — 10,51 л [13]. Таким образом, с 1960 по 1980 г. душевое потребление алкоголя в стране утроилось.

Борьба с алкоголизмом в этот период сведена к пропаганде теории умеренного потребления алкоголя («культурпитейства»). Советское правительство пыталось влиять на рост пьянства путем запрещения продажи водки на всех предприятиях общественного питания (за исключением ресторанов). В результате употребление спиртного вытеснено из социально-контролируемых мест [8], а совместное распитие взрослыми спиртных напитков получило распространение на улицах, во дворах, а также дома, в семьях. Если в первые послевоенные годы напиваться, особенно в общественных местах, не принято, то в дальнейшем непродуманная государственная политика привела к формированию терпимого отношения к групповому пьянству у населения, появлению все большего числа «культурных» и «умеренных» пьяниц, пополнявших впоследствии количество алкоголиков. По данным В. Г. Трэмл, в 1960-е гг. нелегальный алкоголь был равным алкоголю государственной продажи или даже превышал его [14]. Как пишет ведущий российский эксперт в области проблем алкогольной смертности и алкогольной политики А. В. Немцов, увеличению потребления алкоголя на душу населения в указанные годы способствовало и улучшение социально-экономического положения: у людей появились достаток и свободные деньги, которые можно было потратить на алкоголь [15].

Проблема потребления продолжала постепенно усугубляться до середины 80-х. В 1980 г. потребление перестало расти, оставаясь на уровне 10,5 л в год без учета нелегального алкоголя до 1985 г., когда с началом антиалкогольной кампании потребление алкоголя населением заметно уменьшилось [13]. Как следствие, снижены и поступления в бюджет от его продажи. Особенно существенным было уменьшение в 1986 и 1987 гг. (до 3,8 л чистого алкоголя). О снижении потребления свидетельствовали и данные медицинской статистики: к 1988 г. уровень *первичной заболеваемости*¹ алкогольными психозами составлял 5,1 на 100 тыс. человек (в 1983 г. — 21,1 на 100 тыс. населения). Первичная заболеваемость алкоголизмом снизилась с 266,1 в 1985 г. до 103,3 в 1992 г. (на 100 тыс. человек), как видно на рисунке 1. Уже в 1988 г. борьба с алкоголизмом в СССР практически прекращена, государство вновь начало наращивать продажу алкоголя, закрывая финансовые дыры.

Опрошенные авторами эксперты, признавая положительную роль антиалкогольной кампании в снижении употребления спиртного, в целом оценивают ее результаты скептически, полагая, что уменьшение потребления спиртного происходило в большей степени «на бумаге». Так, эксперты утверждают, что «снизились по большей части показатели потребления, но не само употребление», к тому же значительную роль в этом сыграли административные изменения: реорганизация наркологической службы, сокращение сроков диспансерного учета больных алкоголизмом с пяти до трех лет (1988), отказ от репрессивного обеспечения контроля за посещением больными врачей и реализация добровольного принципа обращения за медицинской помощью [13].

К сожалению, в результате антиалкогольной кампании пострадало в первую очередь производство пива и вина, что только усугубило перекося потребление в сторону водки и крепкого алкоголя. Особенность алкогольной ситуации заключалась в том, что, в отличие от большинства европейских стран, в России сложилась тяжелая форма потребления алкоголя — разовое потребление больших

¹ Количество больных, впервые взятых под наблюдение в течение года.

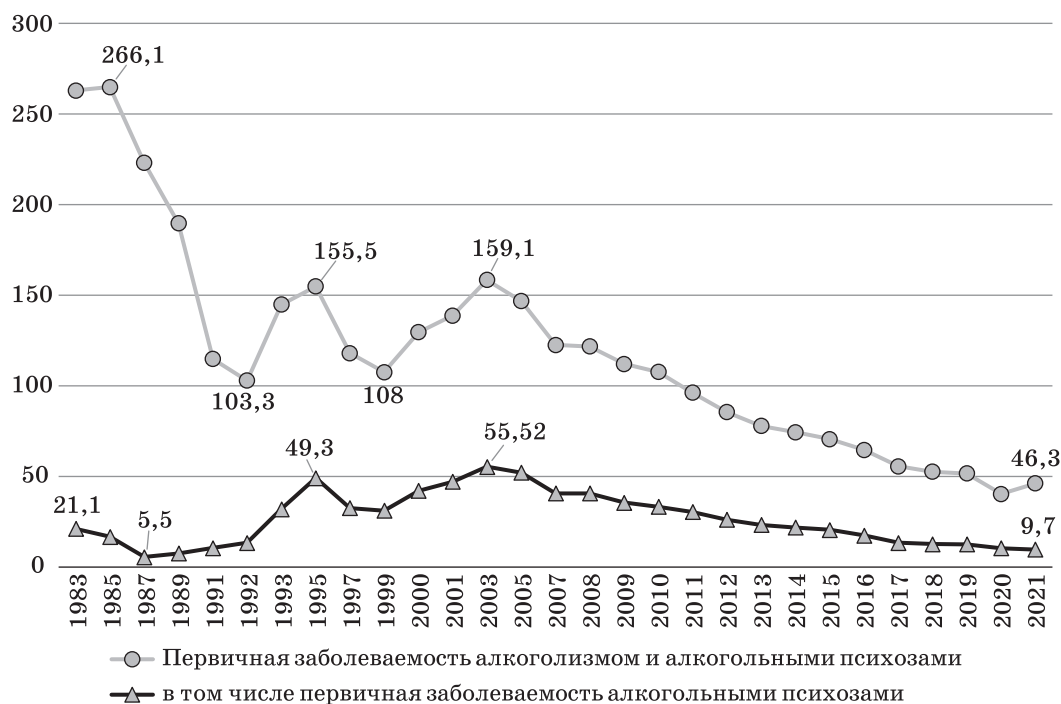

Рис. 1. Заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами среди населения России в 1980–2021 гг., на 100 тыс. населения¹

Fig. 1. Incidence of alcoholism and alcoholic psychosis among the Russian population in 1980–2021, per 100,000 population

доз преимущественно крепких алкогольных напитков, способствующих сильному опьянению и интоксикации (так называемая северная модель потребления). Как пишут эксперты, в годы антиалкогольной кампании спрос на алкоголь у населения не исчез. Однако резкое сокращение объемов производства и продажи винно-водочных изделий послужило толчком к образованию огромного дефицита спиртных напитков, что, в свою очередь, вызвало массовое распространение самогонварения. Так, по данным исследования, проведенного профессором Г. Г. Зиграевым в 1988 г., в среднем у 68 % опрошенных работников сельского хозяйства, 45 % рабочих промышленных предприятий и 24 % представителей интеллигенции находились в ближайшем окружении такие лица, которые часто или периодически употребляли самогон или спиртные напитки домашней выработки [16].

По данным Росстат, душевое потребление легальной алкогольной продукции в России планомерно повышалось с 1990-х гг. по 2007 г. с небольшим перерывом в первые годы реформ и во время кризиса 1998 г. После кризиса 2008 г. этот показатель снова стал снижаться [1, с. 332]. Так, в 90-х гг., в условиях либеральных экономических реформ, экономического, политического и социального кризиса, резко возросло неконтролируемое частное производство контрафактного и некачественного алкоголя, а потребление крепкого алкоголя в России достигло

¹ График составлен авторами статьи по материалам сборников Росстата «Здравоохранение в России» с 2001 по 2021 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.11.2023).

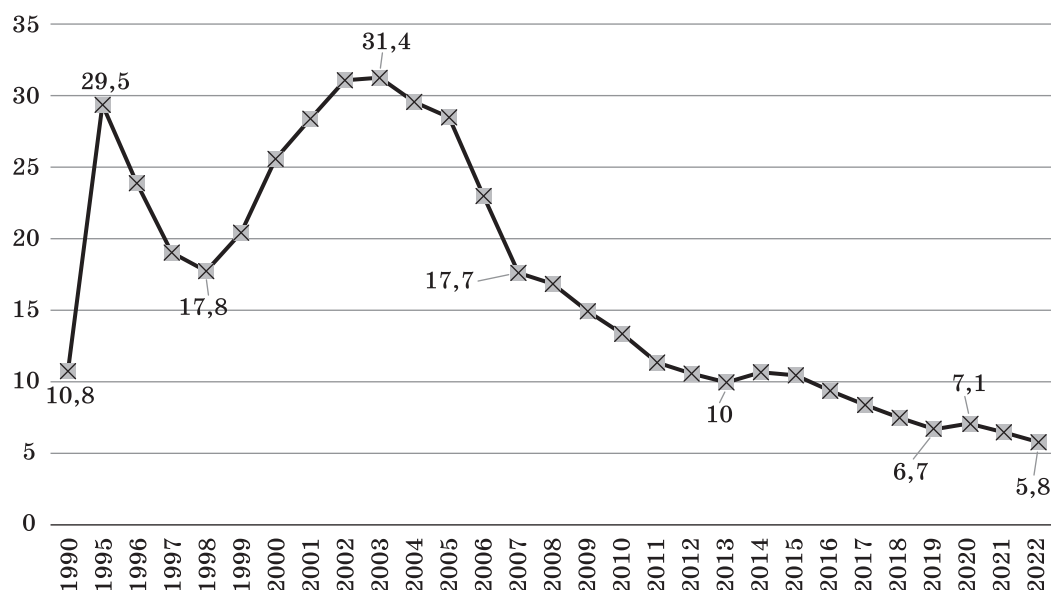

Рис. 2. Смертность от случайных отравлений алкоголем среди населения России в 1990–2022 гг., на 100 тыс. населения¹

Fig. 2. Mortality from accidental alcohol poisoning among the Russian population in 1990–2022, per 100,000 population

исторически рекордных уровней. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в 1994–1995 гг. суммарное (в легальном и нелегальном сегментах) потребление алкоголя достигало 15–18 л на человека в год. Первичная заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами возросла вновь в несколько раз, от 103 в 1993 г. до 155,5 на 100 тыс. в 1995 г. Смертность от случайных отравлений алкоголем возросла практически в три раза: от 10,8 в 1990 г. до 29,5 в 1995 г. на 100 тыс. населения, как видно на рисунке 2.

С 1996 по 1999 г. наблюдалось снижение потребления алкоголя в России. Снизились первичная заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами, как показано на рисунке 1, а также смертность от случайных отравлений алкоголем, как видно на рисунке 2. Свою роль сыграли несколько факторов. Период накануне дефолта (1992–1997) сопровождался безработицей, ростом цен и резким обнищанием населения, падением его покупательной способности. Кроме того, финансовый кризис 1998 г. повлиял на структуру потребления алкоголя. Дешевый импортный спирт, который расходовали на изготовление водки, стал дорогим. Доля водки и других крепких напитков среди потребляемого алкоголя впервые за долгие годы незначительно уменьшилась [8]. Кроме того, существенную роль в снижении потребления алкоголя в этот период, по мнению Немцова, сыграл и факт вымирания большого количества основных потребителей алкоголя в предшествующий период (1988–1995) из-за низкого качества продукции, доступности и дешевизны алкогольных напитков, в основном нелегальных [7; 17].

После дефолта в стране наблюдаются восстановление экономической ситуации, снижение безработицы и новый рост потребления алкоголя, продолжавшийся

¹ График составлен авторами по материалам сборников Росстата «Российский статистический ежегодник» за 2003–2022 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 15.11.2023).

до 2003 г., то есть до второго пика его потребления [7]. По данным ВОЗ, уровень потребления чистого алкоголя на душу (в расчете на население от 15 лет и старше) в России в 2003–2005 гг. составлял от 10,3 до 15,7 л (в европейском регионе в среднем — 12,2) [18]. Показатели *общей заболеваемости*¹ алкоголизмом и алкогольными психозами после непродолжительного снижения в 1997 г. в дальнейшем, до 2005 г., оставались стабильно высокими. Затем началось плавное снижение всех показателей алкогольных проблем, которое продолжалось до периода пандемии COVID-19.

По данным российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), доля потребителей алкоголя (респонденты в возрасте от 15 лет и старше указали, что употребляли алкоголь в течение 30 дней, предшествовавших опросу) сохранялась на высоком уровне (50–55 %) с 1994 по 2007 г., затем (до 2015 г.) наблюдается последовательное снижение с незначительным ростом в 2016–2019 гг. В годы пандемии COVID-19 (2020–2021) обнаружено снова снижение, что отражено на рисунке 3. Помимо уровня употребления спиртного, мониторинг позволяет проследить динамику самочувствия населения по некоторым показателям с 1994 по 2022 г. Нами выбраны такие параметры, как уровень удовлетворенности жизнью, уровень тревоги относительно невозможности обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, самооценка экономического положения и ощущение собственного бесправия. В динамике рассмотрены негативные оценки по выбранным параметрам. Так, при ответе на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» суммированы варианты ответов «не очень удовлетворен», «совсем не удовлетворен». При ответе на вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?» рассмотрены в совокупности ответы «немного беспокоит» и «очень беспокоит». Для оценки уровня благосостояния в исследовании использована шкала, представляющая собой девятиступенчатую лестницу экономического положения: первая ступень — самая низкая позиция (нищие), а девятая — самая высокая (богатые). Респондентов просили «поставить» себя на одну из ступеней. В ходе анализа ответы респондентов распределены по трем иерархическим уровням материального благосостояния: нижний (первая — третья ступени), средний (четвертая — шестая ступени) и верхний уровень (седьмая — девятая ступени). Для настоящего исследования нами использован нижний уровень благосостояния (первая — третья ступени). Аналогично для оценки ощущения бесправия или власти в исследовании предложена шкала, в которой на нижней ступени находятся бесправные, а на высшей — лица, обладающие огромной властью. Для анализа использованы нижние показатели (первая — третья ступени), то есть ощущение бесправия. Сравнение этих показателей в динамике выявляет их синусоидальный характер. Так, в период финансового кризиса 1998 г. наблюдались их пиковые значения: респонденты демонстрировали высокие показатели неудовлетворенности жизнью, тревоги о завтрашнем дне, ощущали себя бесправными и бедными. В этот же год употребление спиртного снижается, что отражено на рисунке 3. К 2001 г. рассматриваемые показатели негативного самочувствия снизились, а уровень потребления алкоголя возрос. В отличие от данных мониторинга НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), показатели общей заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами в период с 1992 по 2005 г. сохранялись на стабильно высоком уровне.

¹ То есть количество больных, находящихся под наблюдением на конец отчетного года.

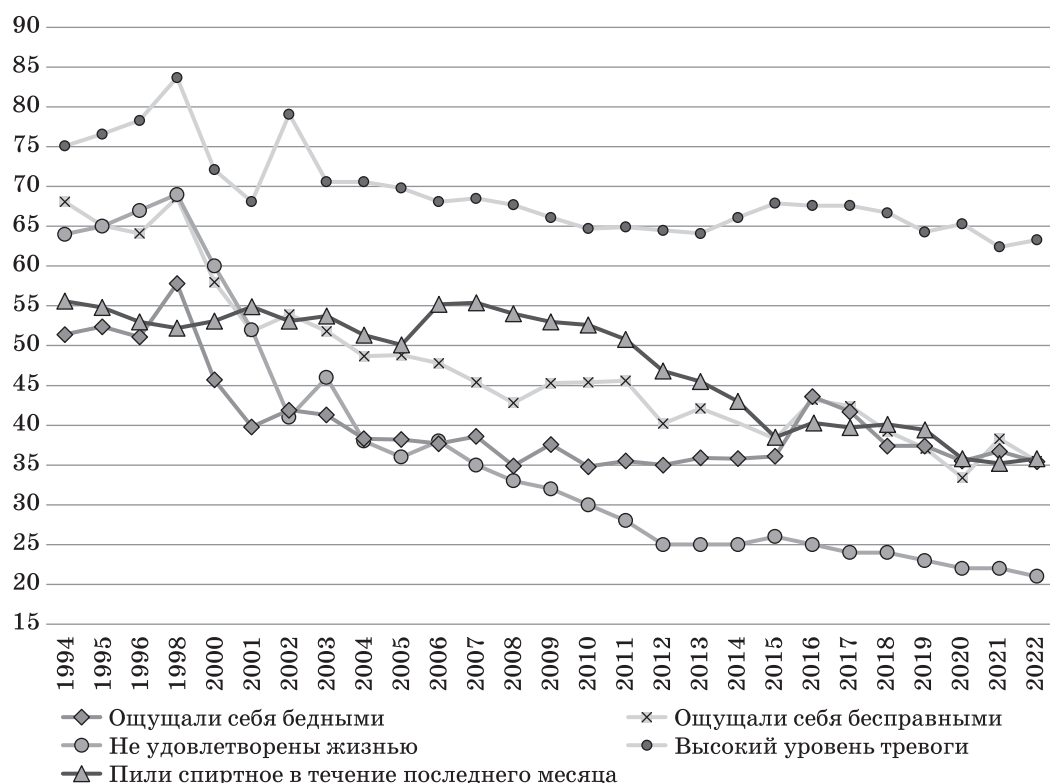

Рис. 3. Самочувствие и употребление алкогольных напитков за 30 дней перед опросом респондентами старше 15 лет в 1994–2022 гг. (RLMS-HSE), %

Fig. 3. Self-reported well-being and alcoholic beverage consumption in the 30 days before the survey by respondents over 15 years of age in 1994–2022 (RLMS-HSE), %

Стабилизировавшийся относительно высокий уровень потребления алкоголя в 2006–2010 гг. сопровождался снижением показателей негативного самочувствия: уменьшились ощущение бесправия и бедности, неудовлетворенность жизнью, постепенно снижалось и чувство тревоги о невозможности в будущем себя обеспечить. В 2014–2015 гг., в условиях кризиса, рост доходов вновь снижается, как и потребление спиртного, а некоторые негативные показатели самочувствия немного возрастают, как показано на рисунке 3.

В целом с 2009 по 2010 г., благодаря принятым государством профилактическим мерам, в России происходило последовательное снижение алкогольного потребления [19]: с 15,8 л на человека в 2008 г. (18 л, по данным ВОЗ) до девяти литров в 2021 г. Снижены показатели заболеваемости алкогольными расстройствами (включая психозы) среди взрослых и подростков, заболеваемость алкогольными болезнями печени, смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя. Онлайн-опросы, организованные сектором социологии девиантного поведения с 2009 по 2020 г. среди трудоспособных горожан в возрасте 18–65+ лет, свидетельствуют о том, что в указанные годы произошло сокращение потребления алкоголя практически во всех половозрастных группах. Возросла доля лиц, сообщивших о том, что не употребляют спиртное (с 9 % в 2009/2010 гг. до 16 % в 2020 г.), изменилось отношение к тем, кто не употребляет алкоголь: в 2009–2010 гг. отношение к трезвенникам было настороженным у 15 % опрошенных, в 2020 г. — лишь у 6 %. Снизилась доля респондентов, употребляющих

спиртное часто, от одного до семи раз в неделю (с 32 до 26 %). Выявлено снижение тяжелого эпизодического употребления («запоев») у мужчин и женщин. В структуре употребления алкоголя в последние 20 лет обнаружен переход от крепких спиртных напитков («североевропейской модели потребления» спиртного) к более легким — пиву и винам («центрально-европейской»). Значительно уменьшилось потребление алкоголя в молодежной среде, особенно среди студентов, снизилось бравирование алкогольными «подвигами» [22]. Аналогичные результаты получены социологами НИУ ВШЭ, согласно которым доля россиян 14–22 лет, употребляющих алкоголь, сократилась за последние полтора десятилетия более чем вдвое. Опрошенные эксперты обратили внимание на то, что снижение потребления спиртного в это десятилетие происходило благодаря улучшению социально-экономической ситуации в стране, а также демографическому кризису (уменьшению доли молодежи и старению населения), поскольку основные потребители алкоголя — люди трудоспособного возраста. Специалисты сделали акцент и на позитивной роли государственных мер по урегулированию алкогольного рынка.

С 2020 г. многолетняя тенденция к снижению алкоголизации прервана. Пандемический 2020 г. отличается ростом как покупок, так и употребления некрепкого алкоголя. Согласно данным Росалкогольрегулирования (РАР), по сравнению с 2019 г. увеличились продажи пива (на 4,4 %) и пивных напитков (на 2,8 %). Потребление водки в 2020 г. возросло на 2 % и составило 4,9 л на душу населения [20; 21]. По данным нашего онлайн-опроса горожан (2020), первый год пандемии можно охарактеризовать усугублением ряда алкогольных привычек у горожан: каждый десятый указал, что с начала пандемии стал чаще покупать спиртное, каждый четвертый сообщил, что в период самоизоляции «стал чаще ловить себя на мысли, что хочет выпить», треть респондентов указали на то, что стали чаще сильно напиваться и чаще опохмеляться. В старших возрастных группах (40–59 лет) возросла доля лиц, которые употребляли алкоголь часто, то есть раз в неделю и чаще. Согласно полученным данным, пандемия не привела к повсеместному существенному увеличению потребления алкоголя среди горожан. Однако выделены группы риска, которые увеличили потребление алкоголя в период пандемии больше, чем другие. Наибольшему риску оказались подвержены трудоспособные и активные граждане 24–49 лет с низкими или высокими доходами. Второй группой риска стали граждане, которые злоупотребляли спиртным и до пандемии [22].

Несмотря на впечатляющие результаты 2020 г., в 2021–2023 гг. рынок алкогольных напитков в России продолжал расти. Так, продажи спиртного в 2021 г. возросли на 3,7 % в натуральном выражении и на 7,6 % — в денежном [21; 23]. В 2022 г., по данным экспертов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), исследовавших потребительский рынок в России, рост наблюдался как в производстве алкоголя, так и в сфере продаж [24]. Эксперты алкогольного рынка, выступающие в российских средствах массовой информации (СМИ), утверждали, что антироссийские санкции затронули экспорт спиртного в Россию, и это привело к перестройке рынка, перепроизводству алкогольной продукции во всех категориях, особенно в группе крепкого алкоголя. Так, объем произведенной в России алкогольной продукции в 2022 г. возрос на 2,24 % по сравнению с предыдущим годом: на 42 % увеличилось производство ликеро-водочных изделий с содержанием спирта свыше 25 % (джина, рома), на 4 % — водки. Однако, по словам директора Центра исследований федерального и регионального рынков алкоголя (ЦИФРРА) В. Дробиза, «производство виски, рома и джина в России росло по причине их импортозамеще-

ния, но значительного роста потребления такой продукции на рынке не было» [25]. Совокупные розничные продажи алкоголя, включая пиво и пивные напитки, в 2022 г. возросли лишь на 1 % год к году. Среди алкогольной продукции в целом заметный рост розничных продаж произошел в сегменте крепкого спиртного (от 6,4 до 6,8 л на человека в год), что существенно выше, чем в 2021 и 2020 гг. [26]. В первом полугодии 2023 г., по данным Росалкогольрегулирования [27], продажи алкоголя возросли на 3,9 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г.

Заметной тенденцией последних двух лет стал переход россиян на более дешевый алкоголь. Как утверждают опрошенные нами эксперты, подобная ситуация связана не только с падением покупательной способности населения, но и сокращением предложений в сегменте западных производителей спиртного. С одной стороны, россияне перешли на более дешевый отечественный виски, производство которого в 2022 г. возросло на 10 % [28]. С другой — уход иностранных алкогольных брендов спровоцировал новый виток интереса к производству домашнего алкоголя (самогона, настоек, наливок).

Несмотря на такие тревожные данные аналитических компаний исследования промышленных и потребительских рынков, материалы социологических опросов свидетельствуют о том, что тенденция к снижению употребления алкоголя в России сохраняется. Согласно Всероссийскому центру изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2022 г. лишь 8 % россиян стали чаще употреблять алкоголь, и в большей степени речь идет о мужчинах. Большинство россиян (56 %) указали на то, что не стали пить чаще, а каждый третий утверждал, что употребление алкоголя для него не является актуальным, поскольку эти люди не пьют [29]. Схожие результаты получены в исследовании НИУ ВШЭ [30], согласно которым более половины россиян (64 %) не изменили свой образ жизни в отношении употребления алкоголя в течение 2022 г. По данным мониторинга RLMS-HSE, уровень потребления в 2020–2022 гг. стабилизировался на уровне 35,2–35,8 %, что отражено на рисунке 3. Данные опросов вызывают удивление, особенно, если учитывать, что в годы пандемии, в разгар локдаунов, потребление спиртного возросло в мире. Так, исследователи А. В. Немцов, К. В. Шелыгин и Ю. Е. Разводовский пишут о том, что уровень потребления алкоголя в России не может быть адекватно оценен по результатам многочисленных однократных опросов и динамических исследований в связи с существенными занижениями показателей [7; 17]. Поэтому важным дополнительным источником информации становятся опросы экспертов и их мнения.

Согласно данным Фонда «Общественное мнение» и «Левада-центра»¹, в 2022 г. у населения преобладали тревожные настроения, связанные с началом специальной военной операции на Украине, а затем с проведением частичной мобилизации, что могло стать катализатором роста употребления алкоголя [31; 32]. Опрошенные эксперты-социологи указали на то, что в период кризисов происходит изменение мотивации потребления алкоголя: если во времена стабильности и экономического роста на первый план выходят гедонистический, рекреационный и социальный мотивы (общение, совместное празднование), то в периоды неопределенности, кризиса и роста социальных рисков употребление (и злоупотребление) спиртного представляет собой один из способов адаптации к быстро изменяющимся или тяжелым социальным условиям, то есть на первый план выходит атарактический мотив (снятие тревоги, стресса, неприятных ощущений). По мне-

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

нию одного из опрошенных специалистов-социологов, рост потребления спиртного вызван не столько ухудшением экономического положения (жизнь большинства в этом аспекте не слишком изменилась), сколько *«тягостным ощущением неопределенности, неясности будущего, потерей ориентиров и негативными ожиданиями»*.

Опрошенные эксперты-медики (наркологи) обращают внимание на особую роль стресса и фоновой тревоги в росте алкоголизации: *«На фоне международной напряженности и неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне у населения растет и уровень стресса. Люди употребляют алкоголь в первую очередь для того, чтобы снизить интенсивность своей реакции на тревогу»*. Другой специалист полагает, что роль спиртного в снятии стресса двойственна: *«Связь между алкоголем и стрессом противоречива. Иногда у некоторых людей употребление спиртного действительно может позитивно влиять на реакцию на стресс, снижая его, у других, наоборот, усугубляет. Важно то, что у российских граждан существует стереотип о расслабляющем воздействии спиртного. К сожалению, при ухудшении социальной обстановки или любых неприятностях алкоголь и сегодня остается самым простым и доступным способом снять стресс. Ведь почти ничего не нужно делать, прилагать какие-либо усилия»*.

Эти тезисы находят подтверждение в материалах наших и других количественных опросов, свидетельствующих о том, что увеличение потребления алкоголя в последние годы происходило в основном в группах респондентов, которые делали акцент на ухудшении психологического самочувствия, материального положения, снижении социального статуса, а самое главное, которые и ранее злоупотребляли спиртным и у которых сложился паттерн реагирования на любые жизненные кризисы — обращение к бутылке [22; 30].

Согласно мнениям экспертов, представленных в онлайн-СМИ, рост покупок и потребления спиртного в России связан с кризисами последних лет. В. Дробиз сообщает, что *«основной тренд последних двух с половиной лет — интерес к крепкой алкогольной продукции. В кризисы всегда в мире растет потребление крепкой продукции»* [33]. Специалист считает, что *«россияне начинают экономить на алкоголе в последнюю очередь, так как он относится к категории остросоциальных потребительских продуктов для более чем 70 процентов взрослого населения России»* [33].

Известный психиатр и нарколог Ю. Сиволап обращает внимание на то, что *«в течение последнего десятилетия люди в России стали лучше жить, быть пьяным стало немодно, в социально благополучных слоях число пьющих тоже сократилось: бизнесмены перестали пить на своих деловых встречах, потому что это им вредит»* [34]. Однако сначала *«пандемия спутала все карты»*, а в 2022 г. в связи с соответствующими событиями у населения вновь заметно возрос уровень стресса. Ю. Сиволап продолжает: *«Публика сейчас напряженная, люди налегают на алкоголь, все это очень заметно. Я это вижу во врачебной среде, вижу по своим друзьям. В этом году у меня прибавилось клиентов. Алкоголь — это вещество, которое находится в легальном поле, его употребление не запрещено законом, а людям хочется быстро снять стресс»* [34].

Социолог Д. Александров, профессор НИУ ВШЭ, считает, что рост употребления спиртного в 2022 г. — это проблема в первую очередь бедных слоев населения: *«Стресс последнего времени, связанный с военной операцией, мобилизацией и общим международным напряжением, ... привел к росту алкоголизации в первую очередь бедного сельского населения страны, так как у них нет альтернативы: либо запой, либо пойти мобилизоваться. С точки зрения такой*

науки, как социальная эпидемиология, это все рисковое поведение: опасное вождение, запои либо участвовать в СВО. И это рисковое поведение — ответ на условия жизни» [33].

Вместе с тем старший преподаватель департамента маркетинга Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ А. Лебедев убежден в том, что увеличение потребления крепкого алкоголя в 2022 г. — временное явление, связанное с изменением логистических цепей, уходом ряда поставщиков и колебанием курсов валют. По мнению эксперта, намеченный несколько лет назад тренд на снижение потребления россиянами алкоголя сохранится и в дальнейшем, особенно среди молодежи, а переход от крепких спиртных напитков (так называемой северо-европейской модели потребления спиртного) к более легким, в частности пиву и винам («центрально-европейской»), лишь усилится: *«Каждый год злоупотребляющих алкоголем становится меньше, а ведущих здоровый образ жизни больше. Мы стали чаще пить легкие и слабоалкогольные напитки, а традиционная для России “северная модель” с превалированием крепких напитков сдает позиции»* [35].

Часть опрошенных экспертов, а также специалистов, представленных в СМИ, не согласны с тезисом о снижении алкоголизации и полагают, что в России происходит не столько снижение употребления алкоголя, сколько увеличение латентности алкоголизации населения, в частности из-за высокой доли рынка нелегального алкоголя, а также из-за роста употребления незарегистрированного алкоголя — самогона. Один из опрошенных нами специалистов-медиков убежден в следующем: *«Ни о каком глобальном снижении употребления алкоголя говорить не приходится. Часто приводят статистику снижения смертности от алкогольных причин, но нужно понимать, что статистика эта сильно искажена. В причинах смерти ставят острую сердечную недостаточность, а по факту человек — алкоголик со стажем. Что касается продаж алкоголя, то опять же в статистике отражены лишь продажи официального алкоголя. Какова доля неучтенного алкоголя, можно судить лишь по косвенным признакам. Сколько гонится того же самогона — вообще посчитать невозможно, но в регионах гонят почти все»*.

Другой опрошенный эксперт также скептичен: *«Особенно удручают так называемые списки наиболее трезвых регионов. Как только спрос на официальный алкоголь падает — это для нас сигнал: не пить стали меньше, а жить стали хуже. Это говорит только о том, что народ перешел на суррогаты, на самогон и все, что входит в категорию нелегального спиртного»*.

А. Меринов, доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии Рязанского государственного медицинского университета имени И. П. Павлова сообщил изданию «Лента.ру» следующее: *«В последнее время народ просто помешался на рецептах самогоноварения, этих продуктов стало больше. В интернете мне то и дело приходит реклама с предложением купить самогонный аппарат, хотя я никогда их не искал. В любом крупном торговом центре расположены одна-две точки с товарами “Все для самогоноварения”. И этот объем мы учесть не можем, а он совсем не маленький»* [33]. Социальный психолог А. Рощин приводит интересный пример. Так, в начале 2000-х гг. в рамках борьбы за наполнение бюджета акцизами в Магадане практически исчезли контрафактная водка и спиртное, а на прилавках осталась только дорогая акцизная водка, потребление легального спиртного за год действительно снизилось почти до нуля, однако в пять раз возросло потребление сахара, то есть люди стали массово производить самогон [36]. О возвращении интереса россиян к самогоноварению свидетельствуют и данные российского мониторинга экономического положения и здоровья

населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Согласно этим сведениям, после многолетнего падения употребление самогона с 2012 по 2020 г. увеличилось в два раза: с 4,7 до 8,4 %. Последние опросы сектора социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН, проведенные летом 2023 г., показали, что самогоноварение присутствует практически во всех регионах.

Выводы

Рассмотренные данные не позволяют утверждать, что в кризисные годы происходило снижение распространенности алкоголизации в России. С одной стороны, по данным динамических исследований, в отдельные периоды финансовых кризисов (1995, 1998, 2014–2015) наблюдается недолгое снижение потребления. Сведения Росстата о душевом потреблении легальной алкогольной продукции в России также говорят о незначительном снижении в эти периоды [1]. С другой стороны, период с 1990-х гг. до середины 2000-х гг. опрошенными экспертами характеризуется как кризисный и трансформационный, именно в эти годы ситуация, связанная с алкоголизацией в России, была тяжелой, несмотря на кратковременные снижения. В рассматриваемый период высокими остаются показатели общей и первичной заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами, смертности от отравлений алкоголем. С улучшением социальной и экономической ситуации, ввиду положительного влияния антиалкогольной политики, прослеживается улучшение ситуации, выраженное в снижении тяжелого эпизодического употребления у мужчин и женщин, переходе от крепких спиртных напитков к более легким, уменьшении потребления алкоголя в молодежной среде. Несмотря на сохраняющийся позитивный тренд снижения алкоголизации, мы склоняемся к тому, что он имеет инерционный характер, однако возникшие новые условия в стране не позволяют оценить будущую ситуацию оптимистично. Некоторые признаки указывают на то, что потребление алкоголя в России в ближайшее время может начать расти. Как пишут опрошенные эксперты-социологи, для российского общества является характерным состояние повышенной неопределенности, социальной напряженности и дезорганизации. Ситуация осложнена перманентным экономическим кризисом, препятствующим повышению уровня благосостояния значительной части населения [37]. В 2022 г. российская экономика испытала внешнее давление в виде беспрецедентных западных санкций, отразившееся практически на всех секторах и отраслях, что привело к снижению ряда социально значимых показателей: реальные располагаемые доходы россиян в целом в 2022 г. снизились на 1 % после роста на 3,2 % в 2021 г. Рост цен в 2022 г. составил 11,94 % [38]. На конец 2022 г. каждый третий россиянин не удовлетворен экономической политикой, треть оценили уровень инфляции как очень высокий, каждый пятый столкнулся с дефицитом привычных товаров [39]. Большинство экспертов сходятся во мнении о том, что социально-экономическое развитие РФ как минимум в среднесрочной перспективе (до трех лет) будет проходить в условиях глубокой трансформации хозяйственной деятельности в масштабах государства. С точки зрения социально-экономических теорий не столько тяжелое социально-экономическое положение способствует распространению в обществе употребления различных психоактивных веществ, к которым относится и алкоголь, сколько процесс резких трансформаций и общественной дезинтеграции [5]. Иными словами, изменение социально-экономической ситуации, как в лучшую, так и в худшую сторону, может повышать уровень алкоголизации. Попадая в ситуацию быстро изменяющихся условий, индивид оказывается в зоне неопределенности и адаптационного риска, что повышает риск алкоголизации и девиаций в целом.

Список источников

1. Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980–2010-е годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 327–351. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2180
2. Рощина Я. М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. № 2. С. 238–257. URL: <https://online.fliphtml5.com/yipsl/kqsx/#p=238> (дата обращения: 16.10.2023).
3. How economic crises affect alcohol consumption and alcohol-related health problems: A realist systematic review / C. M. Goeij, M. Suhrcke, V. Toffolutti [et al.] // Social Science & Medicine. 2015. Vol. 131. P. 131–146. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.02.025
4. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии: по собственным наблюдениям и достоверным источникам / пер. 5-е изд. М.: Прогресс, 1984. 307 с.
5. Анисимова С. Г. Девиантное поведение в контексте экономических теорий // ГЛОБЭКСИ: электрон. науч. журнал. 2011. URL: <http://www.globecsi.ru/Articles/2011/Anisimova.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).
6. Frone M. R. The Great Recession and employee alcohol use: A U.S. population study // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30. No. 2. P. 158–167. DOI: 10.1037/adb0000143
7. Немцов А. В., Шелыгин К. В. Потребление алкоголя в России: 1956–2012 гг. // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 3–12.
8. Дерюга А. Н., Мотрович И. В. Особенности формирования питейных традиций в России // Право и государство: теория и практика. 2010. № 7. С. 63–68.
9. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
10. Народное хозяйство СССР в 1960 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. 943 с.
11. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1990. 766 с.
12. Торговля в СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1989. 478 с.
13. Кошкина Е. А., Паронян И. Д., Павловская Н. И. Оценка алкогольной ситуации в России // Российский медицинский журнал. 1996. Т. 3. № 7. С. 11–17.
14. Trembl V. G. Alcohol in the USSR: A statistical study. Durham, NC: Duke University Press, 1982. 103 p.
15. Корсак Д. Как спился Советский Союз? Известный исследователь о корнях «пьянства испокон веков» и о том, так ли глубоки эти корни // Onliner.by. 2018. 12 октября. URL: <https://people.onliner.by/opinions/2018/10/12/neformat-85> (дата обращения: 15.10.2023).
16. Заиграев Г. Г. Особенности российской модели потребления некоммерческого алкоголя // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 33–41.
17. Немцов А. В., Разводовский Ю. Е. Алкогольная ситуация в России, 1980–2005 гг. // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18. № 2. С. 52–60.
18. European status report on alcohol and health 2010. Copenhagen: World Health Organization, 2011. 381 p. URL: https://who-sandbox.squiz.cloud/__data/assets/pdf_file/0004/128065/e94533.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
19. Филоненко В. Пить россияне стали меньше только на бумаге // Парламентская газета. 2022. 15 сентября. URL: https://www.pnp.ru/social/pit-rossiyane-stali-menshe-tolko-na-bumage.html?utm_source=rnews (дата обращения: 02.11.2023).
20. Соболевская О. В. Пьющей молодежи в России стало вдвое меньше // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2023. 9 марта. URL: <https://www.hse.ru/rfms/news/819388240.html> (дата обращения: 02.11.2023).
21. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Алкогольный рынок и распространенность алкогольных проблем в России в условиях распространения COVID-19 // Свободная мысль. 2022. № 4. С. 163–178. DOI: 10.24412/0869-4435-2022-4-163-178

22. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 3. С. 25–44. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.3.9195
23. Тренды индустрии: усложнение алкогольного рынка // NielsenIQ. 2022. 15 февраля. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/analysis/2022/trendy-industrii-uslozhnenie-alkogolnogo-rynka/> (дата обращения: 15.10.2023).
24. Лазарева О. Потребление алкоголя в России выросло на 3 % // Агентство экономических новостей. 2023. 13 января. URL: <https://www.myeconomy.ru/biznes/potreblenie-alkogolya-v-rossii-v-2022-godu-vyroslo-na-3/> (дата обращения: 15.10.2023).
25. Левинская А. В России за год выросли производство и продажа алкоголя // РБК. 2023. 21 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2023/63f378df9a7947fe51d6c6b9> (дата обращения: 18.10.2023).
26. Микаелян А. Продажи крепкого алкоголя в 2022 году выросли на 7,5 % // ФинЭкспертиза. 2023. 6 марта. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/prodazh-krepk-alko-2022/> (дата обращения: 18.10.2023).
27. РАР: продажи алкоголя в первом полугодии 2023 года выросли на 3,9 % // Profibeer. 2023. 18 июля. URL: <https://profibeer.ru/alcokol/rar-prodazhi-alkogolya-v-pervom-polugodii-2023-goda-vyrosli-na-39> (дата обращения: 18.10.2023).
28. Россияне переходят на дешевый алкоголь // Новости Mail.ru. 2022. 4 октября. URL: <https://news.mail.ru/economics/53337781/> (дата обращения: 15.10.2023).
29. Кайрус В. ВЦИОМ: В 2022 году 8 % россиян стали чаще пить спиртное // Baltic News. 2022. 28 ноября. URL: <https://balticnews.ru/vtsiom-v-2022-godu-8-rossiyan-stali-chashhe-pit-spirtnoe/> (дата обращения: 12.10.2023).
30. Россияне в 2022 году не стали больше курить и употреблять алкоголь // ТАСС. 2022. 25 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17367251> (дата обращения: 15.10.2023).
31. Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). 2022. 3 марта. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d82022.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
32. Общество в состоянии стресса // Левада-Центр. 2022. 21 октября. URL: <https://www.levada.ru/2022/10/21/obshchestvo-v-sostoyanii-stressa> (дата обращения: 12.10.2023).
33. Гранина Н. «Все нервные, все одинокие». Россияне стали чаще покупать алкоголь. Как и чем они запивали 2022 год? // Lenta.ru. 2022. 27 декабря. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/12/27/alkogod/> (дата обращения: 12.10.2023).
34. Алленова О. «Никакому наркотику не светят такие гигантские кладбища, которые есть у алкоголя». Как лечить алкоголизм в России // Коммерсантъ. 2022. 26 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5682157> (дата обращения: 15.10.2023).
35. Бурнин К. Эксперт раскрыл причины роста потребления крепкого алкоголя в России // МК в Новосибирске. 2023. 15 марта. URL: <https://novos.mk.ru/social/2023/03/15/ekspert-raskryl-prichiny-rosta-potrebleniya-krepkogo-alkogolya-v-rossii.html> (дата обращения: 02.11.2023).
36. Роцин А. Россия научилась гнать // РосБалт. 2021. 8 сентября. URL: <https://www.rosbalt.ru/posts/2021/09/08/1920185.html> (дата обращения: 15.10.2023).
37. Устинкин С. В., Куконков П. И. Социальное напряжение: проблематизация и уточнение исследовательских подходов // Россия реформирующаяся. 2021. Вып. 19. С. 384–412. DOI: 10.19181/ezheg.2021.16
38. Экономические итоги — 2022 // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2022. 27 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/ehkonomicheskie-itogi-2022> (дата обращения: 15.10.2023).
39. Бирюков М. Росстат оценил падение реальных доходов россиян по итогам 2022 года // Forbes. 2023. 8 февраля. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/484730-rosstat-ocenil-padenie-real-nyh-dohodov-rossiyan-po-itogam-2022-goda> (дата обращения: 16.10.2023).

References

1. Radaev V.V. Alcohol cycles: Trends in the alcohol consumption in the Soviet and post-Soviet Russia, 1980-2010. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie*

- i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(3):327-351. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2180
2. Roshchina Ya.M. Dynamics and structure of alcohol consumption in modern Russia. *Vestnik Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE*. 2012;(2):238-257. URL: <https://online.fliphtml5.com/yipsl/kqxs/#p=238> (accessed on 16.10.2023). (In Russ.).
 3. de Goeij M.C.M., Suhrcke M., Toffolutti V. et al. How economic crises affect alcohol consumption and alcohol-related health problems: A realist systematic review. *Social Science & Medicine*. 2015;131:131-146. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.02.025
 4. Engels F. Die Lage der arbeitenden Klasse in England: Nach eigener Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig: Verlag Otto Wigand; 1845. 332 p. (Russ. ed.: Engels F. Polozhenie rabochego klassa v Anglii: po sobstvennym nablyudeniiam i dostovernym istochnikam. Moscow: Progress; 1984. 307 p.).
 5. Anisimova S.G. Deviant behavior in the context of economic theories. GLOBEKSI. 2011. URL: <http://www.globecsi.ru/Articles/2011/Anisimova.pdf> (accessed on 16.10.2023). (In Russ.).
 6. Frone M.R. The Great Recession and employee alcohol use: A U.S. population study. *Psychology of Addictive Behaviors*. 2016;30(2):158-167. DOI: 10.1037/adb0000143
 7. Nemtsov A.V., Sheligin K.V. Alcohol consumption in Russia: 1956-2012. *Voprosy narkologii* = *Journal of Addiction Problems*. 2014;(5):3-12. (In Russ.).
 8. Deryuga A.N., Motrovich I.V. Features of the formation of drinking traditions in Russia. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and State: The Theory and Practice*. 2010;(7):63-68. (In Russ.).
 9. National economy of the USSR in 1990: Stat. yearbook. Moscow: Finansy i statistika; 1991. 752 p. (In Russ.).
 10. National economy of the USSR in 1960: Stat. yearbook. Moscow: Gosstatizdat Central Statistics Service of the USSR; 1961. 943 p. (In Russ.).
 11. National economy of the USSR in 1989: Stat. yearbook. Moscow: Finansy i statistika; 1990. 766 p. (In Russ.).
 12. Trade in the USSR: Stat. coll. Moscow: Finansy i statistika; 1989. 478 p. (In Russ.).
 13. Koshkina E.A., Paronyan I.D., Pavlovskaya N.I. Assessment of the alcohol situation in Russia. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal* = *Russian Medical Journal*. 1996;3(7):11-17. (In Russ.).
 14. Trembl V.G. Alcohol in the USSR: A statistical study. Durham, NC: Duke University Press; 1982. 103 p.
 15. Korsak D. How did the Soviet Union drink itself to death? A famous researcher about the roots of “drunkenness from time immemorial” and whether these roots are so deep. Onliner. Oct. 12, 2018. URL: <https://people.onliner.by/opinions/2018/10/12/neformat-85> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
 16. Zaigraev G.G. Features of the Russian model of non-commercial alcohol consumption. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological Research*. 2002;(12):33-41. (In Russ.).
 17. Nemtsov A.V., Razvodovskii Yu.E. Alcohol situation in Russia: 1980-2005. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya* = *Social and Clinical Psychiatry*. 2008;18(2):52-60. (In Russ.).
 18. European status report on alcohol and health 2010. Copenhagen: World Health Organization; 2011. 381 p. URL: https://who-sandbox.squid.cloud/__data/assets/pdf_file/0004/128065/e94533.pdf (accessed on 15.10.2023).
 19. Filonenko V. Russians are drinking less only on paper. *Parlamentskaya gazeta*. Sep. 15, 2022. URL: https://www.pnp.ru/social/pit-rossiyane-stali-menshe-tolko-na-bumage.html?utm_source=rnews (accessed on 02.11.2023). (In Russ.).
 20. Sobolevskaya O.V. There are half as many young people drinking in Russia. RLMS-HSE. Mar. 09, 2023. URL: <https://www.hse.ru/rlms/news/819388240.html> (accessed on 02.11.2023). (In Russ.).
 21. Pozdniakova M.E., Bruno V.V. Alcohol market and prevalence of alcoholic problems in Russia in conditions of propagation COVID-19. *Svobodnaya mysl'* = *Free Thought*. 2022;(4):163-178. (In Russ.). DOI: 10.24412/0869-4435-2022-4-163-178

22. Pozdnyakova M.E., Bruno V.V. Alcohol consumption in Russia during the COVID-19 pandemic. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2022;10(3):25-44. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2022.10.3.9195
23. Industry trends: Increasing complexity of the alcohol market. NielsenIQ. Feb. 15, 2022. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/analysis/2022/trendy-industrii-uslozhenie-alkogolnogo-rynka/> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
24. Lazareva O. Alcohol consumption in Russia increased by 3%. Economic News Agency. Jan. 13, 2023. URL: <https://www.myeconomy.ru/biznes/potreblenie-alkogolya-v-rossii-v-2022-godu-vyroslo-na-3/> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
25. Levinskaya A. Alcohol production and sales have increased in Russia over the year. RBC. Feb. 21, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2023/63f378df9a7947fe51d6c6b9> (accessed on 18.10.2023). (In Russ.).
26. Mikaelyan A. Sales of strong alcohol in 2022 increased by 7.5%. FinEkspertiza. Mar. 06, 2023. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/prodazh-krepk-alko-2022/> (accessed on 18.10.2023). (In Russ.).
27. RAR: Alcohol sales in the first half of 2023 increased by 3.9%. Profibeer. Jul. 18, 2023. URL: <https://profibeer.ru/alcohol/rar-prodazhi-alkogolya-v-pervom-polugodii-2023-goda-vyrosli-na-39> (accessed on 18.10.2023). (In Russ.).
28. Russians are switching to cheap alcohol. Novosti Mail.ru. Oct. 04, 2022. URL: <https://news.mail.ru/economics/53337781/> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
29. Kairis V. VTsIOM: In 2022, 8% of Russians began to drink alcohol more often. Baltic News. Nov. 28, 2022. URL: <https://balticnews.ru/vtsiom-v-2022-godu-8-rossiyan-stali-chashhe-pit-spirtnoe/> (accessed on 12.10.2023). (In Russ.).
30. Russians in 2022 did not smoke more, or drink more alcohol. TASS News Agency. Mar. 25, 2022. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/17367251> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
31. Dominants. Field of opinions. Sociological Bulletin. Public Opinion Foundation (FOM). Mar. 03, 2022. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d82022.pdf> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
32. Society under stress. Levada-Center. Oct. 21, 2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/10/21/obshhestvo-v-sostoyanii-stressa> (accessed on 12.10.2023). (In Russ.).
33. Granina N. "Everyone is nervous, everyone is lonely." Russians began to buy alcohol more often. How and what did they wash down 2022 with? Lenta.ru. Dec. 27, 2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/12/27/alkogod/> (accessed on 12.10.2023). (In Russ.).
34. Allenova O. "No drug has the kind of gigantic cemeteries that alcohol has." How to treat alcoholism in Russia. Kommersant. Nov. 26, 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5682157> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
35. Burnin K. The expert revealed the reasons for the growth in consumption of strong alcohol in Russia. MK in Novosibirsk. Mar. 15, 2023. URL: <https://novos.mk.ru/social/2023/03/15/ekspert-raskryl-prichiny-rosta-potrebleniya-krepkogo-alkogolya-v-rossii.html> (accessed on 02.11.2023). (In Russ.).
36. Roshchin A. Russia has learned to distill moonshine. RosBalt. Sep. 08, 2021. URL: <https://www.rosbalt.ru/posts/2021/09/08/1920185.html> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
37. Ustinkin S.V., Kukonkov P.I. Social tension: Problem characterization and refinement of research approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2021;(19):384-412. (In Russ.). DOI: 10.19181/ezheg.2021.16
38. Economic results — 2022. All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM). Dec. 27, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkonomicheskie-itogi-2022> (accessed on 15.10.2023). (In Russ.).
39. Biryukov M. Rosstat estimated the fall in real incomes of Russians at the end of 2022. Forbes. Feb. 08, 2023. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/484730-rosstat-ocenil-padenie-real-nyh-dohodov-rossiyan-po-itogam-2022-goda> (accessed on 16.10.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

М. Е. Позднякова — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социологии девиантного поведения; 109544, Москва, Большая Андроньевская ул., д. 5, стр. 1;

В. В. Брюно — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения; 109544, Москва, Большая Андроньевская ул., д. 5, стр. 1; AuthorID: 181955.

Information about the authors

M. E. Pozdniakova — PhD in Philosophy, leading researcher, Head of the Sector of Sociology of Deviant Behavior; 5 Bol'shaya Andron'evskaya st., bldg. 1, Moscow 109544, Russia;

V. V. Bryuno — PhD in Sociology, senior research fellow of the Sector of Sociology of Deviant Behavior; 5 Bol'shaya Andron'evskaya st., bldg. 1, Moscow 109544, Russia; AuthorID: 181955.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-485-492

Уровень жизни населения Каракалпакстана и социально-экономическое развитие региона: основные показатели

Алишер Юсупбаевич Палваниязов

Каракалпакский научно-исследовательский институт естественных наук

Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, Нукус,

Республика Узбекистан, alisher_kr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7797-5056>

Аннотация. В статье говорится о масштабной работе, проводимой по увеличению доходов населения, повышению качества услуг образования и здравоохранения, обеспечению жильем. Речь идет также об указах и постановлениях, принятых в последующие годы, относительно комплексного развития Республики Каракалпакстан. Уровень жизни и благосостояния населения, по мнению автора, зависит от ряда факторов, в том числе от доходов населения, здравоохранения, сферы образования, условий труда, уровня обеспечения жильем, природным газом, водоснабжением, от благоприятной окружающей среды. Все это является главной целью социального развития. Проанализированы вопросы эффективного использования социально-экономического и производственного инвестиционного потенциала Республики Каракалпакстан, инженерно-коммуникационного обеспечения территории, улучшения социальной и производственной инфраструктуры, развития отраслей экономики с целью обеспечения занятости и повышения уровня жизни населения. Рассмотрены также вопросы производственного и инвестиционного потенциала Республики Каракалпакстан, развития предпринимательской деятельности и стимулирования производства высококонкурентоспособной продукции с присвоением большой добавленной стоимости, расширения доступных финансовых услуг для предпринимателей, создания инфраструктурных условий для обеспечения занятости населения и достижения нового уровня экономического, социального развития региона.

Ключевые слова: уровень жизни населения, занятость населения, социально-экономическое развитие, устойчивое развитие, социальная и производственная инфраструктура

Для цитирования: Палваниязов А. Ю. Уровень жизни населения Каракалпакстана и социально-экономическое развитие региона: основные показатели // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 485–492. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-485-492>

Original article

Living standards of the population of Karakalpakstan and socio-economic development of the region: Main indicators

Alisher Yu. Palvaniyazov

Karakalpak Research Institute of Natural Sciences of the Karakalpak Branch

of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Nukus,

Republic of Uzbekistan, alisher_kr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7797-5056>

Abstract. The article describes the large-scale work performed to increase the population's income, improve the quality of education and health services, and provide housing. It also refers to the decrees and resolutions adopted in the following years concerning the comprehensive development of the Republic of Karakalpakstan. The living standards and welfare of the population, in the author's opinion, depend on a number of factors, including the population's income, health care, education, working conditions, the level of housing, natural gas, water supply, and a favorable environment. All this is the main goal of social development. The issues of effective use of socio-economic and production investment potential of the Republic of Karakalpakstan, engineering and communication provision of the territory, improvement of social and production infrastructure, development of economic sectors in order to provide employment and improve the living standards of the population have been analyzed. The questions of production and investment potential of the Republic of Karakalpakstan, development of entrepreneurial activity and stimulation of production of highly competitive products with high added value, expansion of available financial services for entrepreneurs, creation of infrastructural conditions for providing employment and achieving a new level of economic and social development of the region are also considered.

Keywords: living standards, population employment, socio-economic development, sustainable development, social and production infrastructure

For citation: Palvaniyazov A.Yu. Living standards of the population of Karakalpakstan and socio-economic development of the region: Main indicators. *Sociology and Law*. 2023; 15(4):485-492. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-485-492>

Введение

Одной из главных целей масштабных реформ, проводимых во всех сферах нашей страны, является увеличение уровня жизни населения, обеспечение устойчивого развития социальной сферы.

Республика Каракалпакстан расположена на севере страны, и она имеет специфические климатические условия. Лето очень жаркое, зима чрезвычайно холодная. Кроме того, на территории существуют экологические проблемы, связанные с высыханием Аральского моря. Сегодня на этой земле проживают более 1 миллиона 923 тысяч человек [1]. Каракалпакстан является одним из регионов с наибольшим объемом инвестиций, средств и внимания со стороны Узбекистана.

В последние годы в Республике Каракалпакстан принят широкий спектр мер по увеличению доходов населения, улучшению качества услуг образования и здравоохранения, а также обеспечению жильем. Результат этих мер проявляется в изменении к лучшему уровню жизни людей, проживающих в Каракалпакстане. Сегодня очень важно комплексно, всесторонне изучить вопросы о повышении уровня жизни населения и вносить научно обоснованные предложения в данном направлении.

Актуальность настоящего исследования связана с анализом комплексных мер социально-экономического развития, реализуемых для повышения уровня жизни населения Республики Каракалпакстан. Цель исследования — определить рост уровня жизни населения Республики Каракалпакстан.

Еще шесть лет назад в изучаемом регионе существовали социальные проблемы, в основном связанные с низким уровнем жизни населения в сельской местности, высоким уровнем безработицы, неудовлетворительным состоянием социальной инфраструктуры. Благодаря вниманию Президента и Правительства, прослеживается влияние комплексного социально-экономического развития республики на уровень жизни населения.

Обзор литературы

Уровень жизни в узком значении — это удовлетворение потребительских потребностей населения, обеспечение потребления доходами и расходами; в широком понимании это означает уровень развития человека (здоровье, возможности удовлетворения потребностей) и условия его жизни (окружающая среда, вопросы безопасности) [2].

М. И. Плотницкий определяет данное понятие следующим образом: «Уровень жизни — это степень обеспеченности населения необходимыми для жизни материальными, духовными и социальными благами. В широком смысле уровень жизни включает уровень и структуру потребления, условия труда, структуру и степень удовлетворения социально-культурных потребностей, степень развития сферы услуг, величину и структуру внерабочего и свободного времени, уровень экологической безопасности и т. п. В узком смысле уровень жизни понимают как объем реальных доходов, определяющих объем и структуру фактического потребления конечных товаров и услуг» [3, с. 112].

Г. Л. Хусаинов и П. И. Сайиткулова обратили внимание на вопросы о совершенствовании системы оплаты труда, в том числе проблемы, вызванные задолженностью узбекистанцев в 2017 г. по оплате коммунальных услуг и аренды, кредитам, налогам. Проанализированы проблемы газоснабжения, питьевого водоснабжения, отсутствия дошкольных образовательных учреждений, низких пенсий и социальных пособий, разработаны предложения и рекомендации по совершенствованию этой системы. Изложены научные взгляды авторов на вопросы оплаты труда работников в экономике Узбекистана на основе рыночных отношений [4, с. 93].

Сфера благосостояния — очень широкое и постоянно изменяющееся понятие, которое относится к уровню обеспечения населения страны необходимыми физическими и нематериальными товарами и услугами [5].

Методология исследования

Поскольку тема настоящего исследования посвящена вопросам повышения уровня жизни и благосостояния населения Республики Каракалпакстан, в рамках этой темы изучены задачи, определенные решениями Президента и Правительства нашей страны. Рассмотрены и научные труды ученых, проводивших исследования в контексте темы. В качестве методологии исследования использованы методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения, а также методы социологического исследования, анализа документов и статистических данных.

Обзор и результаты

Президент нашей страны Ш. М. Мирзиёев, выступая на внеочередной тридцать четвертой сессии Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан, состоявшейся 26 августа 2022 г. в Нукусе, сделал акцент на том, что в качестве Президента он приезжал в Каракалпакстан в течение шести лет чаще, чем в остальные регионы, то есть девять раз, и общался со старейшинами, предпринимателями, представителями молодежи [6].

В этот период принят всего 31 акт, в том числе указы и постановления, направленные на всестороннее развитие Каракалпакстана [6]. В частности, в целях решения проблем, обнаруженных в Республике Каракалпакстан, принято немало указов и постановлений. Среди них — постановление Президента Республики

Узбекистан от 11 ноября 2020 г. № ПП-4889 «О мерах по комплексному социально-экономическому развитию Республики Каракалпакстан на 2020–2023 годы» в целях эффективного использования существующего социально-экономического, в том числе производственного и инвестиционного потенциала, совершенствования инженерно-коммуникационной, социальной и производственной инфраструктуры в регионе, устойчивого развития отраслей экономики, обеспечения занятости и повышения уровня жизни населения.

В целях совершенствования организации оказания медицинской помощи, профилактики и раннего выявления заболеваний среди населения, повышения качества медицинских услуг в Республике Каракалпакстан принято постановление Президента Республики Узбекистан от 7 июля 2022 г. № ПП-310 «О дальнейшем усилении охраны здоровья населения в Республике Каракалпакстан в 2022–2024 годах» [7]. В целях эффективного использования социально-экономического, в том числе производственного и инвестиционного потенциала Республики Каракалпакстан, развития предпринимательской деятельности и стимулирования производства конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью, расширения спектра оказываемых предпринимателями финансовых услуг, обеспечения занятости населения путем создания инфраструктурных условий, а также перехода на новый уровень экономического и социального развития региона принят Указ Президента Республики Узбекистан от 31 августа 2022 г. № УП-213 «О дополнительных мерах по повышению благосостояния населения Республики Каракалпакстан путем ускоренного развития предпринимательства, инновационных технологий и инфраструктур» [8].

На основании этих указов и постановлений приняты меры по комплексному социально-экономическому развитию регионов Каракалпакстана и дальнейшему повышению уровня жизни населения. Ключевые изменения заключаются в следующем.

Во-первых, по состоянию на 2022 г. самые высокие показатели газоснабжения квартир (домов) природным газом наблюдались и в Каракалпакстане (69 %). Из этого следует, что Каракалпакстан является третьим по величине поставщиком природного газа в республике.

Во-вторых, если обратить внимание на уровень водоснабжения домов в Каракалпакстане, то этот показатель составил 57,5 %. Это означает, что Каракалпакстан по уровню водоснабжения также опережает Бухару (50,9 %), Хорезм (40,6 %) и Кашкадарью (35,8 %).

В-третьих, доля трансфертных доходов в Каракалпакстане превысила 30 % от общего дохода населения. В-четвертых, самая высокая среднемесячная заработная плата по виду промышленной экономической деятельности наблюдалась в Навоийской области (7 012,3 тыс. сумов) и Ташкенте (4 861,2 тыс. сумов), Ташкентской (4 838,8 тыс. сумов) и Кашкадарьинской областях (4 350,5 тыс. сумов), а также Каракалпакстане (4 230,1 тыс. сумов). Становится очевидным, что Республика Каракалпакстан находится на пятом месте по этому показателю. В-пятых, если учитывать среднемесячную заработную плату в сфере здравоохранения и социальных услуг, то можно заключить, что Каракалпакстан занимает третье место по величине после столицы и Ташкентской области [9].

Эксперты Центра экономических исследований и реформ проанализировали основные изменения в социально-экономическом развитии Республики Каракалпакстан в процессе активных реформ, осуществленных в 2017–2022 гг. По их данным, валовой региональный продукт (ВРП) Республики Каракалпакстан в 2017–2022 гг. увеличился от 10,9 трлн сумов до 29,9 трлн сумов, а ее реальный размер возрос на 37,1 %. Это обеспечило увеличение ВРП на душу населения

от 5,9 млн сумов до 15,2 млн сумов. В указанный период численность населения увеличилась на 7,3 % и составила два миллиона человек.

Объем промышленного производства в данном регионе увеличился от 6,8 трлн сумов до 17,8 трлн сумов, а реальный объем возрос на 21,3 %. Реальный объем сельскохозяйственного производства увеличился на 24 %, от 5 трлн сумов в 2017 г. до 14,4 трлн сумов в 2022 г. В результате расширения видов предоставляемых услуг и растущего спроса на них объем рыночных услуг возрос от 3,6 трлн сумов до 10,4 трлн сумов или в 2,1 раза. В этот период большое внимание уделено развитию инфраструктуры. В 2017–2022 гг. введено в эксплуатацию 2 943 км сетей водоснабжения и 90,8 км газопроводов.

С точки зрения социальной защиты населения и создания приемлемых условий жизни важно решать такие задачи, как обеспечение населения достойным жильем. В частности, в последние шесть-семь лет в регионе введено в эксплуатацию 5 308 тысяч квадратных метров жилья, создано 19,5 тысяч мест в дошкольных учреждениях и 118 тысяч в школах. В целях улучшения условий жизни населения в последние шесть лет в Республике Каракалпакстан создано около 157 тысяч рабочих мест.

Меры, направленные на дальнейшее улучшение бизнес-среды и поддержку субъектов предпринимательства в регионе, дали возможность реализовать инвестиционные проекты на общую сумму 4,8 млрд долл. В результате количество предприятий, действующих в регионе, увеличилось на 58 %, то есть с 19,2 тысячи в 2017 г. до 30,3 тысячи в 2022 г. [10].

Наиболее финансируемыми стали:

- сфера здравоохранения (32,9 % распределенных средств по организациям и сферам);
- денежная материальная помощь малообеспеченным и многодетным семьям (15,4 %);
- сфера государственного образования (14,4 %);
- инвестиционные затраты (8,2 %);
- органы государственной власти (6,3 %);
- благоустройство (5,8 %) [11].

В результате мер, реализуемых в последние годы Правительством в целях дальнейшего повышения доходов и уровня жизни населения, социальной поддержки граждан, доходы на душу населения, заработная плата и пенсии неуклонно растут. В минувший период доход на душу населения в Каракалпакстане увеличился в 2,7 раза, с последнего места сегодня он поднялся на девятое. Всего создано 83 тысячи новых постоянных рабочих мест, средняя заработная плата увеличилась в 2,8 раза и достигла 2,7 млн сумов [12].

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев на встрече, состоявшейся 30 марта 2023 г. в Кегейлийском районе Республики Каракалпакстан, обратил внимание на следующее: «Нам нужно многое сделать, и наши люди это видят. Они сами дадут справедливую оценку этим изменениям. Мы — один народ и одна страна! Все регионы полны решимости внести свой вклад в развитие Каракалпакстана. Результаты этого видны в каждом районе, и эта работа не прекратится» [13].

Выводы

В целом, согласно вышеприведенным цифрам, можно заключить, что Каракалпакстану уделено особое внимание. Привлечение больших сил и ресурсов приносит результат.

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев указал: «Мы обязательно вместе построим Новый Узбекистан и Новый Каракалпакстан. Все наши реформы и обсуждения в этой сфере, без сомнения, должны осуществляться на основе демократии и правовых критериев» [14]. Конечно, все проводимые реформы будут иметь экономический и социальный эффект лишь в случае, если они будут воплощены в жизнь на основе законодательства страны, при соответствующих условиях, на основе демократии и правовых критериев. В заключение дополним, что указы и постановления Президента и Правительства Республики Узбекистан, направленные на комплексное развитие Республики Каракалпакстан, а также предусмотренные в них меры и проводимые активные реформы закладывают основу для социально-экономического развития Каракалпакстана.

Список источников

1. Постоянное население по национальным и/или этническим группам, городскому / сельскому месту жительства по Республике Каракалпакстан // Портал открытых данных Республики Узбекистан. URL: <https://data.egov.uz/uzbKr/data/63774f14206a79bd4ad3a8d6> (дата обращения: 04.10.2023).
2. *Рустамов Н. И.* Уровень жизни населения и его повышение в Узбекистане // *Iqtisodiet va innovatsion tekhnologiyalar* = Экономика и технологические инновации. 2015. № 5. С. 1–9. URL: https://iqtisodiyot.tsue.uz/sites/default/files/maqolalar/24_N_I_Rustamov.pdf (дата обращения: 04.10.2023). (На узбек.).
3. *Плотницкий М. И.* Макроэкономика: учеб. пособие. М.: Экзамен, 2004. 461 с.
4. *Хусаинов Г. Л., Сайиткулова П. И.* Вопросы совершенствования системы выплаты заработной платы // *Iqtisodiyot va talim* = Экономика и образование. 2018. № 1. С. 93–96. (На узбек.).
5. *Джуманов Д., Сайиткулова П.* Анализ уровня жизни населения и вопросы повышения благосостояния // *Iqtisodiet va innovatsion tekhnologiyalar* = Экономика и технологические инновации. 2018. № 3. С. 71–80. URL: https://iqtisodiyot.tsue.uz/sites/default/files/maqolalar/9_Djumanov_Sayitkulova.pdf (дата обращения: 04.10.2023). (На узбек.).
6. Президент Шавкат Мирзиёев принял участие в сессии Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. 2022. 26 августа. URL: <https://president.uz/uz/lists/view/5461> (дата обращения: 05.10.2023). (На узбек.).
7. О дальнейшем усилении охраны здоровья населения в Республике Каракалпакстан в 2022–2024 годах: постановление Президента Республики Узбекистан // *Lex.uz*. Законодательство Узбекистана. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6100029> (дата обращения: 05.10.2023).
8. О дополнительных мерах по повышению благосостояния населения Республики Каракалпакстан путем ускоренного развития предпринимательства, инновационных технологий и инфраструктуры: указ Президента Республики Узбекистан от 31 августа 2022 г. № УП-213 // *Lex.uz*. Законодательство Узбекистана. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6181169> (дата обращения: 05.10.2023).
9. Факты: Каракалпакстан — один из регионов, где уровень жизни резко растет // *Kommers.uz*. 2022. 3 июля. URL: <https://kommers.uz/faktlar-qoraqalpogiston-turmush-darazhasi-keskin-osayotgan-hududlardan-biri> (дата обращения: 12.10.2023). (На узбек.).
10. Инфографика. Социально-экономическое развитие Республики Каракалпакстан за 2017–2022 годы // *Review.uz*. 2023. 11 июня. URL: <https://review.uz/oz/post/infografika-2017-2022-yillarda-qoraqalpogiston-republikasining-ijtimoiy-iqtisodiy-rivojlanishi> (дата обращения: 23.10.2023).
11. Бюджет Каракалпакстана на 2022 год может составить около 4 трлн сумов // *Kun.uz*. 2022. 24 января. URL: <https://kun.uz/news/2022/01/24/qoraqalpogistonning-2022-yil-uchun-budjeti-salkam-4-trln-som-bolishi-mumkin> (дата обращения: 23.10.2023). (На узбек.).
12. Информация об итогах реформ, проведенных в Республике Каракалпакстан за прошедший период, а также об основных задачах на 2022–2026 годы // Генеральное

- консульство Республики Узбекистан. URL: <https://gk-uzbekistan.de/uz/2022/07/05/o-politike-rukovodstva-uzbekistana-p/> (дата обращения: 24.10.2023). (На узбек.).
13. «Мы один народ и одна страна!» Президент встретился с народом Каракалпакстана // Kun.uz. 2023. 30 марта. URL: <https://kun.uz/news/2023/03/30/biz-bitta-el-va-bittayurtmiz-prezident-qoraqalpogistonliklar-bilan-uchrashdi> (дата обращения: 24.10.2023). (На узбек.).
14. Президент Мирзиёев обратился к народу Каракалпакстана // Qalampir.uz. 2022. 3 июля. URL: <https://qalampir.uz/news/prezident-mirziyeev-k-orak-alpogiston-khalk-igamurozhaat-yulladi-64231> (дата обращения: 24.10.2023). (На узбек.).

References

1. Permanent population by national and/or ethnic group, urban/rural place of residence The of Republic of Karakalpakstan. Open Data Portal of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://data.egov.uz/eng/data/63774f14206a79bd4ad3a8d6> (accessed on 04.10.2023).
2. Rustamov N.I. The standard of living of the population and its increase in Uzbekistan. *Iqtisodiet va innovatsion tekhnologiyalar = Economics and Technological Innovation*. 2015;(5):1-9. URL: https://iqtisodiyot.tsue.uz/sites/default/files/maqolalar/24_N_I_Rustamov.pdf (accessed on 04.10.2023). (In Uzbek).
3. Plotnitskii M.I. Macroeconomics. Moscow: Ekzamen; 2004. 461 p. (In Russ.).
4. Khusainov G.L., Saiitkulova P.I. Issues of improving the wage payment system. *Iqtisodiyot va talim = Economics and Education*. 2018;(1):93-96. (In Uzbek).
5. Dzhumanov D., Saiitkulova P. Analysis of the standard of living of the population and issues of improving well-being. *Iqtisodiet va innovatsion tekhnologiyalar = Economics and Technological Innovation*. 2018;(3):71-80. URL: https://iqtisodiyot.tsue.uz/sites/default/files/maqolalar/9_Djumanov_Sayitkulova.pdf (accessed on 04.10.2023). (In Uzbek).
6. President Shavkat Mirziyoyev participates in the Session of the Joqargy Kenes of the Republic of Karakalpakstan. Official website of the President of the Republic of Uzbekistan. Aug. 26, 2022. URL: <https://president.uz/en/lists/view/5461> (accessed on 05.10.2023). (In Uzbek).
7. On further strengthening of public health protection in the Republic of Karakalpakstan in 2022-2024. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan. Lex.uz. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6100029> (accessed on 05.10.2023). (In Russ.).
8. On additional measures to improve the well-being of the population of the Republic of Karakalpakstan through the accelerated development of entrepreneurship, innovative technologies and infrastructures. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated August 31, 2022 No. UP-213. Lex.uz. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6181169> (accessed on 05.10.2023). (In Russ.).
9. Facts: Karakalpakstan is one of the regions where the standard of living is rising sharply. Kommers.uz. Jul. 03, 2022. URL: <https://kommers.uz/faktlar-qoraqalpogiston-turmush-darazhasi-keskin-osayotgan-hududlardan-biri> (accessed on 12.10.2023). (In Uzbek).
10. Infographics: Socio-economic development of the Republic of Karakalpakstan for 2017-2022. Review.uz. Jun. 11, 2023. URL: <https://review.uz/en/post/infografika-2017-2022-yillarda-qoraqalpogiston-republikasining-ijtimoiy-iqtisodiy-rivojlanishi> (accessed on 23.10.2023).
11. The budget of Karakalpakstan for 2022 may amount to about 4 trillion soums. Kun.uz. Jan. 24, 2022. URL: <https://kun.uz/news/2022/01/24/qoraqalpogistonning-2022-yil-uchun-budjeti-salkam-4-trln-som-bolishi-mumkin> (accessed on 23.10.2023). (In Uzbek).
12. Information on the results of reforms carried out in the Republic of Karakalpakstan over the past period, as well as on the main tasks for 2022-2026. Consulate General of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://gk-uzbekistan.de/uz/2022/07/05/o-politike-rukovodstva-uzbekistana-p/> (accessed on 24.10.2023). (In Uzbek).
13. “We are one people and one country!” The President met with the people of Karakalpakstan. Kun.uz. Mar. 30, 2023. URL: <https://kun.uz/news/2023/03/30/biz-bitta-el-va-bittayurtmiz-prezident-qoraqalpogistonliklar-bilan-uchrashdi> (accessed on 24.10.2023). (In Uzbek).

14. President Mirziyoyev addressed the people of Karakalpakstan. Qalampir.uz. Jul. 03, 2022.
URL: <https://qalampir.uz/news/prezident-mirziyeev-k-orak-alpogiston-khalk-igamurozhaat-yulladi-64231> (accessed on 24.10.2023). (In Uzbek).

Информация об авторе

А. Ю. Палваниязов — доктор философии (PhD) по социологическим наукам, ученый секретарь; 230100, Республика Узбекистан, Нукус, Берекетли ул., д. 2-1.

Information about the author

A. Yu. Palvaniyazov — Doctor of Philosophy (PhD) in Social sciences, scientific secretary; 2-1 Bereketli st., Nukus 230100, Republic of Uzbekistan.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 340.114.5

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-493-502

Правовая культура студентов как результат интерактивности семинарских занятий по дисциплине «Основы российской государственности»

Елена Михайловна Зорина¹, Андрей Владимирович Кузьмин²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия,

¹ zorinaem@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9589-3678>

² ak78rus@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-5006-5705>

Аннотация. Авторами проведен анализ проблем интерактивности семинарских занятий в образовательном процессе вуза на примере дисциплины «Основы российской государственности», которая с 1 сентября 2023 г. введена в учебные планы всех направлений высшего образования. В статье на основе сравнительного анализа рассмотрены различные варианты интерактивности семинарских занятий, связанных с повышением уровня правовой культуры и гражданственности. Показаны педагогические инструменты, которые могут способствовать развитию правовой культуры. Сделан вывод о том, что использование интерактивности на семинарских занятиях является актуальной проблемой современного высшего образования, которую можно решить с помощью специальных инструментов, позволяющих сделать учебный процесс более социально ориентированным.

Ключевые слова: интерактивность, семинарское занятие, Основы российской государственности, цифровое поколение, гражданственность, правовая культура

Для цитирования: Зорина Е. М., Кузьмин А. В. Правовая культура студентов как результат интерактивности семинарских занятий по дисциплине «Основы российской государственности» // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 493–502. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-493-502>

Original article

Legal culture of students as a result of interactivity of seminars on the discipline “Fundamentals of Russian statehood”

Elena M. Zorina¹, Andrey V. Kuzmin²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ zorinaem@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9589-3678>

² ak78rus@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-5006-5705>

Abstract. The authors analyze the problems of interactivity of seminars in the educational process of higher education institution on the example of the discipline “Fundamentals of Russian statehood”, which from September 1, 2023 is introduced in the curricula of all areas of higher education. In the article on the basis of comparative analysis different variants of interactivity of seminars related to the improvement of legal culture and citizenship are considered. Pedagogical tools that can contribute to the development of legal culture are

shown. It is concluded that the use of interactivity in seminars is an urgent problem of modern higher education, which can be solved with the help of special tools to make the learning process more socially oriented.

Keywords: interactivity, seminars, Fundamentals of Russian Statehood, digital generation, citizenship, legal culture

For citation: Zorina E.M., A.V. Kuzmin Legal culture of students as a result of interactivity of seminars on the discipline “Fundamentals of Russian statehood”. *Sociology and Law*. 2023;15(4):493-502. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-493-502>

Введение

В современных условиях становится очевидной необходимость обновления методики преподавания дисциплин политико-правового характера, которые включены в учебные планы различных, в том числе непрофильных, направлений подготовки. В такой ситуации возрастает риск неприемлемой дивергенции между теоретическими основами преподавания и психолого-поведенческими особенностями молодого поколения. Это может привести к политической дестабилизации, эскалации социальной напряженности, разрастанию существующих и появлению новых общественных расколов [1]. Для недопущения этого необходимо повышать общий уровень правовой культуры личности и социума [2], поскольку главная цель правового образования — воспитание гражданина, живущего в демократическом обществе [3].

В современном образовательном пространстве существенно возрастает объем информации. В связи с этим актуализируется потребность в специальных умениях. Среди них — метапредметная компетенция, цифровая грамотность и медиаграмотность, критическое мышление. Из-за повсеместной цифровизации изменяются образовательный процесс в целом и его участники, возникают новые активные и интерактивные методы обучения, призванные учитывать особенности современных студентов «цифрового» поколения, то есть digital natives — «цифровых аборигенов», которые являются «носителями цифрового языка» компьютеров, видеоигр и Интернета [4] и которые родились после 2000 г.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью внедрения активных и интерактивных форм обучения в образовательный процесс вуза, особенно в рамках дисциплины «Основы российской государственности», в целях повышения уровня правовой культуры и гражданственности студентов. Представляется целесообразным осуществлять подобного рода мероприятия на семинарских и практических занятиях.

Остановимся подробнее на особенностях студентов «цифрового» поколения Z. Это многозадачные, мыслящие гиперссылочно, интуитивно обучающиеся, легко образующие связи, активно участвующие в социальных сетях, предпочитающие изображения, видео-, аудиоинформацию текстовой, обладающие клиповым мышлением. «Цифровые аборигены» считают, что обучение должно быть актуальным, практичным и занимательным [5; 6]. Американский специалист в области обучения Дж. Коатс [7] предлагает внести психологические изменения во взаимодействие преподавателя и студента: быстрый темп обучения, переключение с одной учебной задачи на другую, работа в группах и парах, обязательная быстрая обратная связь, точные требования и критерии оценки, устная коммуникация и визуализация.

Еще одно свойство поколения Z — эгоцентричность и аутичность, которые мешают правильно социализироваться в обществе, сотрудничать, работать над

общим проектом, разделять решение задачи с партнером. Отечественный психолог и педагог Д. И. Фельдштейн обращает внимание на то, что главной целью любого гуманного общества является такое раскрытие возможностей человека, при котором он способен проявить себя творчески (креативность тоже является базовым навыком в XXI веке), самовыразиться и самоутвердиться, но не эгоистически (лишь для себя), а через социально значимые дела (волонтерство, обучение других), поскольку индивидуальность может быть выражена как в отторжении, изоляции от общества, так и в стремлении проявить свое «Я» в нем [8].

Кроме того, большинство современных студентов не имеют ярко выраженного ведущего канала восприятия информации (перцептивной модальности), но успешно взаимодействуют с электронными устройствами поиска и передачи информации (гаджетами). Таких студентов, как нам представляется, можно называть «дигиталами» или, если пользоваться русскоязычной терминологией, «цифровиками», по аналогии с английским термином digital («цифровой»).

Далее рассмотрим особенности представления учебной информации этому новому поколению студентов. Образовательный процесс в вузе по гуманитарным дисциплинам предполагает две основные формы — лекцию и семинарское занятие. Остановимся подробнее на семинарских занятиях, так как именно на них в основном происходит взаимодействие участников образовательного процесса.

Традиционно схема семинарского занятия включает в себя распределение проблемных вопросов по общей теме среди студентов заранее, а затем выступление с докладами и всеобщее обсуждение. Однако такой формат при направленности на формирование достаточного уровня правовой культуры имеет ряд минусов:

- отсутствует работа в команде и малых группах, что не позволяет слабоуспевающим студентам проявить себя в качестве носителя и транслятора информации, направленной на формирование или повышение имеющегося (достаточного) уровня правовой культуры;
- отсутствует направленная интерактивность, которая может быть нацелена на коррекцию преподавателем возможных отклонений содержания студенческого творчества от целевой направленности соответствующего оценочного средства;
- цифровизация выражена только возможной презентацией к докладу;
- слабая учебная мотивация;
- не развита функциональная грамотность (в том числе и гражданская).

Охарактеризуем понятие интерактивности. Традиционно выделяют три метода обучения по роли обучающегося: пассивные — студент только усваивает информацию, передаваемую преподавателем; активные — студент взаимодействует с преподавателем, выполняет творческие задания; интерактивные — активное взаимодействие друг с другом всех участников образовательного процесса, предполагающее со-обучение, сотрудничество, кооперацию и коллаборацию.

Наиболее распространенная форма интерактивного современного семинарского занятия — *case study*, или *метод кейсов*. Всех студентов разделяют на малые группы, каждой из которых дают условную задачу по теме (кейс), которую необходимо решить за одну часть занятия, а в рамках второй — каждая команда представляет свою задачу и решение, а также происходит дискуссия. Развивается функциональная грамотность (критическое и креативное мышление). В кейсе описаны жизненные ситуации, связанные как с правовыми ситуациями, так и внеправовыми (моральными, нравственными, семейными, корпоративными и т. п.), что повышает мотивацию студентов и их вовлеченность в процесс обучения. Особенно следует обратить внимание на важность вовлечения в педагоги-

ческий процесс студентов неюридических специальностей. Если в рамках дисциплины «Право» акцент делают на общеправовых знаниях, то в содержании и целевом назначении дисциплины «Основы российской государственности» существенным является формирование (или повышение имеющегося) достаточного уровня правовой культуры через изучение как неправовых явлений, но тесно связанных с правом (цивилизация, культура, подвиг и т. п.), а также собственно правовых (государственность, государственная власть, ответственность).

Следующий вариант подходит в первую очередь для студентов юридических направлений — прения. Студентов делят на три неравные группы: защищающая (утверждающая) команда, опровергающая (отрицающая) команда, судьи. Роль преподавателя минимальна, он следит за регламентом и дает изначальное утверждение. Запланировано время на работу в группе, при этом определяют доказательства, а затем участники команд оглашают свою позицию, приводят аргументы. Две оппонирующие стороны задают друг другу вопросы. Цель — выявить изъяны в аргументации. Только затем судьи совещаются и выносят решение, обосновав его. Этот интерактивный метод представляет собой четко структурированный и специально организованный публичный обмен мыслями между двумя сторонами. Он способствует созданию устойчивой учебной мотивации, поскольку каждый студент осознает личностную значимость учебного материала и свою ответственность за аргументацию; наличие элемента состязательности стимулирует творческую и поисковую деятельность; происходит и тщательная проработка основной темы. Некоторой проблемой в контексте исследуемой сферы образовательной деятельности выступает необходимость наблюдения и контроля за постановкой задач и возможным отклонением от заданной цели занятия в результате слабой подготовки утверждающей или опровергающей группы.

Другой интерактивный метод — *поиск ошибок*, или *дебаггинг* (*debugging*). Его суть состоит в том, что происходит закрепление пройденного материала в форме поиска заранее известного количества ошибок в тексте или изображении. Подготовкой этого занимаются либо группы заранее разделенных студентов, либо преподаватель. Текстами группы обмениваются, или может быть предложен один текст для всех групп, но в последнем случае роль играет еще и скорость поиска. Необходимо найти и исправить все ошибки. В конце занятия происходит проверка на правильность выполненного дебаггинга. Возможным при этом видится и взаимодействие с гаджетами для развития цифровой грамотности и медиаграмотности. Особенностью использования данного метода с целью формирования (или повышения имеющегося) достаточного уровня правовой культуры является необходимость наличия аргументированной внешней (помимо преподавателя, положение закона, судебное решение, политическое заявление и т. п.) источником позиции, демонстрирующей правильные конструкты реакции на выявленные ошибки в тексте или изображении.

Метод *учебного плаката или коллажа* наиболее эффективным выглядит при взаимодействии всех участников мини-группы в информационной среде, например, при создании общей презентации и на доске Miro. Метод представляет собой презентацию материала (небольшие тексты, вопросы, таблицы и др.), может быть использован для подготовки к устному выступлению или письменной работе по теме.

Деловая игра как интерактивный метод может быть разнообразной по форме. В частности, ролевая игра позволяет имитировать различные ситуации по теме: выборы, суд, переговоры, иные различные варианты. Игра в виде интеллектуальной викторины позволяет рассматривать семинар еще и как вариант контрольной точки. Проверяют при этом не только знания, но и происходит работа над развитием навыков критического мышления, аргументации, обобщения. Еще од-

ним важным элементом игры служит симбиоз индивидуальных действий и работы в команде.

Материалы и методы

В рамках эмпирического исследования нами опрошено 150 студентов первого, второго курсов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики и 50 преподавателей — участников курсов повышения квалификации на базе Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ по программе «Методика преподавания Основ российской государственности». Студенты ответили на вопросы о том, какие форматы семинарских занятий они предпочитают, что повышает их учебную мотивацию и правовую культуру, нравятся ли им работать в команде или индивидуально. Преподаватели ответили на вопросы о том, какие формы семинарских занятий они используют чаще всего и какие проблемы внедрения интерактивных семинаров они видят в рамках повышения правовой культуры и гражданственности студентов.

Результаты и обсуждение

Студенты, участвующие в эксперименте, сначала ответили на вопрос о том, насколько они активно принимают участие в семинарских занятиях, что отражено на рисунке 1.

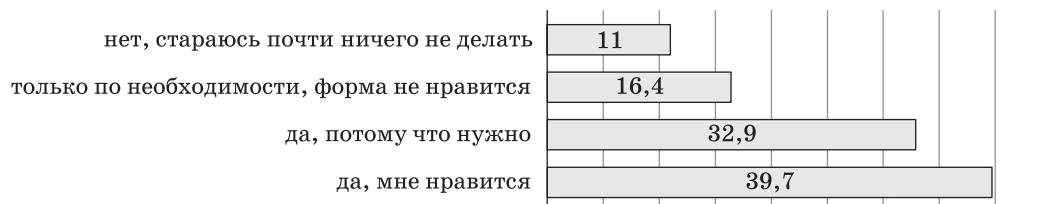

Рис. 1. Ответы студентов на вопрос
«Активно ли Вы участвуете в семинарских занятиях?», %

Fig. 1. Students' answers to the question
“Do you actively participate in seminars?”, %

Полученный результат, с одной стороны, показал, что почти 40 % заинтересованы в такой форме организации обучения. С другой — становится очевидным, что изменение формы проведения могло бы улучшить учебную мотивацию и повысить желание учиться.

Второй вопрос направлен на выявление желания у студентов работать в команде, как видно на рисунке 2. Психологи считают, что одной из особенностей студентов «цифрового» поколения является склонность к индивидуальной работе. Однако опрос показал, что постоянная проектная деятельность простимулировала положительное (или хотя бы не отрицательное) отношение к командной деятельности.

В третьем вопросе речь шла об учебной мотивации, то есть о том, что стимулирует студентов к работе на семинарском занятии, как показано на рисунке 3.

Интересная тема оказалась самым важным аргументом для активации работы студентов. Поэтому преподавателю стоит приложить усилия, чтобы найти такие варианты развития темы, которые найдут отклик у обучающихся.

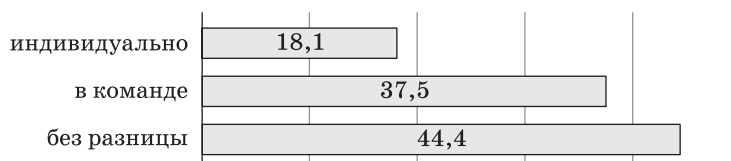

Рис. 2. Ответы студентов на вопрос
«Как Вы любите работать на занятии?», %

Fig. 2. Students' answers to the question
“How do you like to work in class?”, %

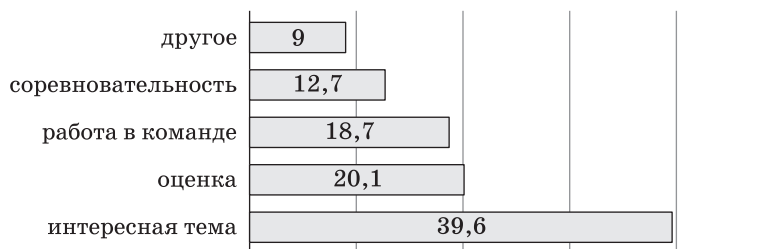

Рис. 3. Ответы студентов на вопрос
«Что повышает Вашу учебную мотивацию?», %

Fig. 3. Students' answers to the question
“What increases your learning motivation?”, %

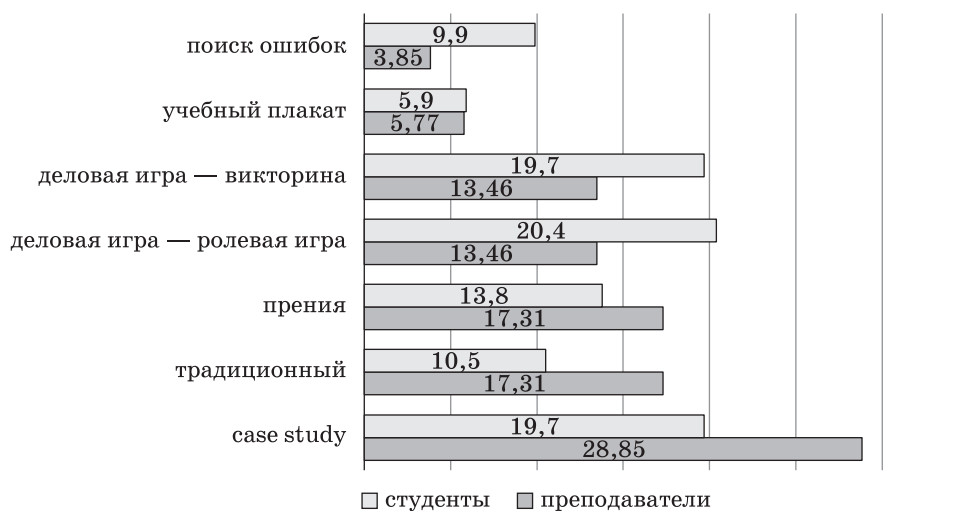

Рис. 4. Ответы студентов и преподавателей на вопрос
«Какой вид семинарского занятия Вам бы понравился больше всего?», %

Fig. 4. Students' and instructors' answers to the question
“What type of seminar class would you like most of all?”, %

Следующий вопрос совпадал в отношении и студентов, и преподавателей. В нем говорилось о формах проведения семинарских занятий, что нашло отражение на рисунке 4.

С одной стороны, опрос показал, что и у студентов, и у преподавателей самый живой отклик нашел такой интерактивный метод обучения, как case study, то есть решение практико-ориентированных задач. С другой — стало понятным, что студентам нравится такой формат, как деловая игра в любом ее проявлении, и не нравится традиционный формат, в то время как у преподавателей диаметрально противоположное мнение. При этом студенты хотят работать с поиском ошибок, а преподаватели не готовы создавать такие материалы. Помочь решить данную проблему может использование нейросетей, которые из исходного текста делают любое количество текстов с заданным количеством ошибок. Учебный плакат не пришелся по душе никому, видимо, ввиду слишком большой трудоемкости создания.

Рассмотрим подробнее проблемы интерактивности семинарских занятий, о которой речь шла ранее в статье. В современный образовательный процесс вуза с 1 сентября 2023 г. введена новая дисциплина «Основы российской государственности», которая становится обязательной для всех направлений подготовки на первом курсе. Очень важно то, что из 56–60 аудиторных часов только треть времени приходится на лекции, а две трети — на семинарские занятия. В концепции дисциплины рекомендуются такие образовательные технологии, как интеллектуальные игры и конкурсы, обращение к мультимедийным образовательным порталам, дискуссии и дебаты, деловые игры и сценарное моделирование, иммерсивные мероприятия. С одной стороны, все это отвечает запросам студентов «цифрового» поколения, с другой — создает проблемы внедрения таких интерактивных методов.

На наш взгляд, проблемы внедрения интерактивных форм семинарских занятий связаны с рядом факторов. Среди них — следующие:

- малая осведомленность преподавателей о различных интерактивных методах обучения;
- большая трудоемкость подготовки;
- сложность в оценивании;
- слабая вовлеченность студентов;
- недостаточно сформированная цифровая, игровая и методическая грамотность.

Как показал опрос преподавателей, о котором свидетельствует рисунок 5, в большей степени мешает внедрению интерактивных форм семинарских занятий именно сложность подготовки. На наш взгляд, эту проблему можно было бы решить с помощью включения в процесс создания плана занятия студентов и новых информационных технологий (например, нейросетей).

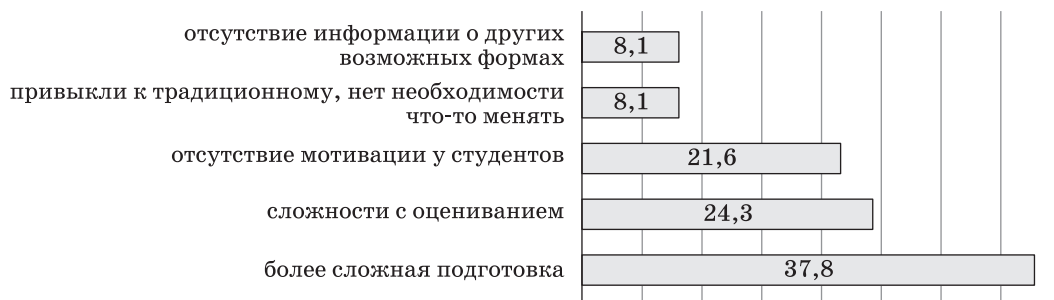

Рис. 5. Ответы преподавателей на вопрос «Какие проблемы внедрения других форм семинарских занятий Вы видите?», %

Fig. 5. Teachers' answers to the question "What problems do you see in introducing other forms of seminars?", %

Сложности, связанные с оцениванием, можно преодолеть с помощью балльно-рейтинговой системы, при которой выставляют не текущую оценку, а некие бонусы, отражающиеся на итоговой оценке. Учебная мотивация студентов возрастет, если традиционный формат семинарского занятия изменить на интерактивный. В этом случае увеличение количества времени на такие занятия в рамках дисциплины «Основы российской государственности» дают возможность для творчества как преподавателя, так и студентов.

Выводы

Несомненно, эффективность образовательного процесса в вузе во многом зависит от инновационных умений преподавателя как организатора обучения. Он должен не только методически грамотно выбирать ту или иную форму проведения семинарского занятия, чтобы решить педагогическую задачу и получить максимальную обратную связь от студентов, но и наполнить его интерактивными инструментами и методами, позволяющими развивать необходимые навыки и компетенции, стимулировать профессионально-личностное развитие [9] и в качестве одного из важнейших результатов правового образования — сформировать (или повысить имеющийся) уровень правовой культуры. Именно интерактивность, повышая учебную мотивацию, помогает в усвоении значимого материала дисциплины «Основы российской государственности» и способствует более качественному закреплению знаний и навыков в области правовой культуры и гражданской грамотности.

Проблемным оказывается внедрение интерактивных форм семинарских занятий еще и потому, что их целью служит не только проверка усвоенных знаний и выявление проблемных точек (формирование правовой культуры и гражданской грамотности), но и развитие критического мышления, коммуникации, сотрудничества, ясности формулировки при составлении вопросов и ответов (например, для дискуссий и дебатов). Кроме того, необходимо помнить о том, что при лекционной подаче материала усваивается около 20 % информации, при дискуссионной — около 75 %, а во время деловых игр — около 90 %. Это тоже служит одним из аргументов относительно изменения формы семинарских занятий в пользу интерактивных.

Список источников

1. Основы российской государственности: учеб.-метод. комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский [и др.]. М.: Дело, 2023. 212 с.
2. Елистратова В. В. Модернизация в сфере наднационального правотворчества и культура правотворчества // Правовая культура. 2021. № 2. С. 116.
3. Зорина Е. М., Кузьмин А. В. Некоторые аспекты развития правового образования студентов-юристов // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 54–60. DOI: 10.26163/GIEF.2023.78.20.006
4. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9. No. 5. P. 1–6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
5. Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.
6. Носова С. С. Социально-психологический профиль «сетевого поколения» в работах зарубежных исследователей первого десятилетия XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2. Ч. 1. С. 129–132.

7. Коатс Дж. Поколения и стили обучения / пер. с англ. Л. Е. Колбачева. М.: Межгосударственная ассоциация последиplomного образования, 2011. 121 с.
8. Фельдштейн Д. И. Человек в современном мире: возможности развития // Человек и образование. 2009. № 3. С. 10–16.
9. Зорина Е. М. Развитие цифровых компетенций преподавателя вуза // Человек, общество, образование: сб. ст. Междунар. форума (Великий Новгород, 31 января — 01 февраля 2023 г.). Ульяновск: ИП Кеншенская Виктория Валерьевна (изд-во «Зебра»), 2023. С. 134–138.

References

1. Marasanova V.M., Bagdasaryan V.E., Ierusalimskii Yu.Yu. et al. Fundamentals of Russian statehood: Educational and methodological complex in the discipline for educational organizations of higher education. Moscow: Delo; 2023. 212 p. (In Russ.).
2. Elistratova V.V. Modernization in the field of supranational lawmaking and lawmaking culture. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*. 2021;(2):116. (In Russ.).
3. Zorina E.M., Kuzmin A.V. Certain aspects of law students' legal education development. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*. 2023;(3):54-60. (In Russ.). DOI: 10.26163/GIEF.2023.78.20.006
4. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5):1-6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed on 02.10.2023).
5. Nechaev V.D., Durneva E.E. "Digital generation": Psychology and pedagogical research of a problem. *Pedagogika = Pedagogics*. 2016;(1):36-45. (In Russ.).
6. Nosova S.S. Socio-psychological profile of "network generation" in papers of foreign researches of the first decade of the XXI century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015;(2-1):129-132. (In Russ.).
7. Coates J. Generational learning styles. River Falls, WI: LERN Books; 2006. 149 p. (Russ. ed.: Coates J. Pokoleniya i stili obucheniya. Moscow: Interstate Association of Postgraduate Education; 2011. 121 p.).
8. Feldshtein D.I. A man in the modern world: Development opportunities. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*. 2009;(3):10-16. (In Russ.).
9. Zorina E.M. Development of digital competencies of a university professor. In: Person, society, education. Proc. Int. forum (Velikiy Novgorod, January 31-February 01, 2023). Ulyanovsk: Zebra; 2023:134-138. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. М. Зорина — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. В. Кузьмин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. M. Zorina — PhD of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

A. V. Kuzmin — PhD of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process of the Law Institute; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 24.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 316.334

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-503-512

Онлайн-платформы в практике корпоративного обучения

Ольга Александровна Никифорова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
nikifolga@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор существующих в литературе подходов теоретиков и практиков к использованию онлайн-платформ для обучения сотрудников. Авторами проанализировано большое количество актуальных статей и исследований, посвященных опыту корпоративного онлайн-обучения. Выделены положительные и отрицательные стороны образовательных онлайн-платформ. К преимуществам использования последних на основе опыта компаний можно отнести следующие: автоматизацию рутинных процессов преподавания, повышенный уровень свободы обучающихся (самостоятельность в выборе времени и места обучения), неограниченный доступ к контенту, широкий выбор сервисов, курсов, выбор которых осуществляется в зависимости от размера компании и задачи обучения, минимизацию личных контактов (при пандемии). Кроме того, авторы сосредоточили внимание и на негативных аспектах платформенного обучения. Среди них — отсутствие личного общения, сложности получения обратной связи от наставника, теоретической и практической разработки возрастной специфики применения цифровых материалов, временные затраты на разработку, материальные ресурсы для внедрения, администрирования, разработки курсов.

Ключевые слова: корпоративное обучение, образовательные онлайн-платформы, системы дистанционного обучения, обучение и развитие персонала

Для цитирования: Никифорова О. А. Онлайн-платформы в практике корпоративного обучения // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 503–512. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-503-512>

Original article

Online-platforms in the practice of corporate training

Olga A. Nikiforova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, nikifolga@gmail.com

Abstract. The article presents a review of the existing in the literature approaches of theorists and practitioners to the use of online platforms for employee training. The authors analyzed a large number of relevant articles and studies on the experience of corporate online training. The positive and negative sides of online educational platforms are highlighted. The following can be attributed to the advantages of using the latter based on the experience of companies: automation of routine teaching processes, increased level of freedom of learners (autonomy in choosing the time and place of training), unlimited access to content, a wide range of services, courses, the choice of which is made depending on the size of the company and the task of training, minimization of personal contacts (in case of pandemic). In addition, the authors also focused on the negative aspects of platform learning. Among them are the

lack of personal communication, difficulties in getting feedback from the tutor, theoretical and practical development of age specific application of digital materials, time costs for development, material resources for implementation, administration, course development.

Keywords: corporate training, online educational platforms, distance learning systems, personnel training and development

For citation: Nikiforova O.A. Online-platforms in the practice of corporate training. *Sociology and Law*. 2023;15(4):503-512. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-503-512>

Введение

Компания заинтересована в постоянном развитии сотрудников и их трудового потенциала для повышения продуктивности труда, что становится стимулом создания корпоративных систем обучения. Из-за неопределенности и чувства подвижности мира в развитии компетенций заинтересован и сотрудник, поскольку такие умения позволяют чувствовать конкурентное преимущество на рынке труда, успешнее и быстрее приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Тем не менее поиск, разработка, адаптация и обслуживание платформы является дорогостоящей статьей затрат предприятия, что останавливает процесс цифровизации обучения. Как следствие, могут быть упущены многие возможности. В связи с этим возникает необходимость поиска возможностей реализации онлайн-платформ, эффективность которых можно было бы оценить. Существующие подходы к оценке эффективности корпоративного обучения могут быть применены к корпоративному обучению с помощью онлайн-платформ, но также требуют адаптации.

Постановка проблемы

В последние несколько лет прослеживается значительное увеличение количества компаний, которые применяют онлайн-платформы в практике обучения сотрудников. Об этом свидетельствует и статистика в поисковой системе Google по запросу «LMS», как видно на рисунке 1.

Данная диаграмма показывает степень заинтересованности темой относительно самого высокого значения показателя по регионам и временным периодам. При этом максимальное значение показателя — 100 баллов, соответствующих самому высокому уровню заинтересованности темой и, соответственно, популярности запроса. Таким образом, повышенную популярность запроса мы видим с начала 2020 г., а пиковую — в начале 2022 г. Сегодня популярность запроса также остается значительной.

Системы дистанционного обучения (СДО), или Learning Management System (LMS), являются оптимальным и доступным способом обеспечения эффективного корпоративного обучения. Постоянный прогресс IT-технологий стабильно продуцирует инновации решений и возможностей, формирующих оптимальные с точки зрения затрат ресурсов способы организации обучения персонала в дистанционном режиме [1]. Тем не менее существует множество компаний, которые не стремятся внедрять LMS в свою деятельность.

Обучение с помощью онлайн-платформ может подойти ограниченному количеству компаний, сотрудники которых готовы к инновациям. Так, можно выделить несколько характеристик персонала, который может проходить обучение с использованием онлайн-платформ:

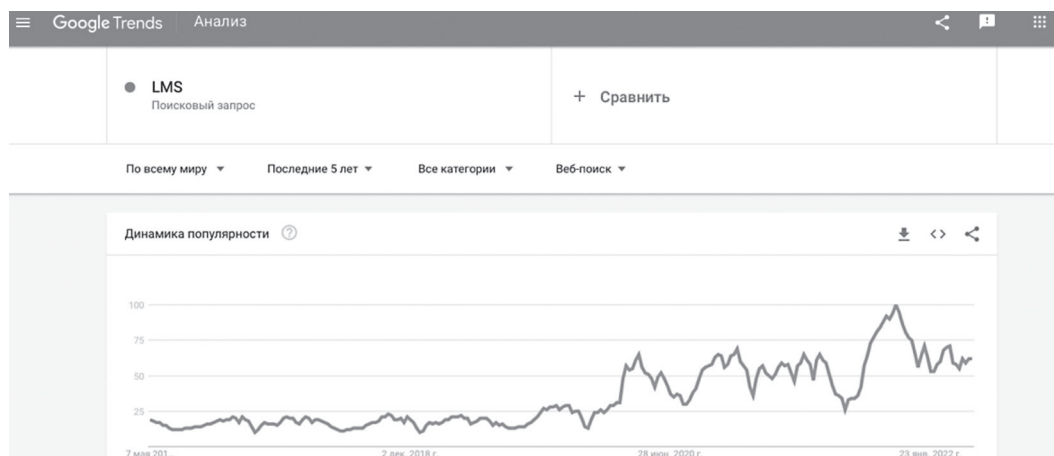

Рис. 1. Статистика запросов LMS в поисковой системе Google

Fig. 1. Statistics of LMS queries in Google search engine

Источник: составлено автором.

- работник, которому присущи высокая мотивация и самоорганизация, а также опыт управления своим временем и активностями;
- работник, который обладает сформированной потребностью саморазвития, готов к принятию на себя ответственности за ее осуществление и делает это по мере необходимости;
- работник, обладающий качеством общительности, готов вступать в деловые контакты и понимает значимость контактов и знакомств как для развития собственной карьеры, так и для развития компании;
- работник, который не только понимает необходимость постоянного обучения, но и способен быстро обучаться на основе высокой мотивированности и самоорганизованности.

Выделим ключевые параметры обучения персонала в онлайн-формате:

1. Одним из главных параметров выбора между дистанционным и традиционным форматом обучения служит цель подготовки. Обучение в традиционном формате предполагает медленный процесс преобразования трудового потенциала работника, затрагивающий многие уровни этого потенциала, и оно рассчитано на то, что работник будет трудиться в организации в течение продолжительного времени. Традиционное образование должно сочетаться с пониманием карьерных перспектив в организации со стороны работника. Онлайн-обучение в дистанционном формате предполагает освоение работниками определенных навыков и получение определенных знаний о каком-либо аспекте их трудовых обязанностей. Оно носит характер массовости и краткосрочности.

2. Обучение персонала является необходимой компонентой управления им. Онлайн-обучение в дистанционном формате выполняет функцию способа управления развитием карьеры, этот способ контролирует работник. Прохождение онлайн-обучения следует включать в систему оценивания эффективности данного сотрудника для компании. При должной степени развитости организационной культуры в компании сотрудник может осуществлять самостоятельный поиск дистанционных вариантов обучения, осознавая необходимость такого обучения. В этой ситуации существенными становятся процедуры согласования содержания обучения работника с целями и задачами компании. Эти процедуры строятся

по принципу диалога в системе управления. Устоявшиеся в организационной социологии методы выявления потребностей работников в обучении требуют ориентации на четко прописанные квалификационные требования к каждому сотруднику. Активность работников по отношению к выбору формы и содержания обучения оказывается компонентой структуры трудовой мотивации и структуры лояльности к компании.

SWOT-анализ внедрения онлайн-платформ в практику корпоративного обучения

Рассмотрим мнение современных авторов об онлайн-платформах для обучения. А. М. Павлова в своем обобщающем анализе преимуществ и спорных моментов онлайн-обучения сотрудников формулирует ключевые параметры развития этой формы обучения [2]. Исследователь делает вывод о том, что переход к дистанционным и смешанным формам обучения продиктован не только сложившейся эпидемиологической ситуацией, но и необходимостью снижения транзакционных издержек работодателя в этой сфере. В работе рассмотрены не только достоинства онлайн-обучения, но и недостатки организационного и психологического характера. Выделены основные стратегические ориентиры обучения персонала организаций в режиме онлайн. По мнению А. М. Павловой, установка на непрерывное образование (life long learning), возможность выстраивать индивидуальные образовательные траектории и развитие онлайн-обучения могут стать при условии согласования образовательных потребностей работника и задач организации инструментом карьерного развития и сопровождения персонала.

Ш. И. Раззаков, У. З. Нарзиев, Р. Б. Рахимов анализируют как положительные, так и отрицательные стороны обучения [3]. К положительным ученые относят:

- наличие возможности выбрать любой имеющийся в открытом доступе онлайн-курс;
- свободу выбора обучающегося в организации графика обучения, места обучения и продолжительности отдельных занятий;
- возможность иметь доступ к образовательному ресурсу из любой точки мира, в которой существует сеть Интернет;
- конвертацию в образовательный процесс новейших достижений IT-технологий и высокую эффективность этой конвертации;
- экономию денежных средств обучающимися;
- наличие доступного контакта с преподавателем;
- неактуальность проблемы опозданий и пропусков занятий.

Вместе с тем достоинства онлайн-обучения имеют ряд спорных моментов, которые следует учитывать не только при прохождении онлайн-курсов, но и в случае организации обучения в таком формате. Основной видится проблема контроля и оценки получаемых знаний. Данная оценка должна осуществляться по завершении обучения. В традиционной системе обучения она осуществляется в двух формах: устной и письменной. При осуществлении контроля оценки при прохождении онлайн-обучения значительно возрастает риск недобросовестного прохождения курса со стороны обучающегося, при котором отсутствует гарантия того, что обучающийся прошел курс и систему оценивания по нему самостоятельно. Это придает вероятностный характер оценке знаний при онлайн-обучении.

Согласно исследованиям Н. В. Ломовцевой, необходимо соблюдать ряд принципов при осуществлении контроля в ситуации онлайн-обучения [4]:

- принцип объективности — необходимо снизить до минимума воздействие субъективного фактора;
- принцип демократичности — необходимо, чтобы все обучающиеся, знания которых оцениваются, были в равном положении при прохождении контроля;
- принцип массовости и кратковременности — необходимо осуществлять контроль полученных знаний у большого числа обучающихся в минимальный период.

В настоящее время наиболее эффективным методом контроля и оценки знаний при прохождении онлайн-обучения признано тестирование. К тому же целесообразно разрабатывать тесты для каждого уровня овладения материалом. Всего выделяют четыре уровня: во-первых, уровень узнавания и запоминания; во-вторых, уровень воспроизведения; в-третьих, уровень осмысления и понимания; в-четвертых, уровень применения.

Результаты оценки знаний обучающихся зависят и от качества разработки тестов. В связи с этим сформулированы основные принципы и этапы разработки тестовых заданий. На первом этапе необходимо осуществить выбор содержания тестовых заданий, на втором — выбрать их форму, на третьем — создать инструкции и описание теста, на четвертом — осуществить апробацию теста. Затем следует этап интерпретации результатов. Завершающим этапом служит экспертиза качества теста.

Дж.-М. Баталла-Бускетс и К. Пачеко-Бернал пишут, что использование онлайн-платформ для обучения на рабочем месте с каждым годом набирает наибольшую популярность [5]. Особый интерес в статье представляют итоги опроса с участием 2 000 сотрудников ведущего Европейского сберегательного банка CaixaBank. В процессе опроса выявлены мотивы и факторы, которыми руководствуются сотрудники при прохождении привычного обучения на предприятии и обучения с помощью онлайн-платформ.

Результаты показывают, что работники воспринимают электронное обучение как более гибкую и современную методику обучения. Вместе с тем для работников привычное обучение на рабочем месте по-прежнему воспринимается как более мотивирующая методика по сравнению с онлайн-обучением, поскольку обычно участники обучения получают обратную связь от тренера в режиме реального времени.

В исследовании обращено внимание и на то, что преимущества онлайн-платформ для обучения могут быть четко сформулированы для работодателя (так как представляют собой гибкий и эффективный способ развития навыков и знаний сотрудников). Но, с точки зрения сотрудников, преимущества онлайн-платформ обучения не настолько очевидны и во многом зависят от их отношения к новым технологиям, их умения приспосабливаться к быстро изменяющимся реалиям.

В. Т. Ченг и Ч. Чен полагают, что электронное обучение все чаще используют организации для повышения квалификации работников [6]. Особенно популярными онлайн-платформы становятся из-за эффекта снижения затрат при замене традиционного обучения. Однако указано, что в небольшом количестве источников проведена оценка эффективности такого вида обучения, особенно для линейного персонала. Речь идет о том, что в последние годы активно обсуждалась оценка системы электронного обучения в академической сфере, но представлено немного сведений об электронном обучении на рабочем месте, перспективе управления знаниями в области электронного. Нечасто раскрывают темы о том, как отрасль может расширить зону применения электронного обучения и создать позитивный эффект.

В исследовании проведена оценка линейного персонала и отражена эффективность использования такого вида обучения. Результаты показывают, что системы электронного обучения полезны. А. Ахмадпур, С. М. Мирдамади, С. Солтани рассматривают возможность внедрения онлайн-платформ для обучения сотрудников и выделяют ряд трудностей, с которыми могут столкнуться компании [7]. Успешное внедрение систем электронного обучения в основном зависит от отношения сотрудников к технологиям и готовности их использовать. В своем исследовании ученые рассмотрели отношение работников сельскохозяйственной сферы к использованию электронного обучения для обучения без отрыва от производства в Иране и факторов, влияющих на это. Краткое описание исследования: для сбора данных методом интервью использована структурированная анкета. Результаты показывают, что отношение работников к электронному обучению в целом видится положительным. Уровень знаний работников об электронном обучении, доступ к технической поддержке и их мотивация существенно влияют на их отношение к использованию онлайн-обучения на рабочем месте.

Ю. Н. Короленко пишет о том, что существуют положительные и отрицательные стороны онлайн-обучения [8]. Во-первых, одним из существенных преимуществ онлайн-обучения являются свобода и самостоятельность в обучении людей, которые это обучение проходят. Иными словами, время сотрудника, проходящего обучение и его наставника, четко не регламентировано, каждый может выполнять свои функции независимо друг от друга, в удобное время, в границах периода выполнения задания. Прежде всего повышается доступность образования, прослеживается свобода выбора времени и продолжительности обучения. Тем не менее это можно считать и спорным моментом, поскольку возникает проблема определения того, какой именно образовательный ресурс удовлетворит потребности в обучении из множества альтернативных образовательных ресурсов, представленных в интернет-пространстве. В связи с этим повышаются временные затраты на поиск и выбор варианта.

Во-вторых, неоспоримым достоинством онлайн-обучения выступает адаптивность такого формата обучения, поскольку существует возможность построить план обучения под индивидуальные особенности обучающегося. В-третьих, онлайн-платформы предоставляют выбор времени и места обучения, создавая гибкость. Кроме того, существуют категории потенциальных учащихся, которые не в силах проходить традиционное обучение (например, пожилые, инвалиды, проживающие в отдаленных от мест нахождения образовательных учреждений районах, а также люди, которые совмещают несколько активностей, работу и учебу, то есть такие, которые не в состоянии выделять стабильно часть своего дня на образование). В-четвертых, создание онлайн-платформы значительно экономит средства для компаний, предоставляющих онлайн-курсы. Речь идет о сокращении расходов на аудиторные фонды, оборудование, персонал по различным его группам: профессорско-преподавательский, учебно-вспомогательный, административный. Снижаются издержки по осуществлению нормативного регулирования процесса обучения на транспортные расходы и командировочные. Онлайн-формат оказывается выгодным и для работников, которые могут проходить обучение без отрыва от производства, при этом обучение можно в таких условиях проходить сразу по нескольким образовательным продуктам. При онлайн-обучении происходит персонализация за счет оперативной связи с преподавателем (куратором) курса, что отсутствует при традиционном обучении, если преподаватель взаимодействует с потоком в аудитории. Многим известно и еще об одном значимом преимуществе онлайн-формы: такой курс можно пересматривать в любой удобный момент времени.

Ограничения корпоративного онлайн-обучения

Однако существуют и ограничения во взаимодействии субъектов онлайн-образования. Первая сложность — нормативно-технологическая. В ходе онлайн-обучения, связанного с выдачей документа об образовании, возникает проблема идентификации пользователя во время процесса обучения. Если предоставление электронной копии документов, необходимых для образовательного процесса и получения диплома, регулируется законодательно процедурами подачи заявлений и т. п., то в период онлайн-сессий отразить, кто именно сидит по ту сторону экрана, сложно. Процедура прокторинга на контрольных точках требует видеонаблюдения или очного участия.

Вторая проблема — недостаток практических знаний. Часть из них сложно или невозможно передать онлайн. Третью группу проблем охарактеризуем как сугубо психологическую, связанную со становлением и функционированием личности. Во-первых, реализация образования только в онлайн-формате, как показала пандемия, искажает телесный и эмоциональный опыт, особенно на ранних этапах развития. Во-вторых, электронные средства обучения не слишком подходят для развития общекультурных компетенций (*soft skills*), поскольку полноценный диалог возможен при непосредственном контакте. Бесконтактное взаимодействие приводит к дефициту межличностного взаимодействия с преподавателями как носителями профессионального опыта, смыслов и ценностей профессии, ограничивает интериоризацию (присвоение) нормативов профессиональной деятельности, приводит к преимущественной ориентации на манипулятивные профессиональные действия, затрудняет процесс порождения и интерпретации студентами личностных смыслов обучения.

Кроме того, самостоятельность в освоении материала требует не только развитых силы воли, ответственности и самоконтроля, но и навыков эффективной организации собственной деятельности и активности. Большинство таких сформированных навыков не имеют. Поддерживать нужный темп обучения без контроля со стороны удастся не всем.

При внедрении онлайн-платформы может возникнуть ситуация, при которой компания обращается к сторонним провайдерам, оказывающим услуги по администрированию платформы. Изначально они оказывают услуги по разработке обучающего портала. Но, поскольку все доступы к администрированию находятся у провайдера, отказаться от их услуг сложно.

Исследователи выделяют и положительные, и отрицательные стороны онлайн-платформ, возможности и сложности, с которыми компания может столкнуться при переходе с традиционных методик обучения на обучение с помощью онлайн-платформ. В таблице 1 представлен SWOT-анализ внедрения онлайн-платформ в практику корпоративного обучения.

Выводы

Таким образом, онлайн-платформы при реализации корпоративного обучения имеют огромное количество плюсов. Но в полной мере заменить традиционные способы обучения с сохранением эффективности пока невозможно. Главной сложностью является отсутствие личного общения (особенно спонтанного). Компании, переходящие на обучение с помощью онлайн-платформ, создают возможность участия в учебном процессе сотрудников, которые не могут посещать привычные тренинги. Такими сотрудниками могут быть удаленные работники или люди с ограниченными возможностями здоровья.

Таблица 1

SWOT-анализ «Внедрение онлайн-платформ в практику корпоративного обучения»

Table 1. SWOT-analysis "Introduction of online platforms in the practice of corporate training"

Сильные стороны 1) автоматизация рутинных процессов преподавания; 2) минимизация контактов (при пандемии); 3) повышенный уровень свободы: самостоятельность в выборе времени и места обучения; 4) неограниченный доступ к контенту; 5) огромное количество сервисов для обучения в цифровой среде, выбор которых осуществляется в зависимости от размера компании и задачи обучения	Слабые стороны 1) сложности получения обратной связи от наставника обучения; 2) отсутствие личного общения; 3) как правило, отсутствуют теоретические и практические разработки возрастной специфики использования цифровых материалов; 4) для апробации онлайн-платформы также необходимы время и ресурсы компании
Возможности 1) обмен опытом с российскими и зарубежными коллегами; 2) создание инклюзивных способов обучения для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	Угрозы 1) утечка данных из-за сложности хранения и обмена персональными данными, а также сохранения безопасности обучающихся и компаний в цифровой среде

Источник: составлено автором.

В качестве основных аргументов, которые компании могут учитывать для принятия решения об использовании онлайн-платформ, авторы предлагают следующие:

- возможность создания индивидуализации учебных траекторий и автоматизации рутинных процессов преподавания;
- онлайн-платформы могут открыть доступ к неограниченному контенту (текстам, иллюстрациям, видеоматериалам и т. п.). С этих сервисов может происходить взаимосвязь с иностранными коллегами, появляется возможность обмена опытом без обязательного знания иностранных языков;
- существует огромное количество сервисов для обучения в цифровой среде, выбор такого сервиса зависит от компании и задачи обучения. Для такой апробации онлайн-платформы необходимы время и ресурсы компании;
- система контроля за результатами обучения развита в меньшей степени: прокторинг применяет незначительное количество компаний, проконтролировать самостоятельность выполнения назначенного курса очень сложно;
- отсутствуют, как правило, теоретические и практические разработки возрастной специфики использования цифровых материалов;
- в условиях использования широкого перечня платформ, ресурсов и сервисов актуальными становятся вопросы хранения и обмена персональными данными, а также безопасности обучающихся и компаний в цифровой среде.

Список источников

1. Кривогорницына О. С., Калинин Н. В. Оценка эффективности использования электронных образовательных систем в корпоративном обучении // Научные исследования студентов в решении актуальных проблем АПК: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 04–05 марта 2021 г.). Т. II. Иркутск: Иркутск. ГАУ. 2021. С. 71–76.

2. Павлова А. М. Обучение персонала в онлайн-формате: возможности и ограничения // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 3. С. 99–104. DOI: 10.52944/PORT.2021.46.3.008
3. Раззаков Ш. И., Нарзиев У. З., Рахимов Р. Б. Контроль знаний в системе дистанционного обучения // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 70–73.
4. Ломовцева Н. В. Контроль учебной деятельности в дистанционном обучении // Экономика образования. 2009. № 2. С. 93а–94.
5. Batalla-Busquets J.-M., Pacheco-Bernal C. On-the-job e-learning: Workers' attitudes and perceptions // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2013. Vol. 14. No. 1. P. 40–64. DOI: 10.19173/irrodl.v14i1.1304
6. Cheng W. T., Chen C. The impact of e-learning on workplace on-the-job training // International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning. 2015. Vol. 5. No. 4. P. 212–228. DOI: 10.17706/ijeeee.2015.5.4.212-228
7. Ahmadpour A., Mirdamadi S. M., Soltani S. Attitude towards on-the-job e-learning: The case of agricultural extension workers in Iran // Journal of Agricultural Science and Technology. 2016. Vol. 18. No. 1. P. 27–38. URL: <https://jast.modares.ac.ir/article-23-4238-en.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).
8. Короленко Ю. Н. Онлайн-обучение как одна из форм повышения квалификации персонала // Исследование, систематизация, кооперация, развитие, анализ социально-экономических систем в области экономики и управления (ИСКРА — 2018): сб. тр. I Всерос. школы молодых ученых, Симферополь-Судак, 2–7 октября 2018 г. / под общ. ред. В. М. Ячменевой. Симферополь-Судак: Ариал, 2018. С. 211–214.

References

1. Krivogornitsyna O.S., Kalinin N.V. Evaluation of the effectiveness of using e-learning systems in corporate training. In: Students' scientific research in solving current problems of the agricultural industry. Proc. All-Russ. sci.-pract. conf. (Irkutsk, March 04-05, 2021). Vol. II. Irkutsk: Irkutsk State Agrarian University; 2021:71-76. (In Russ.).
2. Pavlova A.M. Online staff training: Opportunities and limitations. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda = Vocational Education and Labour Market*. 2021;(3):99-104. (In Russ.). DOI: 10.52944/PORT.2021.46.3.008
3. Razzakov Sh.I., Narziev U.Z., Rakhimov R.B. Knowledge control in the distance learning system. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2014;(7):70-73. (In Russ.).
4. Lomovtceva N.V. The control of learning activity in distant education. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*. 2009;(2):93a-94. (In Russ.).
5. Batalla-Busquets J.-M., Pacheco-Bernal C. On-the-job e-learning: Workers' attitudes and perceptions. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2013;14(1):40-64. DOI: 10.19173/irrodl.v14i1.1304
6. Cheng W.T., Chen C.-C. The impact of e-learning on workplace on-the-job training. *International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning*. 2015; 5(4):212-228. DOI: 10.17706/ijeeee.2015.5.4.212-228
7. Ahmadpour A., Mirdamadi S.M., Soltani S. Attitude towards on-the-job e-learning: The case of agricultural extension workers in Iran. *Journal of Agricultural Science and Technology*. 2016; 18(1):27-38. URL: <https://jast.modares.ac.ir/article-23-4238-en.pdf> (accessed on 20.06.2023).
8. Korolenko Yu.N. Online training as a form of staff development. In: Research, systematization, cooperation, development, analysis of socio-economic systems in the field of economics and management (ISKRA-2018). Proc. 1st All-Russ. school of young scientists (Simferopol-Sudak, October 2-7, 2018). Simferopol-Sudak: Arial; 2018:211-214. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Никифорова — кандидат социологических наук, доцент кафедры организационного поведения и управления персоналом Высшей школы менеджмента СПбГУ; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Information about the author

O. A. Nikiforova — PhD in Sociology, Associate Professor at the Organizational Behavior and Personnel Management Department Petersburg University; 7–9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 13.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 13.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 504

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-513-533

Социально-экологическая ситуация в малых монопромышленных городах России

Александр Сергеевич Мищенко

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, a_mis@rambler.ru

Аннотация. В статье изложен подход автора к изучению экологических проблем с применением понятия социально-экологической ситуации. Даны интерпретация этого понятия и пример его использования при обследовании малых монопромышленных городов России. Приведены результаты такого обследования, которые показали, что изложенный подход можно использовать при изучении экологических проблем малых городов и других социально-территориальных образований.

Ключевые слова: экологическая ситуация, экологическая обстановка, острота экологической ситуации, социально-экологическая напряженность, экологический ущерб, социально-экологический конфликт, социально-экологическая ситуация

Для цитирования: Мищенко А. С. Социально-экологическая ситуация в малых монопромышленных городах России // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 513–533. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-513-533>

Original article

Socio-ecological situation in small mono-industrial cities of Russia

Alexander S. Mishchenko

Sociological Institute of the RAS — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, a_mis@rambler.ru

Abstract. The article presents the author's approach to the study of environmental problems using the concept of socio-ecological situation. The interpretation of this concept and an example of its use in the survey of small mono-industrial cities of Russia are given. The results of such a survey are given, which showed that the presented approach can be used in the study of environmental problems of small towns and other socio-territorial formations.

Keywords: ecological situation, ecological situation, acuteness of ecological situation, socio-ecological tension, ecological damage, socio-ecological conflict, socio-ecological situation

For citation: Mishchenko A.S. Socio-ecological situation in small mono-industrial cities of Russia. *Sociology and Law. 2023;15(4):513-533* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-513-533>

Введение

В современной России наблюдается масштабное ухудшение состояния окружающей среды в результате хищнического использования природных ресурсов, что было характерным для индустриальной стадии развития капитализма в странах Западной Европы и Северной Америки. Как и предсказывали многие авторы, в России в последние несколько лет обострилась экологическая ситуация [1; 2; 3; 4].

А. В. Яблоков охарактеризовал экологическую политику в России как «де-экологизацию», то есть создание губительного для развития страны благоприятного инвестиционного климата путем снижения природоохранных требований [5]. Ученый пишет: «Экологические беды современной России не случайны. Они — следствие продуманной политики де-экологизации. Логика де-экологизации, которая вырисовывается из различных официальных документов формулируется так: “Займемся экологией, когда Россия станет богатой. Для быстрого обогащения надо широко использовать природные ресурсы. Для этого надо ослаблять природоохранные требования (законы, нормы, правила, экологический контроль и мониторинг)”» [6, с. 29].

Исследователи утверждают, что зачастую особенно неблагоприятная экологическая ситуация складывается в малых городах России [7; 8]. По их мнению, всего в малых городах проживают около 12 млн россиян, однако именно в них возникает четверть всех экологических проблем России. Они пишут, что наиболее сложная экологическая обстановка складывается в малых монопромышленных городах.

Автор этих строк активно участвовал в проекте по изучению социально-экономической ситуации в малых монопромышленных городах Северо-Западного региона России. Эти исследования были проведены в 2018–2020 гг. в девяти малых монопромышленных городах: в четырех — в Ленинградской области, в двух — в Вологодской области, в одном — в Архангельской области и двух — в Республике Карелия. Восемь из обследованных городов были монопромышленными, жизнь в которых полностью зависела от одного главного предприятия, а один — аграрным городом, занимающимся переработкой сельскохозяйственной продукции. В трех из обследованных городов градообразующими являлись предприятия по переработке минерального сырья, в пяти — целлюлозно-бумажной промышленности.

Теоретико-методологические основания исследования

По нашему мнению, социально-экологическая ситуация является одной из фундаментальных характеристик различных цивилизаций и обусловлена типами и практиками освоения территорий социумом, его связями с природной средой и отношением к ней.

В процессе интерпретации основных понятий возникла проблема, связанная с определением понятия «социально-экологическая ситуация». В ряде отечественных источников данное понятие упоминается, но отсутствует его определение [9, с. 100; 10, с. 36]. Чтобы сформулировать определение, автору пришлось обратиться к понятию «экологическая ситуация», которое применяется в геоэкологии. Б. И. Кочуров определяет это понятие следующим образом: *экологическая ситуация* — это пространственно-временное сочетание различных, в том числе позитивных и негативных с точки зрения проживания и состояния человека условий и факторов, создающих определенную *экологическую обстановку* на тер-

ритории разной степени благополучия или неблагополучия [11, с. 7]. Под *экологической обстановкой* он понимает состояние окружающей человека среды, обусловленное взаимодействием природы и хозяйственной деятельности человека.

Б. И. Кочуров выделяет такую характеристику *экологической ситуации*, как ее острота. По критерию *остроты экологических ситуаций* им выделены следующие их уровни:

- *удовлетворительная ситуация*: из-за отсутствия прямого или косвенного антропогенного воздействия все показатели свойств ландшафтов не изменяются;
- *конфликтная ситуация* возникает в случае, если наблюдаются незначительные в пространстве и во времени изменения в ландшафтах, в том числе в средо- и ресурсовоспроизводящих свойствах, что ведет к сравнительно небольшой перестройке структуры ландшафтов и восстановлению в результате процессов саморегуляции природного комплекса или проведения несложных природоохранных мер;
- *напряженная ситуация* характеризуется негативными изменениями в отдельных компонентах ландшафтов, что ведет к нарушению или деградации отдельных природных ресурсов и в ряде случаев к ухудшению условий проживания населения; при соблюдении природоохранных мер напряженность экологической ситуации, как правило, спадает;
- *критическая ситуация* определяется по значительным и слабокомпенсируемым изменениям ландшафтов; происходит быстрое нарастание угрозы истощения или утраты природных ресурсов (в том числе генофонда), уникальных природных объектов, наблюдается устойчивый рост числа заболеваний из-за резкого ухудшения условий проживания;
- *кризисная ситуация* приближается к катастрофической, в ландшафтах возникают очень значительные и практически в малой степени компенсируемые изменения, происходит полное истощение природных ресурсов и резко ухудшается здоровье населения;
- *катастрофическая ситуация* характеризуется глубокими и часто необратимыми изменениями природы, утратой природных ресурсов и резким ухудшением условий проживания населения, вызванными в основном многократным превышением антропогенных нагрузок на ландшафты региона; важными признаками катастрофической ситуации являются угроза жизни людей и их наследственности, а также утрата генофонда и уникальных природных объектов.

Под *выявлением экологических ситуаций* подразумеваются установление перечня (набора) экологических проблем; пространственная локализация экологических проблем; определение комбинации (сочетания) экологических проблем и отнесение выявленного ареала к той или иной степени остроты экологической ситуации [11, с. 17].

И. А. Сосунова, не давая определения социально-экологической ситуации, предлагает главные показатели, характеризующие *социально-экологическую ситуацию*:

- миграцию по экологическим причинам;
- потерю рабочих мест на экологически опасных производствах, подлежащих временной остановке или ликвидации;
- количество заболеваний по экологическим причинам;
- доступность компенсации экологического ущерба;
- изменение характера питания вследствие экологических причин;
- изменение рекреационных возможностей вследствие экологических причин;

- «экологический терроризм»;
- социально-экологическую напряженность [10, с. 36–37].

В качестве *основного показателя социально-экологической ситуации* И. А. Сосунова выделяет *социально-экологическую напряженность*. *Социально-экологическая напряженность* отражает результат сложного взаимодействия экологических, социальных и духовных факторов, служит индикатором актуализации социально-экологических процессов [12, с. 98].

Для оценки *возрастания социально-экологической напряженности* И. А. Сосунова предлагает несколько стадий:

- *стадию отсутствия напряженности*, характеризующуюся сбалансированностью условий и требований, порождаемых экологической ситуацией, а также намерений и ожиданий социального субъекта. Это состояние выражено в положительной или нейтральной оценках влияния сложившейся экологической ситуации на жизнедеятельность субъекта. Данной стадии соответствует «нулевой уровень» *социально-экологической напряженности*. Отсутствие социально-экологической напряженности не означает отсутствия социально-экологических проблем. Последние могут находиться в латентной фазе, но их изучение и прогноз развития не менее актуальны, чем на любой другой стадии;
- *начальную (диффузную) стадию*, для которой свойственно состояние общественного сознания, характеризующееся оценкой экологической ситуации как вызывающей определенную ущербность жизненных условий, потенциально угрожающей важнейшим интересам и потребностям. По сравнению с предыдущей, на этой стадии резко возрастает обеспокоенность населения экологической ситуацией, распространяются тревога, недоверие властям, руководству промышленных предприятий и т. п.;
- *стадию очевидной социально-экологической напряженности*, для которой характерно осознание экологической ситуации, реально угрожающей интересам социального субъекта, появление признаков готовности противостоять нежелательным изменениям, распространение доминирующих представлений о желательных путях нормализации обстановки, формирование «образа врага» и т. д.;
- *стадию социально-экологического конфликта*, на которой завершается осознание социальным субъектом (слоем, группой, территориальной общностью и т. п.) глубокого несоответствия экологической ситуации его ценностям и интересам, проявляется готовность устранить данное несоответствие путем социального столкновения, предпринимаются целенаправленные конфликтные действия и т. д. [12, с. 98].

По мнению И. А. Сосуновой, возникновение социально-экологической напряженности связано с наличием социального противоречия (социальной проблемы), порожденного воздействием антропогенных экологических факторов на природную среду (ЭФА). При этом социальные субъекты, которые выбрали в качестве средства разрешения такого противоречия столкновение, борьбу, соперничество, становятся субъектами *социально-экологического конфликта*. Поэтому *социально-экологический конфликт* не является самостоятельным феноменом, а представляет собой последнюю, но наиболее острую стадию социально-экологической напряженности [12, с. 98–99].

Опираясь на вышеизложенное, нами предпринята попытка сформулировать свое определение социально-экологической ситуации.

Социально-экологическая ситуация — это пространственно-временное сочетание различных факторов, создающих определенную *экологическую обстановку*

на территории, занимаемой определенным социумом, обусловленную взаимодействием природы и его хозяйственной деятельности, а также восприятием социальными субъектами, входящими в этот социум, условий своей жизнедеятельности, связанных с экологической обстановкой [13, с. 73–74].

Таким образом, понятие «социально-экологическая ситуация» включает в себя как геофизические факторы, характеризующие экологическую ситуацию на данной территории (загрязнение воздуха, воды, почвы, деградацию растительности и животного мира), так и восприятие экологической ситуации социумом, проживающим на этой территории, а также его готовности к действиям по изменению экологической ситуации в благоприятном для него направлении.

И. А. Сосунова предлагает для проведения социально-экологических исследований концептуальную схему возникновения и развития социально-экологической напряженности, как видно на рисунке 1 [12, с. 99]. Согласно этой схеме, деятельность субъекта формирования антропогенного экологического фактора (промышленного предприятия или иного хозяйствующего объекта и т. п.), его воздействие на биосферу, изменения в ее составе и свойствах описаны как некая *экологическая проблема*. Она оказывает воздействие на социальные общности, локализованные на соответствующей территории, которое осуществляется двумя путями; объективным воздействием экологических факторов (акустических, визуальных и иных физико-химических эффектов, порожденных ими изменений в составе и характеристиках атмосферы, воды, почвы и т. д.) на здоровье людей и их иные социальные интересы; опосредствованным восприятием социальными субъектами экологической проблемы как *экологического риска*.

По мнению И. А. Сосуновой, *экологический риск* есть вероятность нанесения ущерба окружающей среде и здоровью населения в результате функционирования каких-либо объектов (или возникновения на них аварий и катастроф). Он является одним из основных факторов, составляющих отношение населения к определенному субъекту формирования ЭФА и создающих его имидж.

Она также указывает на тесную связь оценки населением экологического риска, связанного с конкретным производственным, хозяйственным, иным объектом, и компетентности общественного мнения по вопросам экологии. Основываясь на анализе результатов своих исследований, И. А. Сосунова констатирует хроническую неинформированность людей об объективном состоянии и перспективах изменения ситуации на соответствующей территории. Особенно критично ею оценивается степень их информированности в районах размещения экологически опасных объектов.

С точки зрения И. А. Сосуновой, реакция различных социальных общностей на конкретную экологическую проблему определяется прежде всего: их социальными интересами (одна и та же тема может иметь разное значение для отдельных социальных слоев, групп и т. д.), духовными и социально-психологическими характеристиками (ценностная система, социальные установки различных социальных и этнических групп, стереотипы их поведения и восприятия могут существенно различаться). Исследователь пишет: «Интересы имеют важнейшее значение для понимания сущности социально-экологической напряженности» [12, с. 99].

Несходство духовных и социально-психологических характеристик, определяющих мнения и поведение разных социальных субъектов по отношению к одной и той же экологической проблеме, также могут быть весьма существенными. На формирование общественного мнения об экологической проблеме, выбор позиции по отношению к ней значительное влияние оказывают социальные и социально-демографические характеристики населения [12, с. 100].

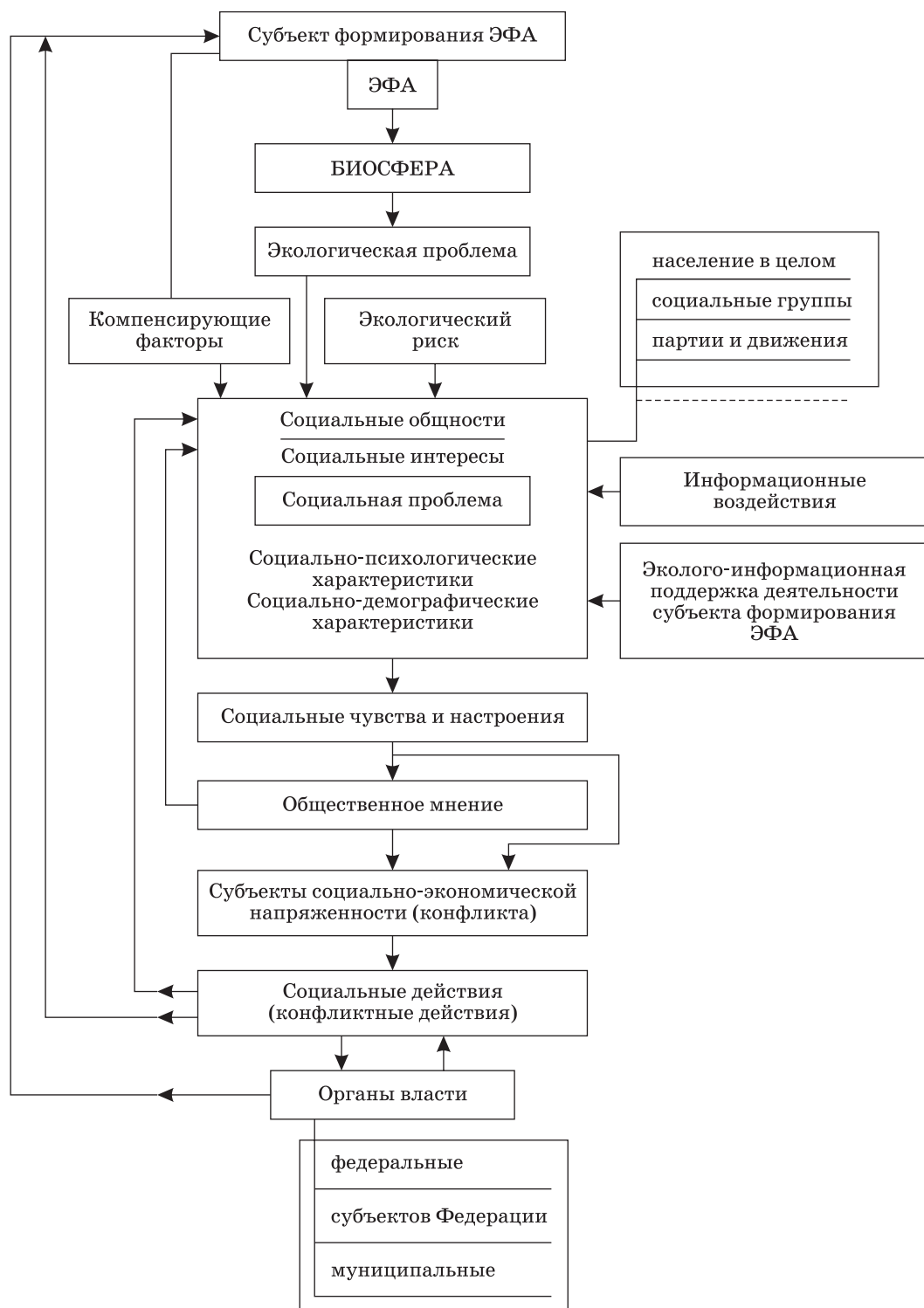

Рис. 1. Концептуальная схема возникновения и развития социально-экологической напряженности

Fig. 1. Conceptual scheme of emergence and development socio-ecological tension

И. А. Сосунова обращает внимание на важность изучения информационного воздействия на социальные общности, источниками которого в первую очередь являются средства массовой информации (СМИ), слухи, экологическое образование и т. д. Результатом воздействия перечисленных факторов на социальные общности становится возникновение соответствующих социальных настроений и оценок по отношению к экологической проблеме. Если все они получают распространение среди населения, то можно говорить о формировании общественного мнения, которое, в свою очередь, собственным авторитетом способствует еще большему их распространению и менее критичному усвоению их людьми.

Среди социальных общностей могут найтись такие, которые станут *субъектами социально-экологической напряженности (конфликта)*. В зависимости от ее реального уровня субъекты конфликта и будут действовать по отношению к субъекту формирования ЭФА, органам власти, другим социальным общностям.

И. А. Сосунова считает, что предложенная ею концептуальная схема возникновения и развития социально-экологической напряженности в наибольшей степени подходит для *социологического изучения социально-экологических ситуаций*, сложившихся в районах расположения «точечных» источников ЭФА [12, с. 101]. Это как раз и соответствует теме настоящего исследования, в котором подразумевается, что главным источником ЭФА в моногородах выступали градообразующие предприятия.

Таким образом, из вышеизложенного можно попытаться сконструировать *индикаторы, описывающие социально-экологическую ситуацию*. Разделим их на две группы.

Первая группа — *геофизические*, носящие объективный характер и фиксирующие состояние природной среды (состав и характеристики атмосферы, водных ресурсов, почвы, растительности и животного мира).

Вторая — *социально-экологические*. Их, в свою очередь, можно разделить на *социально-демографические* (заболеваемость по экологическим причинам, ухудшение комфортности жилой среды, рекреационных возможностей, миграция по экологическим причинам) и *собственно социальные*, выраженные в социально-экологической напряженности, высшей формой которой являются социально-экологические конфликты.

Для выявления факторов, влияющих на социально-экологическую ситуацию в соответствии со схемой, предложенной И. А. Сосуновой, необходимо было также изучать восприятие экологической ситуации социумом и воздействия на нее различных социальных акторов. Речь идет прежде всего о субъектах формирования экологического фактора антропогенного характера (в нашем случае — в основном о градообразующих промышленных предприятиях). Во-вторых, это — органы местной власти различного уровня; в-третьих, социальные группы с различными интересами; в-четвертых, субъекты информационного воздействия на эти социальные группы; в-пятых, политические партии и общественные движения.

В соответствии с этими представлениями о природе социально-экологической ситуации в методологию и методики исследования социально-экономических процессов в малых монопромышленных городах было включено изучение *восприятия экологических проблем различными группами жителей этих городов и их реакции на эти проблемы*. Изучены также акторы из числа жителей, готовые принять участие в разрешении этих проблем, в первую очередь исследованы низовые экологические инициативы и экологические движения горожан.

Вопросы об экологических проблемах были включены в сценарий экспертного интервью, сценарий фокус-групп и анкету для массового опроса. Кроме того,

был разработан специальный сценарий интервью с участниками низовых экологических инициатив и движений.

В роли экспертов в процессе исследования выступали представители руководства градообразующих предприятий, малого и среднего бизнеса, исполнительных и представительных органов власти, работники образования, культуры, медицины, представители партий и общественных движений, экологические активисты.

В анкете для массового опроса экологические проблемы были включены в вопрос о беспокоящих жителей города проблемах. Кроме того, задан вопрос, содержащий перечень экологических проблем и вариант открытого ответа на него.

В сценарий экспертного интервью входил блок вопросов об экологических проблемах, включавший в себя вопросы о причинах их возникновения, путях их решения, об отношении жителей города к экологическим проблемам, их поведении в связи с этим, о наличии в городе экологических инициатив и движений и об отношении к ним жителей.

В сценарий фокус-групп также вошли вопросы об экологических проблемах, причинах их возникновения, путях их решения, отношении к ним жителей, участии жителей в решении экологических проблем.

Сценарий интервью с участниками экологических инициатив и движений содержал четыре блока вопросов:

- о конкретных экологических проблемах, за решение которых борется движение, путях их решения;
- о возникновении движения, причинах включения участника в движение, понимании участником идеи и целей движения;
- о формах работы движения, практиках и мероприятиях, осуществляемых движением;
- об отношениях движения с внешней средой (местной властью, другими общественными движениями), используемых движением ресурсах (финансовых, организационных, информационных).

Основные результаты исследования

Экологическая ситуация

Все обследованные города имели те или иные экологические проблемы. Представление об обеспокоенности этими проблемами дают ответы на вопросы об общих проблемах, как показано в таблице 1, и экологических проблемах, как видно из таблицы 2, полученных при опросе жителей одного из городов Вологодской области. Город этот, если учитывать мнение экспертов, опрошенных во всех городах, можно отнести по остроте экологических проблем к среднему из обследованных городов. В этом городе опрошено 500 человек по репрезентативной выборке.

Из таблицы 1 следует, что экологические проблемы волновали примерно 15 % опрошенных. Из таблицы 2 становится понятным, какие именно экологические проблемы волновали жителей этого города. Практически все эти проблемы волновали, по мнению экспертов и участников фокус-групп, жителей и в других обследованных городах.

Проблема утилизации бытовых отходов

Эта проблема являлась острой в каждом из обследованных городов. Ее можно разделить на две составляющих: сбор и вывоз бытовых отходов; складирование и утилизация бытовых отходов. Только в двух из исследованных городов принимались меры по частичному разделению бытовых отходов и попытка их утилизации. В одном из них производился сбор макулатуры, которая перераба-

Таблица 1

Актуальные повседневные проблемы для населения

Table 1. Actual everyday problems for the population

Вариант ответа на вопрос «Какие повседневные проблемы беспокоят Вас больше всего?»	Доля ответивших, (ранжировано в порядке убывания), %	Рейтинг проблем
Опрошено всего, чел.	500	
Состояние дорог	63,4	1
Рост цен	61,2	2
Состояние медицинского обслуживания	55,8	3
Неблагоустроенность дворов	51,4	4
Низкие зарплаты, пенсии	49,2	5
Работа жилищно-коммунальных служб	29,2	6
Безработица	19,8	7
Пьянство	19,6	8
Экологические проблемы	14,4	9
Наркомания	9,0	10

Таблица 2

Экологические проблемы, волнующие жителей города

Table 2. Environmental problems of concern to the city residents

Вариант ответа на вопрос «Какие из перечисленных экологических проблем волнуют Вас больше всего?»	Доля ответивших (ранжировано в порядке убывания), %
Опрошено всего, чел.	500
Проблема утилизации бытовых отходов	59,0
Чистота воды	57,8
Загрязнение воздуха	54,8
Состояние лесов, окружающих город	32,6
Чистота рек и озер	28,6
Озеленение города	14,8
Сохранение животного мира	6,6
Другие	0,4
Меня эти проблемы не волнуют	0,2
Затрудняюсь ответить	2,2

тивалась местным целлюлозно-бумажным комбинатом. В еще одном городе был организован отдельный сбор бытовых отходов, которые затем вывозились на частичную переработку в другой регион. В трех из ряда обследованных городов были предприняты попытки отдельного сбора мусора, не увенчавшиеся успехом, так как мощности по вторичной переработке мусора или отсутствовали, или были недостаточными.

Поэтому в остальных обследованных городах отходы вывозили и складировали на мусорных полигонах. Ситуации в каждом из городов были различными.

Практически не было ни одного города, в котором ситуация, связанная со сбором и вывозом бытового мусора, была бы идеальной. В одном из городов полигон отходов находился в полутора километрах от города, а на него стали привозить мусор из окрестных городов, в которых полигоны уже были заполнены. Кроме того, по согласованию с Правительством области, планировалось открытие недалеко от города большого полигона для сбора бытовых отходов из разных районов области. Более того, в этом же городе существовала и проблема сбора мусора. Его собирали управляющие компании и не всегда вывозили своевременно. Вследствие этого мусор разносился ветром и животными по всему городу.

Аналогичная проблема вывоза мусора управляющими компаниями ЖКХ существовала и в других обследованных городах. Только в одном из городов опрошенные эксперты и участники фокус-группы утверждали, что данная проблема отсутствует. Вносили «лепту» в загрязнение своих городов и их жители. Они разбрасывали бытовой мусор, устраивали стихийные свалки мебели и бытовой техники. Это было присуще в той или иной степени всем обследованным городам.

В описываемом выше городе проблемы складирования бытовых отходов почти в черте города и планы строительства большого полигона в окрестностях привели к протестам населения и появлению экологического движения, которое стало бороться за исправление ситуации, связанной с бытовыми отходами.

Подобная ситуация сложилась и в двух других городах. Рядом с одним из них также планировали строительство крупного полигона для складирования отходов. В городе возникли протесты против такого строительства, и в результате от этих планов отказались. В третьем городе, в котором проблемы вывоза и складирования мусора отсутствовали, появились планы строительства большого полигона в соседнем с городом районе, на который планировали свозить отходы из других областей. Это вызвало протесты у жителей города, создавших инициативную группу по сбору подписей против создания такого полигона. В дальнейшем данная группа «влилась» в межрегиональное движение «Стоп Шиес», которому удалось предотвратить строительство полигона.

И власти обследованных городов, и эксперты, и участники фокус-групп понимали, что проблема бытовых отходов связана с отсутствием их переработки.

Администрация городов вела борьбу с бытовыми загрязнениями путем организации субботников по уборке мусора, действовали городские волонтерские молодежные группы по поддержанию чистоты. Однако, по мнению многих из опрошенных экспертов, уровень бытовой культуры жителей не позволял решить проблему бытового загрязнения.

В нескольких городах, в школах, вели работу по привлечению детей к уборке, чтобы выработать у них привычку к поддержанию чистоты. В одном из городов такую работу организовал Дом культуры. Его директор поделилась своим мнением: *«Наш Дом культуры организовал в летний период работу с подростками по уборке мусора в городском парке, даже платили за это какие-то деньги. Молодежь с удовольствием в этом участвовала. Может быть, это повлияет на сознание подростков, и они в дальнейшем не будут сорить в городе».*

Так или иначе проблема бытовых отходов остается самой острой на территории России в целом. По мнению специалистов, это связано с тем, что применявшееся при социализме складирование мусора на полигонах стало неэффективным в условиях общества массового потребления, в котором количество упаковочного материала потребительских товаров многократно увеличилось.

Загрязнение воздуха

В восьми из обследованных городов эксперты и участники фокус-групп отмечали загрязнение воздуха. В этих городах размещались производства с вредными выбросами в атмосферу. Хотя представители администрации городов и уверяли, что все выбросы предприятий не превышают предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных веществ, но многие эксперты и участники фокус-групп были с этим не согласны.

Вместе с тем в четырех из этих городов опрошенные указали, что в связи с сокращением производства предприятиями в одних и модернизацией предприятий в других, загрязнение воздуха уменьшилось по сравнению с «советскими временами».

В целом проблему загрязнения воздуха в исследованных городах во многом объясняли тем, что предприятия построены давно, и технологические улучшения, которые предпринимало их руководство, не могли обеспечить необходимую очистку выбросов. В некоторых случаях установка современного оборудования могла значительно снизить рентабельность производства. Так, в одном из городов руководитель предприятия в ответ на требования экологических активистов установить новые фильтры для уменьшения выброса вредных веществ в воздух заявил, что он, скорее, закроет предприятие, чем это сделает.

Загрязненность водоемов

Шесть из исследованных городов расположены по берегам рек. Еще два города находятся на берегах крупных озер. Все эти акватории, за исключением одной реки, не были пригодны по санитарному состоянию для купания. Вину за это несли как промышленные предприятия, так и руководство городов. Несмотря на то, что на предприятиях так или иначе действовали очистные сооружения, они периодически спускали в реки неочищенные стоки, тем самым экономили средства, поскольку очистка стоков обходилась дорого из-за реактивов и потребляемой энергии. В ряде случаев предприятия предпочитали платить штрафы, так как это обходилось дешевле, чем очистка стоков.

Данная практика существует и за рубежом. Часто государство отдает предпочтение росту и накоплению капитала [14], поэтому регулирование той или иной отрасли бизнеса искажено в его пользу. Это называют «регулятивным захватом», когда корпорации могут сознательно рисковать, загрязнять среду и платить штрафы, не подвергаясь уголовному преследованию.

В двух из обследованных городов источником загрязнения поверхностных вод служили полигоны накопленных за время предыдущей деятельности опасных промышленных отходов. Ухудшали качество воды в водоемах обследованных городов и бытовые стоки. У городских очистных сооружений не хватало мощности для их полной очистки, и именно они делали воду в реках непригодной для купания. Средств для их модернизации у этих городов не хватало. Таким образом, чистота городских водоемов зависела от финансовых средств как предприятий, так и коммунальных служб городов, необходимых для очистки промышленных и бытовых стоков.

Состояние лесов, окружающих города

Эта проблема по-разному возникала в обследованных городах. По крайней мере в четырех из них она упоминалась. Она включала в себя как захламление лесов буреломом и валежником, так и незаконные рубки, и свалки. Ухудшал состояние лесных угодий и бытовой мусор, который оставляли в лесу горожане, посещая их с различными целями.

В наиболее общем виде эту проблему можно представить, как отсутствие

ухода за лесами. Они захламлины буреломом и валежником, что затрудняет их посещение жителями с целью отдыха, сбора ягод и грибов. Специалисты в области охраны природы, у которых удалось взять интервью, утверждали, что это увеличивало пожароопасность, и количество лесных пожаров росло. Они объясняли такое положение и тем, что в стране ликвидирована система лесоохраны. Другой причиной плохого состояния лесов, по их мнению, являлся усложненный порядок получения разрешения на рубку и вывоз бурелома, который занимал около года, а за этот период буреломный лес теряет товарную ценность.

Во многих из исследованных городов существовали группы экологических активистов, которые занимались очисткой лесов от мусора, особенно мест, признанных «памятниками природы».

Загрязнение почвы и грунтовых вод

В двух из обследованных городов произошло загрязнение грунтовых вод в результате деятельности градообразующих предприятий. В одном случае из-за закрытия шахт по добыче сырья, в другом — вследствие попадания в почву стоков с полигона накопленных опасных промышленных отходов. В третьем городе почва была в целом заражена токсичным веществом в результате выбросов работавшего в течение длительного времени на этой территории предприятия, которое в момент исследования было перепрофилировано на производство другой продукции.

Накопленные опасные промышленные отходы

В окрестностях трех из обследованных городов существовали полигоны опасных промышленных отходов, накопленные за многие годы работы предприятий. Они представляли собой «бомбу замедленного действия». В двух случаях они служили источником загрязнения грунтовых и поверхностных вод, а в одном случае — источником загрязнения воздуха. В одном из городов утечка опасного вещества попала в сеть городского водоснабжения, что привело к всплеску заболеваемости.

Острота экологической ситуации в обследованных городах

Если оценивать остроту экологической ситуации в обследованных городах по шкале, предложенной Б. И. Кочуровым [11, с. 17], то ни в одном из них не наблюдается удовлетворительная ситуация. Даже в аграрном городе, в котором существовали только предприятия пищевой промышленности, присутствовали такие проблемы, как плохое качество питьевой воды, загрязнение бытовыми стоками реки, протекающей через город, проблема сбора и утилизации бытового мусора. Экологическую ситуацию в этом городе можно отнести к напряженной.

В целом экологическую ситуацию в исследованных городах по степени ее остроты можно охарактеризовать следующим образом: напряженная — в четырех городах, критическая — в трех, кризисная — в двух.

Социально-экологические характеристики обследованных городов

Во-первых, к ним следует отнести заболеваемость по экологическим причинам. В четырех из обследованных городов эксперты неоднократно упоминали о повышенной частоте онкологических заболеваний по сравнению с близлежащими территориями. В случае одного из городов эксперты говорили о том, что «вообще весь город находится в санитарной зоне предприятия, строили его в 30-х гг. прошлого века, когда об экологии никто не думал, нужна была продукция». Этот

город характеризовался повышенным уровнем как онкологических, так и аллергических заболеваний.

Во-вторых, в обследованных городах существовало такое явление, как миграция по экологическим причинам. В трех из обследованных городов о ней говорили эксперты и участники фокус-групп, в двух из них — упоминали миграцию по экологическим причинам, в основном внешних мигрантов: «Мы уже привычные, а вот те, кто к нам переезжают, те поживут, поживут, подышат чем мы и уезжают». В третьем из этих городов был период ухудшения экологической ситуации, когда жители уезжали из-за роста заболеваемости детей. Все обследованные города характеризуются миграционным оттоком населения, а следовательно, выделить эту компоненту миграции сложно. Но не исключено, что она существует в большинстве из них.

Восприятие экологической ситуации и воздействие на нее социальными акторами

Субъекты хозяйственной деятельности

Отношение к экологической ситуации представителей руководства градообразующих предприятий сводилось к одному тезису: «У нас все хорошо, все выбросы в пределах ПДК». Они много говорили о модернизации предприятия, о новых очистных сооружениях и т. д.

Другими типами предприятий в этих городах были новые производства, призванные диверсифицировать экономику моногородов. По мнению экспертов, часто именно они выступали в качестве наиболее опасных загрязнителей, сбрасывавших неочищенные стоки и совершавших выбросы вредных веществ в воздух. Такие предприятия участвовали в федеральных программах диверсификации хозяйственной деятельности в монопромышленных городах и использовали это как своеобразную «индულгенцию». В ответ на требования установки очистных сооружений (или их эффективной эксплуатации) их руководство шантажировало городские власти закрытием предприятий и лишением города рабочих мест и отчислений в городской бюджет.

Органы власти

Интервью с руководителями местных администраций показали, что в большинстве случаев они оценивали экологическую ситуацию в своих городах как неблагоприятную. Они предпринимали определенные усилия для улучшения этой ситуации, но сетовали на недостаток средств на данные цели в городских бюджетах. Вместе с тем городские администрации лояльно относились к фактам загрязнения среды градообразующими предприятиями. Так, один из глав городской администрации признал, что плата за негативное воздействие предприятия на окружающую среду, перечисляемая в бюджет города, составляет его весомую часть и посоветовал, что после модернизации очистных сооружений комбината эта плата уменьшилась.

В трех из обследованных городов в администрациях существовали специальные подразделения, ответственные за экологию города. Руководители данных подразделений в интервью с ними оценивали экологическую ситуацию в своих городах как удовлетворительную, аргументируя это тем, что органы государственного контроля за качеством окружающей среды проводили регулярные проверки и не имели претензий. В двух из этих городов, к которым «не имелось претензий по экологической ситуации», существовали социально-экологические конфликты и действовали инициативные группы жителей для их разрешения.

Депутаты местных представительных органов в своем большинстве представляли партию «Единая Россия» и разделяли мнение об экологической ситуации

в своих городах с мнением городских администраций. Отличную точку зрения в ряде городов имели немногочисленные депутаты от партий КПРФ и «Справедливая Россия», некоторые из них поддерживали местные экологические инициативы. Лишь в одном из городов, в котором был острый социально-экологический конфликт, связанный с угрозой загрязнения источника питьевой воды, депутаты местного совета в своем большинстве поддерживали жителей, выступив против городской администрации, которая разрешила разместить рядом с городом опасное для источника городского водоснабжения производство.

В четырех из обследованных городов администрации поддерживали волонтерские движения по благоустройству города. В то же время органы власти на муниципальном уровне негативно относились к другим местным экологическим инициативам, оценивая их как «смутьянов, мешающих работе».

Социальные общности

Во всех обследованных городах участники фокус-групп и эксперты негативно оценивали экологическую ситуацию, считая ответственным за нее градообразующие предприятия. Указаны были практики ночных сбросов сточных вод и выбросов в воздух, поскольку очистка их на имеющихся очистных сооружениях удорожает продукцию предприятий. Негативно было оценено и экологическое поведение жителей городов. Они разбрасывали мусор, устраивали стихийные свалки. Это было характерным в той или иной степени для всех обследованных городов.

Несмотря на высокое недовольство жителей экологической ситуацией в обследованных городах, в большинстве из них их экологическая активность была невысокой. Причины этого четко сформулировал участник одной из фокус-групп: «Город небольшой, все друг друга знают. Станешь в пикет и тебя сразу уволят и родственников всех твоих. Все происходит потому, что хозяева комбината выкачивают из города все ресурсы. Все деньги переводятся акционерам. Поэтому нас и травят, и зарплаты у нас никакие. Люди терпят потому, что никуда не могут деться. У них здесь квартиры, у многих дачи».

Такое отношение к экологическим проблемам описано в зарубежных исследованиях как «заработная плата важнее здоровья» [15].

Если оценивать *социально-экологическую напряженность* в обследованных городах по шкале И. А. Сосуновой [10, с. 37], то она распределяется следующим образом: начальная (диффузная) стадия — в трех городах; стадия очевидной социально-экологической напряженности также в трех и стадия социально-экологического конфликта — в трех.

Интересен тот факт, что степень социально-экологической напряженности лишь в одном случае совпадает с экологической ситуацией в городе, в котором экологическую ситуацию можно было характеризовать как кризисную, социально-экологическая напряженность достигла стадии социально-экологического конфликта, в ходе которого возникло активное экологическое движение. Однако конфликт вызван не экологическими проблемами города, а угрозой строительства рядом с ним крупного полигона для хранения бытовых отходов.

Аналогичный конфликт возник и в другом городе, в котором собственную экологическую ситуацию можно было отнести к напряженной. Но угроза строительства в окрестностях такого же, как и в описанном выше случае полигона, вызвала появление активного экологического движения, которое затем вошло в межрегиональное движение «Стоп Шиес».

В еще одном из городов с напряженной экологической ситуацией конфликт возник из-за угрозы загрязнения источника питьевой воды, снабжавшего город. Этот конфликт также вызвал появление активного экологического движения.

Возникает гипотеза о том, что жители монопромышленных городов, скорее, готовы активно протестовать против внешних экологических угроз и рисков, чем против сложившейся, «привычной» экологической ситуации в своих городах, даже если она носит острый характер.

Примечательно, что в дальнейшем описанные выше экологические движения включили в сферу внимания и экологические проблемы, определяющие экологическую ситуацию в их городах.

Субъекты информационного воздействия

В ходе исследования взяли интервью у представителей местных СМИ в качестве экспертов. В первую очередь это — городские газеты и местное телевидение.

Во всех исследованных городах выпускали газету, хотя бы одну, а в трех из исследованных городов таких газет было две. Как правило, городская газета юридически являлась обществом с ограниченной ответственностью, одним из акционеров которой выступала местная администрация. В двух городах вторая газета издана градообразующим предприятием. В одном из городов вторая газета была независима ни от городской администрации, ни от градообразующего предприятия. Поведение этих изданий во многом зависело от источника финансирования и от социально-экологической ситуации в городе. Газеты, финансируемые предприятиями, никогда не информировали жителей об экологических проблемах города. Газеты, финансируемые городскими администрациями, часто вынуждены были давать информацию о тех или иных экологических проблемах и предоставлять слово экологическим активистам.

В одном из городов, в котором существовал острый социально-экологический конфликт между жителями и градообразующим предприятием, главный редактор городской газеты, несмотря на то, что газету финансировала городская администрация, включился в борьбу на стороне горожан. В результате предприятие сделало ему «предложение, от которого нельзя отказаться», и главный редактор местной газеты стал руководителем пресс-службы предприятия.

В другом городе в аналогичной ситуации главный редактор газеты, также финансируемой городской администрацией, поддержавший в ситуации социально-экологического конфликта жителей, был уволен с поста как «не справлявшийся с обязанностями». Он был восстановлен в должности через судебное разбирательство.

В большинстве обследованных городов существовали свои кабельные телевизионные каналы. Большинство из них представляли филиалы региональных телеканалов. Действовали и несколько частных кабельных телеканалов. В основном эти телеканалы информировали жителей о местных экологических проблемах, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий. В трех городах указанные телеканалы поддерживали деятельность волонтерских организаций, борющихся за чистоту города и его благоустройство. В одном из городов частный телеканал поддерживал жителей в процессе социально-экологического конфликта. В результате он испытал сильное давление как со стороны городской администрации, так и со стороны предприятия — источника конфликта.

Большое значение для освещения экологических проблем в городах имели социальные сети «ВКонтакте», Facebook*. Все города имели свои группы в сети «ВКонтакте», некоторые — в Facebook*. В этих группах участники нередко об-

* Социальная сеть, продукт компании Meta Platforms Inc., признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации (Social media service, part of Meta Platforms Inc., added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation).

суждали экологические проблемы местного уровня. Кроме того, городские экологические инициативы и движения имели свои группы в социальных сетях, в которых размещали информацию об экологических проблемах и своих акциях.

Политические партии и общественные движения

Во всех обследованных городах в органах власти доминировала партия «Единая Россия». В целом городские организации этой партии занимали позицию поддержки городских администраций по экологическим вопросам. Однако были и исключения. В одном из городов, в котором возник острый экологический конфликт, местное отделение «Единой России» поддержало жителей. В другом — местное отделение поддерживало молодежное экологическое движение, борющееся за чистоту и благоустройство города.

Активнее поддерживали экологические акции местные организации КПРФ, которые существовали во всех обследованных городах. Организации партии «Справедливая Россия» также активно поддерживали экологические инициативы в этих городах.

В одном из городов активно участвовала в социально-экологическом конфликте партия «Яблоко». Она не имела депутатов в представительном органе на местном уровне, но в городе существовала ее местная организация. Кроме того, депутаты от нее были представлены в региональном парламенте, в том числе представители ее экологической фракции. Партия поддержала местное экологическое движение, и во многом поддержка «Яблока» помогла разрешить конфликт в пользу жителей.

Отношение социума к экологическим проблемам также характеризует наличие *экологических движений и инициатив*. Те или иные экологические движения и инициативы существовали в семи из исследованных городов. В двух из них, несмотря на сложную экологическую ситуацию, такие движения отсутствовали. В четырех — экологические движения были вызваны проблемой утилизации бытового мусора. В двух случаях проходила активная борьба против строительства мусорных полигонов в окрестностях городов. В одном из них движение примкнуло к межрегиональному движению «Стоп Шиес», осуществлявшему борьбу против размещения крупного мусорного полигона в Архангельской области. В одном из городов движение боролось с предприятием, загрязняющим воздух и воду в реке. В еще одном из городов подобное движение боролось с загрязнением воды в реке, являющейся источником потребляемой населением воды. В четырех из обследованных городов существовали волонтерские движения по благоустройству и поддержанию чистоты. В трех случаях — это молодежные движения, которые поддерживала местная администрация.

Большинство участников движений негативно оценивали экологическую ситуацию в своих городах, считая ответственным за нее градообразующие предприятия. Однако лишь в одном из городов движение выступало действительно против предприятия-загрязнителя. В остальных случаях участники экологических инициатив не выступали против градообразующих предприятий, мотивируя это тем, что это не получит поддержку большинства жителей, для которых заработок на предприятии является более важным, чем состояние окружающей среды. Борьба же с бытовым мусором получает поддержку населения, поскольку она обращена на городские администрации. Такое отношение к экологическим проблемам описано в зарубежных исследованиях как «заработная плата важнее здоровья» [15].

В руководстве экологическими инициативами в обследованных городах в основном присутствовали люди, которые лично сталкивались с экологическими проблемами и страдали от них. В трех из городов в руководстве такими движениями участвовали представители малого бизнеса. В целом идеология изученных движений

укладывается в идеологию аналогичных групп за рубежом, которая носит название «экологическая справедливость» [16; 17] и «не в моем заднем дворе» [18].

Для анализа низовых экологических инициатив в городах использована концепция, основывающаяся на применении таких теоретических подходов, как:

- теория мобилизации ресурсов [19; 20; 21];
- теория структуры политических возможностей [22; 23; 24];
- теория новых общественных движений [25; 26].

Основным выводом из исследования этих движений служит то, что процессы возникновения экологических инициатив в малых монопромышленных городах России удовлетворительно описаны в рамках теории «мобилизации ресурсов» и теории «структуры политических возможностей». Относительно применимости теории «новых политических движений» укажем, что в данном случае изученные экологические инициативы не достигли того уровня развития, когда вырабатывается общая идеология и формируется общая система ценностей.

Анализ интервью также показал, что в целом структура политических возможностей для действия низовых экологических организаций в этих городах неблагоприятна. В законодательных органах существует монополия одной партии. Часто городская администрация прежде всего отстаивает интересы градообразующего предприятия. Городские средства массовой информации чаще всего зависят от администрации города и руководства градообразующего предприятия.

Вместе с тем и возможности мобилизации ресурсов такими движениями ограничены. Участникам движений не хватает культурных ресурсов (знакомства с законодательством, опыта организации различных акций). Материальные ресурсы тоже чаще всего ограничены. Из имеющихся ресурсов движения в наибольшей степени используют моральные, то есть поддержку населения. Из организационных ресурсов главными для движения в таких городах служат социальные сети, в которых они распространяют информацию о своей деятельности и привлекают сторонников.

Заключение

Итак, предложенный подход к определению социально-экологической ситуации и ее изучению в малых монопромышленных городах позволил выявить основные экологические проблемы, оценить остроту экологической ситуации в каждом из обследованных городов, выявить стадию социально-экологической напряженности в них. Выявлены и механизмы возникновения социально-экологических конфликтов в городах, в которых экологическая ситуация была близка к критической.

В итоге подтвердился тезис А. В. Яблокова о создании благоприятного инвестиционного климата в стране путем снижения природоохранных требований.

По результатам исследования можно сделать ряд *выводов* об особенностях социально-экологической ситуации в малых монопромышленных городах.

Во-первых, экологическая ситуация в малых монопромышленных городах будет оставаться неблагоприятной. Главной причиной этого является зависимость жизнедеятельности города от градообразующего предприятия, контроль за деятельностью которого на местном уровне практически невозможен.

Во-вторых, решения экологических проблем, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия, в значительной мере зависят от возможностей городских бюджетов. При существующих механизмах их формирования расходы на решение экологических проблем будут выделять по «остаточному принципу».

В-третьих, уровень осознания населением исследованных городов экологических опасностей высок. При этом экологическая активность жителей этих городов, за исключением трех из них, в которых экологическая напряженность достигла стадии социально-экологического конфликта, низка. Это связано с зависимостью жителей городов от градообразующих предприятий, когда «заработная плата важнее здоровья».

В-четвертых, жители монопромышленных городов, скорее, готовы протестовать против внешних экологических угроз и рисков, чем против внутригородских акторов, ухудшающих экологическую ситуацию в их городах.

В-пятых, в администрациях обследованных городов поддерживают ту экологическую активность жителей, которая компенсирует их собственные недоработки: борьбу с мусором, благоустройство города.

В-шестых, существующая система государственного контроля за состоянием окружающей среды не обеспечивает получения полностью объективной информации о ее состоянии, поскольку позволяет руководству малых городов успешно отчитываться об отсутствии экологических проблем при осознании их наличия жителями.

В-седьмых, главной проблемой для городов такого типа была утилизация бытового мусора. Именно эта проблема при ее обострении может приводить к появлению реальных экологических движений, возникающих там, где находятся лидеры, способные их возглавить. Такого рода движения способны получать поддержку жителей, что может заставить региональные и федеральные власти, наконец, принимать меры по решению данной проблемы.

Список источников

1. Прокопенко Ю. И. Риски России: экология и здоровье. Екатеринбург: Издательские решения, 2015. 240 с.
2. Тагаева Т. О., Гильмундинов В. М., Казанцева Л. К. Экономические методы регулирования качества окружающей среды в России // Мир новой экономики. 2015. № 4. С. 48–61.
3. Блоков И. П. Окружающая среда и ее охрана в России. Изменения за 25 лет. М.: Совет Гринпис, 2018. 422 с.
4. Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 2. С. 20–27. DOI: 10.33491/telescope2019.203
5. Яблоков А. В. Россия: здоровье природы и людей. М.: Яблоко, 2007. 224 с.
6. Яблоков А. В. Экология и политика в России // Политика деэкологизации в России / под ред. А. В. Яблокова, Г. М. Михалевой. М.: Яблоко, 2011. С. 9–36.
7. Битюкова В. Р. Экологические проблемы малых городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2007. № 1. С. 13–21.
8. Ляховенко О. И., Чулков Д. И. Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения // Русская политология. 2017. № 3. С. 21–26.
9. Маркович Д. Ж., Жуков В. И., Бганба-Церера В. Р. Социально-экологическая ситуация в России // Социальная экология: учеб. пособие. М.: Союз, 1998. С. 100–136.
10. Сосунова И. А. Актуальные проблемы социальной экологии и экосоциологии: курс лекций. М.: НИА-Природа. 2009. 173 с.
11. Кочуров Б. И. Геоэкология: экодиагностика и эколого-хозяйственный баланс территории. Смоленск: Смоленский государственный университет, 1999. 154 с.
12. Сосунова И. А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 94–104.
13. Мищенко А. С. Опыт изучения социально-экологической ситуации в малых монопромышленных городах России // Петербургская социология сегодня. 2022. № 18. С. 69–85. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.8m3e-kx37

14. Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations // *Social Problems*. 1993. Vol. 40. No. 4. P. 464–477. DOI: 10.1525/sp.1993.40.4.03x0092n
15. Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk // *Journal of Risk Research*. 2012. Vol. 15. No. 10. P. 1299–1317. DOI: 10.1080/13669877.2011.571785
16. Taylor D. E. The rise of the environmental justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 43. No. 4. P. 508–580. DOI: 10.1177/0002764200043004003
17. Schlosberg D. Preconceiving environmental justice: Global movements and political theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13. No. 3. P. 517–540. DOI: 10.1080/0964401042000229025
18. Freudenberg N., Steinsapir C. Not in our backyards: The grassroots environmental movement // *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4. No. 3. P. 235–245. DOI: 10.1080/08941929109380757
19. McCarthy J. D., Zald M. N. Resource mobilization and social movements: A partial theory // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. No. 6. P. 1212–1241. URL: <https://users.ssc.wisc.edu/~oliver/SOC924/Articles/McCarthyZald1977.pdf> (дата обращения: 09.10.2023).
20. Tilly Ch. Social movements and national politics // *Statemaking and social movements: Essays in history and theory* / ed. by Ch. Bright, S. Harding. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1984. P. 297–317.
21. McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions // *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings* / ed. by D. McAdam, J. D. McCarthy, M. N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 23–40.
22. Tarrow S. Power in movement: Social movements, collective action and mass politics. New York, London: Cambridge University Press, 1994. 354 p.
23. Rucht D. The impact of national contexts on social movement structures: A cross-movement and cross-national comparison // *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings* / ed. by D. McAdam, J. D. McCarthy, M. N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 185–204.
24. Klandermans B. The social construction of protest and multiorganizational fields // *Frontiers in social movement theory* / ed. by A. Morris, C. Mueller. New Haven, CT, London: Yale University Press, 1992. P. 77–103.
25. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Научный мир, 1998. 203 с.
26. Melucci A. Nomads of the present. Social movements and individual needs in contemporary society. Philadelphia, PA: Temple University, 1989. 288 p.

References

1. Prokopenko Yu.I. Risks of Russia: Ecology and health. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya; 2015. 240 p. (In Russ.).
2. Tagaeva T.O., Gilmundinov V.M., Kazantseva L.K. Economic methods of the environment quality regulation in Russia. *Mir novoy ekonomiki = The world of new economy*. 2015; (4):48-61. (In Russ.).
3. Blokov I.P. Environment and its protection in Russia. Changes over 25 years. Moscow: Greenpeace Council; 2018. 422 p. (In Russ.).
4. Tsepilova O.D. Political and socio-economic development of modern Russia: Environmental obstacles and risks. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy = Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2019;(2):20-27. (In Russ.). DOI: 10.33491/telescope2019.203
5. Yablokov A.V. Russia: Health of nature and people. Moscow: Yabloko; 2007. 224 p. (In Russ.).
6. Yablokov A.V. Ecology and politics in Russia. In: Yablokov A.V., Mikhaleva G.M., eds. De-ecologization policy in Russia. Moscow: Yabloko; 2011:9-36. (In Russ.).

7. Bitjukova V.R. Environmental problems of small towns of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya = Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*. 2007;(1):13-21. (In Russ.).
8. Lyakhovenko O.I., Chulkov D.I. Main environmental problems of Russian cities and strategies for resolving them. *Russkaya politologiya = Russian Political Science*. 2017;(3):21-26. (In Russ.).
9. Markovich D.Zh., Zhukov V.I., Bganba-Tserera V.R. Social-ecological situation in Russia. In: *Social ecology*. Moscow: Soyuz; 1998:100-136. (In Russ.).
10. Sosunova I.A. Current problems of social ecology and ecosociology. Moscow: NIA-Priroda; 2009. 173 p. (In Russ.).
11. Kochurov B.I. Geoecology: Ecodiagnosics and ecological and economic balance of the territory. Smolensk: Smolensk State University; 1999. 154 p. (In Russ.).
12. Sosunova I.A. Social ecological tension: Methodology and methods of assessment. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2005;(7):94-104. (In Russ.).
13. Mishchenko A.S. The experience of studying the socio-ecological situation in small mono-industrial cities of Russia. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya = St. Petersburg Sociology Today*. 2022;(18):69-85. (In Russ.). DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.8m3e-kx37
14. Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grassroots environmental organizations. *Social Problems*. 1993;40(4):464-477. DOI: 10.1525/sp.1993.40.4.03x0092n
15. Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk. *Journal of Risk Research*. 2012;15(10): 1299-1317. DOI: 10.1080/13669877.2011.571785
16. Taylor D.E. The rise of the environmental justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses. *American Behavioral Scientist*. 2000; 43(4):508-580. DOI: 10.1177/0002764200043004003
17. Schlosberg D. Preconceiving environmental justice: Global movements and political theories. *Environmental Politics*. 2004;13(3):517-540. DOI: 10.1080/0964401042000229025
18. Freudenberg N., Steinsapir C. Not in our backyards: The grassroots environmental movement. *Society and Natural Resources*. 1991;4(3):235-245. DOI: 10.1080/08941929109380757
19. McCarthy J.D., Zald M.N. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American Journal of Sociology*. 1977;82(6):1212-1241. URL: <https://users.ssc.wisc.edu/~oliver/SOC924/Articles/McCarthyZald1977.pdf> (accessed on 09.10.2023).
20. Tilly Ch. Social movements and national politics. In: Bright Ch., Harding S., eds. *Statemaking and social movements: Essays in history and theory*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press; 1984:297-317.
21. McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions. In: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N., eds. *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996:23-40.
22. Tarrow S. *Power in movement: Social movements, collective action and mass politics*. New York, NY; London: Cambridge University Press; 1994. 354 p.
23. Rucht D. The impact of national contexts on social movement structures: A cross-movement and cross-national comparison. In: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N., eds. *Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996:185-204.
24. Klandermans B. The social construction of protest and multiorganizational fields. In: Morris A., Mueller C., eds. *Frontiers in social movement theory*. New Haven, CT; London: Yale University Press; 1992:77-103.
25. Touraine A. *Le retour de l'acteur: Essai de sociologie*. Paris: Librairie Arthème Fayard; 1984. 350 p. (Russ. ed.: Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego: Ocherk sotsiologii*. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 203 p.).
26. Melucci A. *Nomads of the present: Social movements and individual needs in contemporary society*. Philadelphia, PA: Temple University; 1989. 288 p.

Информация об авторе

А. С. Мищенко — старший научный сотрудник; 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Information about the author

A. S. Mishchenko — senior researcher; 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg 190005, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 329.15

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-534-545

Управленческая вертикаль КПРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: особенности воспроизводства кадров

Сергей Александрович Ребров

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, naruto639@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2993-5945>

Аннотация. В статье рассмотрена структура управленческой вертикали внутри Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) на примере двух регионов России: города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Представлены результаты качественного исследования партийной элиты и депутатского корпуса КПРФ в обоих регионах, объединенных совокупностью, в ходе которого подробно раскрыты источники рекрутирования анализируемой политической элиты. За счет использования структурно-биографического метода автором выявлены ключевые источники воспроизводства кадров внутри региональной политической элиты при подробном изучении широкого спектра данных официальных сайтов, биографических порталов, материалов средств массовой информации (СМИ) и др. По результатам исследования сделан вывод о том, что основанием управленческой вертикали КПРФ в обоих регионах выступает союз между партийными чиновниками (разных типов) и выходцами из бизнеса. Утверждается, что, несмотря на процесс постоянного обновления членов высшего партийного руководства и представителей депутатского корпуса в обоих регионах, политическая элита в целом устойчива. Вместе с тем автор заключает, что доля управленческой вертикали, которая относится к выходцам из бизнеса, как правило, в большей степени заинтересована в получении именно депутатских мандатов с целью возможности влияния на содержание законодательных актов в анализируемых регионах.

Ключевые слова: элиты, политическая партия, КПРФ, коммунисты, депутаты, бизнес, бюрократия

Для цитирования: Ребров С. А. Управленческая вертикаль КПРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: особенности воспроизводства кадров // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 534–545. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-534-545>

Original article

CPRF managerial vertical in St. Petersburg and Leningrad region: Peculiarities of member reproduction

Sergey A. Rebrov

Sociological Institute of the RAS — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, naruto639@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2993-5945>

© Ребров С. А., 2023

Abstract. The article considers the structure of the management vertical within the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) on the example of two regions of Russia: the city of St. Petersburg and the Leningrad region. The results of a qualitative study of the party elite and deputy corps of the CPRF in the two regions combined are presented, in the course of which the sources of recruitment of the analyzed political elite are revealed in detail. Through the use of the structural-biographical method, the author identified the key sources of reproduction within the regional political elite through a detailed study of a wide range of data from official websites, biographical portals, mass media materials, etc. The study concludes that the basis of the CPRF's managerial vertical in both regions is an alliance between party officials (of various types) and businessmen. It is argued that despite the process of constant renewal of members of the top party leadership and representatives of the deputy corps in both regions, the political elite is generally stable. At the same time, the author concludes that the share of the managerial vertical, which refers to the descendants of business, as a rule, is more interested in obtaining exactly parliamentary mandates in order to be able to influence the content of legislative acts in the analyzed regions.

Keywords: elites, political party, CPRF, Communists, deputies, business, bureaucracy

For citation: Rebrov S.A. CPRF managerial vertical in St. Petersburg and Leningrad region: Peculiarities of member reproduction. *Sociology and Law. 2023;15(4):534-545.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-534-545>

Введение

Социально-профессиональные характеристики политических элит, безусловно, имеют высокую степень значимости в контексте описания различных уровней политической системы. В отношении изучения кадрового состава руководства политических партий и общественных движений данный вопрос также существенно позволяет выявить роль определенной организации в региональной структуре распределения власти.

То обстоятельство, что политические организации часто формируются по профессиональному признаку, связанному с характеристиками и потребностями отдельных групп избирателей, заставляет поставить под сомнение традиционные представления о полном исчезновении классических политических партий, имеющих собственную устойчивую электоральную базу [1, с. 39]. Кроме этого аспекта структуры современных политических партий, стоит уточнить, что профессиональные характеристики партийных чиновников и представителей депутатского корпуса теоретически могут оказывать существенное влияние как на их собственное поведение, так и на региональное взаимодействие местных политических элит в целом. В отношении возможностей наличия жесткой связи между политическим поведением политиков и чиновников и их профессиональным происхождением в настоящее время существуют крайне полярные по содержанию точки зрения [2, с. 115]. Если сторонники жесткой корреляции между политическим поведением и профессиональным происхождением в данном контексте, как правило, ссылаются на фактор восприятия политики в качестве продолжения предыдущей сферы деятельности со стороны изучаемых политических деятелей (например, бизнес), то противники такого подхода обычно предпочитают рассматривать политиков в качестве автономных политических субъектов, не связанных напрямую с какой-либо профессионально-социальной группой [3]. Профессиональные источники кадрового воспроизводства в любом случае являются одним из возможных вариантов качественного обновления политической элиты внутри структур управления политической партии. Данный тезис особенно

относится к политическим партиям и общественным движениям, идеология и политика которых напрямую отсылает к слоям населения, отобранным по профессиональному принципу, что в случае с КПРФ имеет символическую связь с представителями рабочего класса на уровне публичного дискурса.

Историческая традиция восприятия политических партий коммунистической направленности как организаций промышленных рабочих традиционно связана с основополагающими сочинениями основателей марксизма — идеологической основы политических структур подобного рода. С учетом политико-экономической воззрений марксистов только коммунистические партии выступают подлинными выразителями интересов рабочих как угнетенного класса капиталистического способа производства, основанного на частной собственности на средства производства [4, с. 9–10].

Этот мировоззренческий принцип начал подвергаться критике с начала зарождения марксизма, что сегодня не позволяет рассматривать организации данной идеологической направленности в качестве однозначных социально-однородных политических партий, ориентированных исключительно на работников отрасли промышленного производства. Вместе с тем в контексте анализа структур КПРФ нельзя не обратить внимание на то, что связь партии с рабочим классом служит одной из ключевых составляющих политической стратегии организации в рамках избирательных циклов. Приведенный факт в итоге не позволяет игнорировать символическую связь КПРФ с промышленным пролетариатом, который, однако, не играет существенной роли как источник воспроизводства управленческих кадров внутри указанной партии [5; 6; 7].

Материалы и методы

В этом случае предметом исследования можно считать источники профессионального воспроизводства кадров внутри руководящих структур КПРФ на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, относящиеся и к высшему партийному руководству в обоих регионах, и к депутатскому корпусу в Законодательных Собраниях города и области как самостоятельных субъектов Российской Федерации (РФ). В исследовании использована совокупность методик, которую можно определить как структурно-биографический анализ ввиду того, что именно биографические данные участников управленческой вертикали в этом контексте выступают главным объектом изучения (а не мотивационные факторы каждого политика) [8, с. 53–54]. В качестве источников сведений о биографии политиков и партийных чиновников, которые вместе составили исследуемую совокупность, использованы различные материалы СМИ, официальные сайты партийных структур и государственных организаций и т. д. В исследуемую совокупность вошли 27 участников управленческой вертикали КПРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, из которых 16 относятся к партийной структуре и депутатскому корпусу КПРФ в Санкт-Петербурге, а остальные 11 занимают аналогичные должности в Ленинградской области. Уточним, что факт занятия несколькими членами партии высших партийных должностей (члены бюро) не исключает возможности избрания в парламент, что в ряде случаев становится очевидным, как показано в таблице 1.

Результаты

В отношении ключевого показателя принадлежности члена управленческой вертикали к социально-профессиональной категории в основном приведены све-

Таблица 1

Состав управленческой вертикали КПРФ в городе и области
 Composition of the CPRF managerial vertical in the city and region

Структура	Кол-во, чел.
Члены бюро городского комитета партии в Санкт-Петербурге	12
Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	6
Члены бюро областного комитета партии в Ленинградской области	8
Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Ленинградской области	7
Занимающие должности в обеих структурах в Санкт-Петербурге	2
Занимающие должности в обеих структурах в Ленинградской области	4
Всего представителей	27

дения об имеющемся опыте работы в тех или иных структурах (партийных организациях или в сфере частного бизнеса) [9; 10]. Отдельные представители анализируемой совокупности политиков и партийных чиновников в разные периоды жизни могли принадлежать к различным категориям одновременно. Поэтому в исследовании ключевое внимание уделено профессиональной принадлежности анализируемых политиков и партийных чиновников в период начала их работы в партии и вхождения в высшие управляющие структуры (избрание в региональные парламенты VII созыва в случае с депутатами).

Главной особенностью КПРФ как политической партии является ее жесткая политическая ориентация на необходимость формирования постоянного кадрового резерва путем идеологической работы с населением. Таким образом, несмотря на все особенности, связанные с качественным изменением функций и структуры современных политических партий, данную партию можно отнести к массовым, следуя классической типологии Дюверже [11, с. 55–56]. В этом смысле ключевым источником рекрутирования политических элит внутри партии служит партийная бюрократия с собственной иерархией возможностей. Важно указать, что в КПРФ действует и система постоянной оплаты труда, в зависимости от занимаемой должности, что существенно влияет на поведение партийных чиновников, для которых сама по себе политическая деятельность является профессией и основной формой занятости [6; 7]. Тем не менее среди представителей управленческой вертикали КПРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области обнаружено перекрестное взаимодействие между внутрипартийной бюрократией с советским номенклатурным опытом и теми, кто в разное время начинал работу в партии в постсоветский период.

В таблице 2 показано, что партийная бюрократия в совокупности составляет большинство представителей руководящих органов в партийных структурах КПРФ города и области. К тому же среди представителей депутатского корпуса (в обоих регионах) наблюдается существенно меньшее количество партийных чиновников (доля лиц, имеющих советский опыт, в настоящее время еще меньше). В данном случае наиболее вероятный ответ на вопрос о том, почему это происходит, содержит тот факт, что депутатские мандаты в совокупности с возможностью влияния на процесс законотворчества имеют большую ценность для представителей сферы частного бизнеса, чем должности в партийной иерархии [12]. К тому же с учетом того, что процедура выхода депутата из партийной фракции автоматически не предполагает лишения депутатского мандата, представители бизнес-структур в гораздо большей степени оказываются заинтересованными в возмож-

Таблица 2

Бюрократический опыт представителей управленческой вертикали, %
 Bureaucratic experience of representatives of the party management vertical, %

Бюрократические структуры	Бюро городского комитета КПРФ в Санкт-Петербурге	Депутатская фракция КПРФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	Бюро областного комитета КПРФ в Ленинградской области	Депутатская фракция КПРФ в Законодательном Собрании Ленинградской области
Советские партийные структуры	42	17	37,5	14
Российские партийные структуры (после 1993 г.)	58	33	25	43

ности избрания в органы законодательной власти, чем в местные партийные комитеты. Но этот вопрос выходит за рамки настоящего исследования и требует отдельной проверки на широком эмпирическом материале.

С учетом политического опыта Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ) как ключевого источника рекрутирования новых кадров в системе Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) можно утверждать, что молодежная организация в структуре КПРФ выполняет аналогичную роль. При этом, если советский комсомол, помимо воспроизводства партийных кадров, видимо, осуществлял и функцию общего рекрутирования государственной бюрократии в СССР, внутри которой без прохождения всех иерархических ступеней карьерный путь был закрыт, то ЛКСМ РФ является в большей мере классическим молодежным отделением, связанным с КПРФ. В данном контексте, однако, уточним, что, в отличие от практики членства в советском ВЛКСМ, сегодня комсомол не предполагает практики обязательного членства с целью последующего вступления в партию [13]. Более того, распространена политическая практика одновременного членства представителей местных партийных элит внутри КПРФ и в партии, и в комсомоле. Иными словами, ЛКСМ РФ как организация становится не только молодежной структурой КПРФ, основной задачей которой будет пропаганда собственных идей среди молодежи, но и своего рода карьерным трамплином для более ускоренного продвижения по партийной иерархии. Комсомол, хотя и выступает структурой, подконтрольной партии, но имеет некую степень автономии, связанную с меньшей зависимостью от контроля со стороны федеральных властей.

Обратим внимание на то, что внутри КПРФ именно комсомол создает возможности для наиболее активного и быстрого продвижения по карьерной лестнице: многие комсомольцы входят не только в Центральный комитет (ЦК) и Президиум ЦК партии, но и являются депутатами Государственной Думы, не говоря уже о многих региональных парламентах. Тем самым можно заключить, что ЛКСМ РФ выполняет внутри КПРФ значимую функцию обновления управленческих кадров, многие из которых впоследствии могут войти в руководящие структуры в партии на различных уровнях [14]. Но нельзя утверждать, что комсомол представляет собой самостоятельную организацию с собственной политической позицией, отличной от партии. Перечень мероприятий, которые традиционно организует ЛКСМ РФ, связан, как правило, либо с поддержкой полити-

ческих мероприятий КПРФ, либо сугубо с историческими мероприятиями, посвященными истории СССР. Несмотря на это, фактически именно комсомол выступает в роли ведущей структуры рекрутирования политических элит внутри партии, как на уровне местных партийных комитетов, так и на уровне партийных представительств в местных органах законодательной власти.

Таблица 3

Доля выходцев из комсомола среди представителей управленческой вертикали, %
Share of Komsomol members among the representatives of the party management, %

Структуры внутрипартийного воспроизводства кадров	Бюро городского комитета КПРФ в Санкт-Петербурге	Депутатская фракция КПРФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	Бюро областного комитета КПРФ в Ленинградской области	Депутатская фракция КПРФ в Законодательном Собрании Ленинградской области
ЛКСМ РФ	33	33	12,5	43

Как следует из таблицы 3, за исключением структуры высшего внутрипартийного руководства на территории Ленинградской области, комсомольцы составляют как минимум треть внутри управленческой вертикали КПРФ. Разумеется, большинство выходцев из ЛКСМ РФ в настоящее время одновременно занимают должности и в КПРФ. Некоторые из них занимают ключевые места в руководстве местных партийных отделений (в частности, оба первых секретаря обоих партийных отделений в городе и области — выходцы из комсомола) [5]. Итак, можно с уверенностью констатировать тот факт, что, несмотря на ограниченность политической работы ЛКСМ РФ как молодежной организации, она выполняет важнейшую функцию обновления кадров внутри партии, многие из которых в итоге становятся не только членами высшего руководства, но и депутатами Государственной Думы, ряда региональных парламентов.

В сравнении с должностями в местных партийных комитетах, депутатский мандат является более желаемым для представителей, например, частного бизнеса. Как известно, бюрократическая работа в партии сопряжена с огромным количеством политических рисков, связанных, как правило, либо с внутрипартийными противоречиями (конфликтами политических групп внутри партии), либо с давлением местных органов исполнительной власти по разным причинам. Учитывая то обстоятельство, что наличие депутатского мандата не предполагает в обязательном порядке вступления во фракцию партии, от которой депутат избран, партия зачастую изначально рассматривается в качестве потенциального трамплина для политической карьеры. Этим пользуются далеко не только представители сферы частного бизнеса. Прослеживается феномен так называемых случайных пассажиров, избранных в региональные парламенты исключительно за счет случайного попадания в партийные списки по районам и получивших наиболее высокие проценты голосов. Так или иначе при анализе депутатского корпуса КПРФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга и Законодательном Собрании Ленинградской области можно обратить внимание на высокую степень сменяемости депутатов в отношении не только представителей бизнеса, но и партийно-бюрократического аппарата.

Как показано в таблице 4, незначительный процент из числа депутатов имеет богатый политический опыт работы в прошлых созывах региональных парламентов анализируемых регионов, что дает основание для вывода о низком уровне политической профессионализации среди представителей депутатского корпуса

Таблица 4

**Парламентский опыт депутатского корпуса КПрФ
в Санкт-Петербурге и Ленинградской области VII созыва, %**
Parliamentary experience of the CPRF deputy corps
in St. Petersburg and the Leningrad Region of the VII convocation, %

Группа депутатов	Работают в региональных парламентах двух созывов	Работали в региональных парламентах трех созывов	Работали в региональных парламентах во всех семи созывах
Фракция КПрФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	33	17	0
Фракция КПрФ в Законодательном Собрании Ленинградской области	29	14	0

КПрФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. С одной стороны, данный показатель может свидетельствовать об открытости местной партийной элиты, допускающей постоянное обновление депутатских фракций. С другой — этот показатель может демонстрировать нестабильный характер взаимоотношений между отдельными группами внутри партии на региональном уровне. В этом аспекте можно сравнить аналогичный показатель с процентом депутатов Государственной Думы, работавших в шести созывах федерального парламента. Как указывает Д. Б. Тев, около 7 % депутатов фракции КПрФ в период работы в Государственной Думе VI созыва имели опыт парламентской деятельности во всех предыдущих созывах, что является наибольшим показателем в сравнении с фракциями остальных парламентских партий. Так, согласно исследованию Тева, политическая партия «Единая Россия» в анализируемый период имела лишь 1 % депутатов, прошедших все шесть созывов, партия «Справедливая Россия» — 3 %, а ЛДПР — 2 % [8, с. 56]. Таким образом, региональные партийные элиты КПрФ могут существенно отличаться по внутренней структуре от федеральной, что выражено в том числе и в постоянном обновлении депутатского корпуса.

Прежде всего сделаем акцент на том, что выходцы из бизнеса в той или иной степени присутствуют в парламентах различных стран в мире. Более того, в ряде стран даже существуют легальные практики влияния бизнеса на решения органов законодательной власти в виде лоббизма [15, с. 158]. Представители бизнеса в особенно больших количествах присутствуют в парламентах таких стран, как США и Великобритания. В отношении Государственной Думы как органа законодательной власти РФ, согласно исследованиям О. В. Гаман-Голутвиной, можно утверждать, что на протяжении первых пяти созывов доля представителей бизнеса составляла в среднем от 35 до 36 % [16, с. 126]. В отношении фракции КПрФ стоит указать, что в шестом созыве доля выходцев из бизнеса среди ее депутатов составляла всего 10 %, что было наименьшим показателем в сравнении с фракциями остальных партий [8, с. 62].

В контексте анализа партийной элиты КПрФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, к которой относятся как члены бюро местных партийных комитетов, так и депутаты региональных парламентов, нельзя не заметить более высокую степень присутствия выходцев из бизнеса среди членов данных партийных и политических структур в сравнении с депутатской фракцией КПрФ в Государственной Думе VI созыва.

Доля выходцев из бизнес-структур, %
 Share of people from business structures, %

Структуры	Доля выходцев из бизнеса
Бюро городского комитета КПРФ в Санкт-Петербурге	0
Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	50
Бюро областного комитета КПРФ в Ленинградской области	38
Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Ленинградской области	43
Итого	26

Исходя из данных, приведенных в таблице 5, можно полагать, что доля выходцев из бизнеса в общем количестве среди региональной партийной элиты невелика (26 %, или семь человек из 27). Наблюдается незначительное количество выходцев из бизнеса среди членов управленческой вертикали КПРФ в обоих регионах. Однако при более внимательном анализе полученных цифр нельзя не обратить внимание на то, что в отношении депутатских фракций выходцы из бизнеса в целом составляют практически половину состава депутатов. В данном случае подтверждается вывод о том, что депутатские мандаты имеют гораздо большую ценность для выходцев из различных бизнес-структур, чем исключительно партийные должности, которые они в любой момент могут потерять. При этом, если проанализировать качественные характеристики структур бизнеса, которые и послужили ключевыми источниками рекрутирования анализируемых политиков, то нельзя не заметить, что они отличаются крайней степенью разнообразия: от строительства и торговли до спорта и сельского хозяйства [17; 18; 10]. Можно лишь констатировать, что КПРФ как политическая партия в Санкт-Петербурге и Ленинградской области имеет связи с различными сферами частного бизнеса и напрямую не связана с определенной отраслью.

Обсуждение

В исследованиях региональных политических элит, не последнее место в структуре которых занимают те или иные политические партии с представителями в региональных парламентах (или в ряде случаев и в региональных правительствах), актуальной задачей является сравнительный анализ представителей управленческих вертикалей различных партий как в одном регионе, так и на межрегиональном уровне. Кроме того, структурно-биографический метод позволяет сравнить аналогичные совокупности партийных чиновников и политиков в рамках КПРФ в различных регионах РФ, выявив региональные особенности, связанные с социально-профессиональными характеристиками представителей местных партийных элит. Сравнение различных региональных партийных фракций КПРФ в местных парламентах между собой также поможет прояснить многие региональные особенности формирования избирательных списков в том или ином регионе. Актуальной задачей для социологического исследования в данном аспекте видится и изучение взаимосвязи между партийными структурами КПРФ и региональными структурами частного бизнеса [19]. С учетом того факта, что в партии должности (как в рамках партийных комитетов, так и на уровне депутатского корпуса) занимают представители крупного и среднего бизнеса, исследова-

ние присутствия представителей партии внутри экономической элиты на региональном уровне остается перспективной задачей. Так или иначе изучение особенностей воспроизводства кадров внутри управленческой вертикали КПРФ на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области поможет теоретически выявить и общие закономерности рекрутирования партийных элит как внутри партии на федеральном уровне, так и в других российских политических партиях в сравнительной перспективе.

Выводы

Резюмируя, укажем следующее. Управленческая вертикаль КПРФ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в большей мере состоит из группы партийных чиновников, имеющих разный возраст и историю взаимоотношений с партией (как в советский период, так и после 1993 г.), и выходцев из различных отраслей частного бизнеса, находящихся, как правило, на региональном уровне. Партийные чиновники имеют разные источники продвижения по карьерной лестнице внутри партии. Вместе с тем именно комсомол, как показало исследование, играет роль главного механизма обновления кадров внутри КПРФ на уровне рассматриваемых регионов. Несмотря на качественное обновление кадров на уровне партии, большинство партийных чиновников в руководстве имеют постоянный доход в виде заработной платы, предусмотренной за выполненную ими работу. При этом другие формы занятости в их случае обычно исключены, что создает забюрократизированный слой профессиональных партийных чиновников, для которых исключение из партии становится равным запрету на профессию.

Установлено, что выходцы из бизнеса ориентируются в основном лишь на возможность получения депутатского мандата, не связанного напрямую с рисками внезапной потери должности в случае конфликта между различными группами внутри партии. С учетом того, что сам по себе депутатский мандат открывает возможности для влияния на итоговое содержание ряда законодательных актов в области свободы ведения частного предпринимательства, интерес выходцев из бизнеса к мандатам депутатов региональных парламентов более чем очевиден. Однако нельзя утверждать, что процент выходцев из бизнеса в КПРФ на региональном уровне велик. Бывшие бизнесмены, скорее, составляют ограниченный слой депутатского корпуса, который вместе с более многочисленной внутрипартийной бюрократией стремится к расширению влияния партии на уровне обоих регионов. Дальнейшее изучение региональных особенностей КПРФ, входящей в число ведущих политических партий в современной России, может быть признано одной из наиболее важных тем в контексте отечественной политической социологии.

Список источников

1. Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии / пер. с англ. Д. Маткиной, А. Новикова, И. Соболевой, В. Степановой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 209 с.
2. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации / А. С. Быстрова, А. В. Дука, Н. В. Колесник [и др.] // Глобализация в российском обществе / отв. ред. И. И. Елисеева. СПб.: Нестор История, 2008. С. 99–242.
3. Lawyers in Congress: A new look at some old assumptions / J. J. Green, J. R. Schmidhauser, L. L. Berg, D. Brady // The Western Political Quarterly. 1973. Vol. 26. No. 3. P. 440–452. DOI: 10.1177/106591297302600304
4. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 136 с.

5. Петербургскую ячейку КПРФ возглавил выпускник журфака, ставший коммунистом в 19 лет // Фонтанка.ру. 2020. 19 декабря. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/12/19/69642836/> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Ленинградской области // Ленинградское областное отделение КПРФ. URL: <https://lokkprf.ru/frakciya-kprf-v-zaks-lo/> (дата обращения: 10.11.2023).
7. Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга VII созыва // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: https://www.assembly.spb.ru/authors/show_fraction/635506466 (дата обращения: 10.11.2023).
8. Тев Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 52–86. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-5-52-86
9. Гришков Вадим Федорович: сведения о доходах // Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/person/grishkov-vf-781019494757/founder> (дата обращения: 10.11.2023).
10. Зинчук Алексей Михайлович: сведения о доходах // Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/person/zinchuk-am-784290423034/seo> (дата обращения: 10.11.2023).
11. Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 560 с.
12. Огнев А. В Выборгском районе начинаются скандалы с участием депутата от КПРФ Ирины Ивановой. Возможно, она присматривается к округу эсера Александра Егорова // Санкт-Петербург.ру. 2020. 6 февраля. URL: <https://saint-petersburg.ru/m/politics/ognev/372475/> (дата обращения: 10.11.2023).
13. Устав Общероссийской общественной молодежной организации в поддержку молодежных инициатив «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации» (ЛКСМ РФ) // ЛКСМ РФ. URL: <https://komsomolrf.ru/ustav> (дата обращения: 10.11.2023).
14. Сын помощника депутата открыл стрельбу в Невском районе // Закс.ру. 2015. 26 октября. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/146075> (дата обращения: 10.11.2023).
15. Павроз А. В. Институт лоббизма в современных демократических обществах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 3. С. 158–169.
16. Гаман-Голутвина О. В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе: коллективная монография / ред. О. В. Гаман-Голутвина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.
17. Клочкова К. «Будем тратить все твои мои деньги». Депутат и строитель Александр Рассудов — о настроениях в бизнесе // Фонтанка.ру. 2022. 8 апреля. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/04/08/71241461/> (дата обращения: 10.11.2023).
18. Будеев Вадим Александрович: сведения о доходах // Деловой Петербург. URL: <https://whoiswho.dp.ru/cart/person/1937666> (дата обращения: 10.11.2023).
19. Тирон Евгений Владимирович: сведения о доходах // Деловой Петербург. URL: <https://whoiswho.dp.ru/cart/person/1936515> (дата обращения: 10.11.2023).

References

1. Mair P. Ruling the void: The hollowing-out of Western democracy. London; Brooklyn, NY: Verso Books; 2013. 192 p. (Russ. ed.: Mair P. Upravlyaya pustotoi: razmyvanie zapadnoi demokratii. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2019. 209 p.).
2. Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V. et al. Russian regional elites: Innovative potential in the context of globalization. In: Eliseeva I.I., ed. Globalization in Russian society. St. Petersburg: Nestor Istoriya; 2008:99-242. (In Russ.).
3. Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A new look at some old assumptions. *The Western Political Quarterly*. 1973;26(3):440-452. DOI: 10.1177/106591297302600304
4. Lenin V.I. The childhood disease of “leftism” in communism. Moscow: LKI; 2010. 136 p. (In Russ.).
5. The St. Petersburg cell of the Communist Party of the Russian Federation was headed by a graduate of the journalism department, who became a communist at the age of 19.

- Fontanka.ru. Dec. 19, 2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/12/19/69642836/> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
6. Faction of the Communist Party of the Russian Federation in the Legislative Assembly of the Leningrad Region. Leningrad regional branch of the Communist Party of the Russian Federation. URL: <https://lokkprf.ru/frakciya-kprf-v-zaks-lo/> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 7. Faction of the Communist Party of the Russian Federation in the Legislative Assembly of St. Petersburg of the VII convocation. Official website of the Legislative Assembly of St. Petersburg. URL: https://www.assembly.spb.ru/authors/show_fraction/635506466 (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 8. Tev D. Deputies of the State Duma of the VI convocation: Social professional sources of recruitment. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2017;18(5):52-86. (In Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2017-5-52-86
 9. Grishkov Vadim Fedorovich: Information on income. Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/person/grishkov-vf-781019494757/founder> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 10. Zinchuk Alexei Mikhailovich: Information on income. Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/person/zinchuk-am-784290423034/ceo> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 11. Duverger M. Les partis politiques. Paris: A. Colin Éditions; 1951. 476 p. (Russ. ed.: Duverger M. Politicheskie partii. Moscow: Academic Project; 2000. 560 p.).
 12. Ognev A. In the Vyborg region, scandals begin with the participation of the deputy from the Communist Party of the Russian Federation Irina Ivanova. Perhaps she is eyeing the constituency of the Socialist Revolutionary Alexander Egorov. St. Petersburg.ru. Feb. 06, 2020. URL: <https://saint-petersburg.ru/m/politics/ognev/372475/> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 13. Charter of the All-Russian public youth organization in support of youth initiatives "Leninist Communist Youth Union of the Russian Federation" (LKSM RF). LKSM RF. URL: <https://komsomolrf.ru/ustav> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 14. The son of a deputy's assistant opened fire in the Nevsky district. ZakS.Ru. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/146075> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 15. Pavroz A.V. Institute of lobbying in contemporary democratic societies. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*. 2014;10(3):158-169. (In Russ.).
 16. Gaman-Golutvina O.V. Parliamentary corps of modern Russia. In: Gaman-Golutvina O.V., ed. Political class in modern society. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2012:113-142. (In Russ.).
 17. Klochkova K. "We will spend all your my money". Deputy and builder Alexander Rassudov — on the mood in business. Fontanka.ru. Apr. 08, 2022. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/04/08/71241461/> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 18. Budeev Vadim Aleksandrovich: Information on income. Delovoi Peterburg. URL: <https://whoiswho.dp.ru/cart/person/1937666> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).
 19. Tiron Evgenii Vladimirovich: Information on income. Delovoi Peterburg. URL: <https://whoiswho.dp.ru/cart/person/1936515> (accessed on 10.11.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Ребров — младший научный сотрудник; 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Information about the author

S. A. Rebrov — junior researcher; 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg 190005, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 364.07

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-546-553

Информационно-коммуникационные технологии в социальной работе и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья: по материалам зарубежных исследований

Ольга Анатольевна Корнева

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, k.o.a.15.10.87@mail.ru✉

Аннотация. В статье утверждается, что содержание, формы и механизмы предоставления социальной работы на всех исторических этапах развития общества обусловлены хронологическими событиями и технологиями, используемыми в тот или иной период. Современный этап развития социальной помощи характеризуется применением информационных технологий. Авторами представлен анализ зарубежной практики по организации социальной работы и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с применением информационных технологий. Среди рассматриваемых подходов — подход сохранения человеческого участия. При этом сохранен приоритет социального обслуживания в противовес технократическому, подход «технологий в практике», подход проактивной позиции социальных работников, концепция «смешанной социальной работы» и др. Как показал обзор, эффективность социальной работы должна быть основана на приоритете учета интересов ключевых стейкхолдеров деятельности — социальных работников и клиентов социальной и социально-медицинской помощи.

Ключевые слова: информационные технологии, люди с ограниченными возможностями здоровья, социальная работа, социальная адаптация

Для цитирования: Корнева О. А. Информационно-коммуникационные технологии в социальной работе и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья: по материалам зарубежных исследований // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 546–553. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-546-553>

Original article

Information and communication technologies in social work and adaptation of people with disabilities: On the materials of foreign studies

Olga A. Korneva

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, k.o.a.15.10.87@mail.ru✉

Abstract. The article argues that the content, forms and mechanisms of social work provision at all historical stages of society development are conditioned by chronological events and technologies used in this or that period. The modern stage of social assistance development is characterized by the use of information technologies. The authors present an analysis of foreign practice on the organization of social work and adaptation of people with disabilities with the use of information technologies. Among the approaches considered

© Корнева О. А., 2023

is the approach of preserving human participation. At the same time, the priority of social service as opposed to technocratic, the approach of “technology in practice”, the approach of proactive position of social workers, the concept of “mixed social work”, etc. are preserved. As the review has shown, the effectiveness of social work should be based on the priority of taking into account the interests of key stakeholders of the activity — social workers and clients of social and socio-medical assistance.

Keywords: information technologies, people with disabilities, social work, social adaptation

For citation: Korneva O.A. Information and communication technologies in social work and adaptation of people with disabilities: On the materials of foreign studies. *Sociology and Law. 2023;15(4):546-553*. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-546-553>

Введение

Развитие информационных технологий и формирование цифровой среды привело к масштабной трансформации практически всех сторон жизни современного общества. Несмотря на то, что сектор социальной работы не является основным двигателем прогресса, он не мог остаться в стороне от этих технологических и социальных изменений.

Еще на ранних этапах информатизации прослеживаются ключевые проблемы использования появляющихся технологических возможностей в социальной работе. В одном из первых исследований, посвященных проблеме использования информационных технологий в социальной работе, американский специалист С. Марсон указал, что социальные работники отличаются крайней консервативностью и низкой готовностью применять новые технологии в профессиональной деятельности, несмотря на очевидные перспективы, которые им предоставляет интернет для обучения, развития профессиональных связей и взаимодействия с клиентами [1]. В дальнейшем этот вывод неоднократно подтвержден в различных исследованиях. Специалисты из различных стран указывали на недостаточную готовность социальных работников к использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и необходимость изменения их установок в отношении новых возможностей [2; 3]. На начальном этапе информатизации социальной работы многие ученые и практики обращали внимание на сложности, связанные с сугубо психологическими факторами, такими как консерватизм и «компьютерophobia», характерными для многих социальных групп в конце XX века [4].

Теоретические аспекты

Отдельной обсуждаемой проблемой в сфере оказания социальной помощи населению стал вопрос о допустимости использования ИКТ во взаимодействии социального работника и клиента. Несмотря на то, что многие виды такого взаимодействия теоретически могут осуществляться посредством ИКТ, высказаны опасения относительно того, что они приведут к утрате уникальных социальных особенностей непосредственного общения, которые играют ключевую роль в эффективности социальной работы [5; 6].

Как полагает финский ученый К. Гренхольм, дебаты о принципиальной приемлемости использования ИКТ в социальной работе и рисках, которые оно несет для практики и ее социальной ценности, служат следствием смешивания двух разных функций, которые могут выполнять новые технологии [7, p. 20–21].

С одной стороны, ИКТ могут внедряться в практику социальной работы в логике концепции «нового публичного менеджмента», концентрируя усилия работников на документационном обеспечении профессиональной деятельности, регистрации и обмене данных о клиентах, принимаемых решениях и интервенциях. По мнению критиков, это дегуманизирует социальную работу и смещает фокус внимания с непосредственной работы с клиентами в пользу формализованных операций, применимых для циркуляции в информационных системах. С другой стороны, ИКТ могут быть использованы для расширения общения социального работника и клиента, повышая консультационные возможности для первых и вовлеченность последних. Это, в свою очередь, способствует росту терапевтического и адаптационного потенциала социальной работы.

Австралийские ученые С. Бейкер, Дж. Варбаттон и ряд других обосновали необходимость переосмысления подходов к ИКТ в социальной работе на основании общесоциологической концепции сетевого общества М. Кастельса. Чтобы использование ИКТ отвечало интересам адресатов социальной работы и было успешным, авторы обосновали необходимость *подхода к информатизации, основанного на ведущей роли практики социальной работы (practice-led approach)*. Этот подход исходит из первичности потребностей практики социальной работы, в отличие от подхода, исходящего из примата существующих технологий и следования технократическим циркулярам.

В логике приведенного подхода социальные работники должны быть не пассивными реципиентами технологических решений, разрабатываемых IT-компаниями, но играть прямую и активную роль в разработке ИКТ-инфраструктуры совместно с разработчиками и ключевыми стейкхолдерами. Результатом должны стать решения, которые органично вписываются в повседневную профессиональную среду социальной работы, просты в использовании и не разрушают межличностное взаимодействие с клиентами. Этот практико-ориентированный подход требует решения определенных этических и социальных проблем. В частности, речь идет о ситуациях, если ИКТ используют для оценки клиента и состояния его здоровья, а также если социальные работники должны выступать в том числе в роли защитников цифровых и других прав клиентов.

Близкий по смыслу *подход «технологий в практике»* предложен Ф. Гиллингхемом применительно к социальной работе с детьми [8]. В центре его внимания — сложные информационные системы, используемые в организации социальной работы и внедряемые ответственными государственными институтами. Реализация принципа «сверху вниз» в логике менеджериального подхода приводит к тому, что эти системы могут не улучшать, а ухудшать возможности защиты уязвимых групп на практике. Глубокие социальные и психологические описания и объяснения, которые определяют ценность профессиональной социальной работы, подменяются более поверхностными данными, пригодными для циркуляции в информационной системе. Однако еще более важным видится то, что информационные системы содержат определенные схемы действия, которые не учитывают их реализацию на практике, если работники используют ИКТ в своей деятельности.

Канадские специалисты по социальной работе Ш. Крейг и М. Лоренцо, исходя из перспективы социальной справедливости, сформулировали подход *проактивной позиции социальных работников* во внедрении новых ИКТ в интересах людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [3]. Наблюдая растущий запрос на персонализированную медицину, они рассматривают перспективы ИКТ для реализации такого подхода. Использование ИКТ, в частности, может повысить самоэффективность пациентов, то есть их уверенность в том, что они способны контролировать происходящее с ними и самостоятельно выполнять

важные задачи, имеющие отношение к их терапии и адаптации. Изложенный подход подтверждается данными о том, что пациенты, имеющие возможность самостоятельно определять свои потребности и влиять на ход лечения, отличаются более высокими итоговыми показателями здоровья.

Признавая проблемы и риски вследствие цифровизации сферы, в которой личный контакт считается критически важным, К. Гренхольм предложила концепцию «смешанной социальной работы» (*blended social work*), по аналогии с образовательными моделями смешанного обучения, сочетающего в себе традиционное очное образование и e-learning [7]. Смешанная социальная работа понимается как «социальная работа, которая осмысленно интегрирует онлайн и непосредственные практики за счет креативного переосмысления основ практики социальной работы и реорганизации традиционного контакта, принимая во внимание потребности и условия клиента» [7, р. 41]. Принципиальным видится тот факт, что смешанная социальная работа предполагает не просто механическое совмещение традиционных и IT-практик, но реорганизацию большинства рутинных процессов, исходя из критического анализа новых возможностей. Подобно предыдущим подходам, указанным ранее, этот подход предполагает приоритетность практики социальной работы, которая должна лежать в основе разработки IT-решений и их интеграции в повседневные профессиональные процессы. Еще одной значимой чертой смешанной социальной работы, аналогичной модели смешанного обучения, служит повышение открытости информации и расширение возможностей ее совместного использования при сохранении этических требований и ограничений относительно личных данных клиента.

В обзорной работе М. Манзур и В. Вимарлунд, посвященной исследованиям ИКТ в социальной работе и адаптации людей с ОВЗ, сделан вывод об отсутствии систематического и целостного ИКТ-обеспечения этой категории людей в современной социальной работе [9]. Это относится и к концептуализации, классификации технологий, которые представляют ценность в социальной работе. Специалисты говорят о коммуникативных, ассистивных, адаптивных, мобильных, инструкторных, веб-технологиях, носимых медицинских технологиях, а также технологиях телереабилитации и геронтехнологиях, которые в совокупности не образуют общепринятой терминологии и не позволяют констатировать наличие общих подходов к информатизации социальной работы. С точки зрения типов проблем, связанных со здоровьем, различные исследования также посвящены отдельным категориям: когнитивным нарушениям, физическим ограничениям, нарушениям зрения, проблемам интеллектуального развития, проблемам людей с нейродегенеративными расстройствами и др. В совокупности они также не образуют целостного представления о направлениях и стратегиях информатизации социальной работы и социальной адаптации людей с ОВЗ.

Результаты и обсуждение

Наряду с фрагментарностью существующих знаний о возможностях, проблемах и факторах успеха использования ИКТ в социальной работе, отсутствием концептуального и теоретического единства, на фоне продолжающегося усложнения и динамичности технологической среды, сохраняются и принципиальные социальные и институциональные проблемы информатизации и цифровизации условий социальной адаптации людей с ОВЗ и других уязвимых групп. Вопреки ожиданиям того, что по мере смены поколений социальных работников возрастет их готовность к использованию новых технологий и основанных на них подходах, профессиональное сопротивление сохраняет значимость. Например, испанские

специалисты в области социальной работы А. Лави и А. Фернандес, опросив представителей нескольких десятков профессиональных организаций, входящих в Европейскую часть Международной федерации социальных работников (IFSW), обнаружили, что 90 % респондентов указывают на ту или иную степень сопротивления к использованию ИКТ [10]. В качестве главных причин приведены риски для безопасности персональных данных, недоверие модели коммуникации, опасения относительно роста неучитываемого рабочего времени, а также профессионального стресса. Интересно, что сопротивление оказалось выше в странах с высоким индексом развития ИКТ. При этом профессионалы признают потенциальную ценность ИКТ и указывают на необходимость в специализированной подготовке. Дефицит ИКТ-компетенций у социальных работников, их чувствительности и осведомленности относительно новых технологий признан одним из важнейших факторов, сдерживающих информатизацию социальной работы, и в других исследованиях [11].

Однако было бы ошибкой полагать, что проблемы использования ИКТ для повышения качества жизни и социальной адаптации людей с ОВЗ и иных уязвимых групп связаны лишь с профессиональной и институциональной готовностью сектора социальной работы. Овладение адресатами ИКТ и ассистивными технологиями играет критически важную роль в обеспечении качества жизни и социальной интеграции людей с ОВЗ. Поэтому преодоление «цифрового разрыва» в доступе к новым технологиям и ИКТ-инфраструктуре, обретение необходимых компетенций считается главной институциональной проблемой, обсуждаемой в контексте социальной адаптации людей с ОВЗ [12; 13]. Сектор социальной работы частично способен решать проблемы инклюзивности и интеграции людей с ОВЗ при помощи ИКТ. Так, успешная интеграция людей с ОВЗ в трудовую деятельность сопряжена с широким спектром общих организационных проблем, и разработка специализированных технологий и решений, направленных на их устранение, оказывается в организациях сложной задачей. Для ее решения у них зачастую не хватает ни знаний, ни мотивации [14].

Выводы

Обобщая результаты краткого обзора работ, посвященных использованию ИКТ в социальной работе в целом и социальной адаптации людей с ОВЗ в частности, можно сделать несколько главных выводов.

Во-первых, исследования информатизации и IT-поддержки социальной работы характеризуются значительной неполнотой, концептуальной неопределенностью, отсутствием глубоких теоретических моделей, а также значительным дефицитом эмпирических данных и знаний о фактических практиках использования ИКТ в целях повышения качества жизни и инклюзивности людей с ОВЗ. Вместе с тем в профессиональном сообществе существует понимание необходимости глубокой перестройки и реорганизации практики социальной работы на основе новых технологических возможностей.

Во-вторых, в профессиональном сообществе признают существование целого ряда устойчивых проблем и барьеров, мешающих информатизации социальной работы и носящих устойчивый, системный характер. К ним отнесены высокий сохраняющийся уровень сопротивления со стороны социальных работников и администраторов, в основе которого находятся разные мотивы и основания; дефицит ИКТ-компетенций и эффективного взаимодействия специалистов социальной работы с создателями IT-решений; риски, связанные с обработкой персональных данных; ресурсная недостаточность; отсутствие понимания того, какие имен-

но задачи социальной работы могут быть реорганизованы на основе новых технологий без утраты ее ключевых принципов, а также моделей их интеграции в практику социальной работы.

В-третьих, несмотря на низкий уровень освоения ИКТ в практике социальной работы и различия в теоретических подходах, в профессиональном сообществе сложилось понимание того, что успешная модель «электронной социальной работы» должна быть основана на приоритете учета интересов ключевых стейкхолдеров процесса: социальных работников и адресатов социальной и социально-медицинской помощи — людей с ОВЗ. Это означает, что модели информатизации, применяемые для эффективной социальной адаптации, с одной стороны, должны опираться на практику профессионалов в сфере социальной работы, предполагать их высокую и активную роль во взаимодействии с администраторами и IT-специалистами при разработке специализированных IT-решений и их интеграции в процессы социальной работы. С другой стороны, разработка таких моделей должна изначально ориентироваться на инклюзивность в применении ИКТ для целей лечения, поддержки и адаптации людей с ОВЗ, а также предполагать вовлечение последних в процесс собственной адаптации с использованием ИКТ. Речь идет о том, что интегрированные и эффективные системы и модели социальной адаптации на основе ИКТ должны быть полисубъектными и полифункциональными, ориентированными на различные категории заинтересованных лиц (пациентов, медицинский и сопровождающий персонал, родственников, администраторов, руководителей, работодателей, других внешних субъектов) и баланс в решении различных задач и функций, которые потенциально способны предоставить новые ИКТ.

Список источников

1. *Marson S. M.* A selective history of internet technology and social work // *Computers in Human Services*. 1997. Vol. 14. No. 2. P. 35–49. DOI: 10.1300/J407v14n02_03
2. Reimagining the relationship between social work and information communication technology in the network society / S. Baker, J. Warbuton, S. Hodgkin, J. Pascal // *Australian Social Work*. 2014. Vol. 67. No. 4. P. 467–478. DOI: 10.1080/0312407x.2014.928336
3. *Craig S. L., Lorenzo M. V. C.* Can information and communication technologies support patient engagement? A review of opportunities and challenges in health social work // *Social Work in Health Care*. 2014. Vol. 53. No. 9. P. 845–864. DOI: 10.1080/00981389.2014.936991
4. *Neugeboren B.* Organizational influences on management information systems in the human services // *Computers in Human Services*. 1996. Vol. 12. No. 3-4. P. 295–310. DOI: 10.1300/J407v12n03_09
5. *Broadhurst K., Mason C.* Social work beyond the VDU: Foregrounding co-presence in situated practice — why face-to-face practice matters // *The British Journal of Social Work*. 2014. Vol. 44. No. 3. P. 578–595. DOI: 10.1093/bjsw/bcs124
6. *Rogowski S.* Social work: The rise and fall of the profession. Bristol: Policy Press, 2020. 224 p.
7. *Granholm C.* Social work in digital transfer — blending services for the next generation. Helsinki: University of Helsinki, 2016. 145 p. URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/c496c431-1327-4934-9f82-40db24b56add/content> (дата обращения: 01.10.2023).
8. *Gillingham P.* The development of electronic information systems for the future: Practitioners, ‘embodied structures’ and ‘technologies-in-practice’ // *The British Journal of Social Work*. 2013. Vol. 43. No. 3. P. 430–445. DOI: 10.1093/bjsw/bcr202
9. *Manzoor M., Vimarlund V.* Digital technologies for social inclusion of individuals with disabilities // *Health and Technologies*. 2018. Vol. 8. No. 5. P. 377–390. DOI: 10.1007/s12553-018-0239-1

10. Lavié A. H., Fernandez A. I. L. New social intervention technologies as a challenge in social work: IFSW Europe perspective // *European Journal of Social Work*. 2018. Vol. 21. No. 6. P. 824–835. DOI: 10.1080/13691457.2018.1423553
11. Information and communication technologies in social work / B. E. Perron, H. O. Taylor, J. E. Glass, J. Margerum-Leys // *Advances in Social Work*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 67–81. DOI: 10.18060/241
12. Diez E. R. E-inclusion and E-social work: New technologies at the service of social intervention // *European Journal of Social Work*. 2018. Vol. 21. No. 6. P. 916–929. DOI: 10.1080/13691457.2018.1469472
13. Opportunities and challenges related to ICT and ICT-AT use by people with disabilities: An explorative study into factors that impact on the digital divide / K. Mayrou, M. Meletiou-Mavrotheris, A. Kärki [et al.] // *Technology and Disability*. 2017. Vol. 29. No. 1-2. P. 63–75. DOI: 10.3233/TAD-170174
14. The participation of people with disabilities in the workplace across the employment cycle: Employer concerns and research evidence / S. Bonaccio, C. E. Connelly, I. R. Gellatly [et al.] // *Journal of Business and Psychology*. 2020. Vol. 35. No. 2. P. 135–158. DOI: 10.1007/s10869-018-9602-5

References

1. Marson S.M. A selective history of Internet technology and social work. *Computers in Human Services*. 1997;14(2):35-49. DOI: 10.1300/J407v14n02_03
2. Baker S., Warbuton J., Hodgkin S., Pascal J. Reimagining the relationship between social work and information communication technology in the network society. *Australian Social Work*. 2014;67(4):467-478. DOI: 10.1080/0312407x.2014.928336
3. Craig S.L., Lorenzo M.V.C. Can information and communication technologies support patient engagement? A review of opportunities and challenges in health social work. *Social Work in Health Care*. 2014;53(9):845-864. DOI: 10.1080/00981389.2014.936991
4. Neugeboren B. Organizational influences on management information systems in the human services. *Computers in Human Services*. 1996;12(3-4):295-310. DOI: 10.1300/J407v12n03_09
5. Broadhurst K., Mason C. Social work beyond the VDU: Foregrounding co-presence in situated practice — why face-to-face practice matters. *The British Journal of Social Work*. 2014;44(3):578-595. DOI: 10.1093/bjsw/bcs124
6. Rogowski S. Social work: The rise and fall of the profession. Bristol: Policy Press; 2020. 224 p.
7. Granholm C. Social work in digital transfer: Blending services for the next generation. Helsinki: University of Helsinki; 2016. 145 p. URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/c496c431-1327-4934-9f82-40db24b56add/content> (accessed on 01.10.2023).
8. Gillingham P. The development of electronic information systems for the future: Practitioners, ‘embodied structures’ and ‘technologies-in-practice’. *The British Journal of Social Work*. 2013;43(3):430-445. DOI: 10.1093/bjsw/bcr202
9. Manzoor M., Vimarlund V. Digital technologies for social inclusion of individuals with disabilities. *Health and Technologies*. 2018;8(5):377-390. DOI: 10.1007/s12553-018-0239-1
10. Lavié A.H., Fernandez A.I.L. New social intervention technologies as a challenge in social work: IFSW Europe perspective. *European Journal of Social Work*. 2018;21(6):824-835. DOI: 10.1080/13691457.2018.1423553
11. Perron B.E., Taylor H.O., Glass J.E., Margerum-Leys J. Information and communication technologies in social work. *Advances in Social Work*. 2010;11(2):67-81. DOI: 10.18060/241
12. Diez E.R. E-inclusion and e-social work: New technologies at the service of social intervention. *European Journal of Social Work*. 2018;21(6):916-929. DOI: 10.1080/13691457.2018.1469472
13. Mayrou K., Meletiou-Mavrotheris M., Kärki A. et al. Opportunities and challenges related to ICT and ICT-AT use by people with disabilities: An explorative study into factors that impact on the digital divide. *Technology and Disability*. 2017;29(1-2):63-75. DOI: 10.3233/TAD-170174

14. Bonaccio S., Connelly C.E., Gellatly I.R. et al. The participation of people with disabilities in the workplace across the employment cycle: Employer concerns and research evidence. *Journal of Business and Psychology*. 2020;35(2):135-158. DOI: 10.1007/s10869-018-9602-5

Информация об авторе

О. А. Корнева — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

O. A. Korneva — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 29.09.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 29.09.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 556.5:341

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-554-564

Международно-правовые и экономические аспекты совместного использования СССР, Финляндией и Норвегией гидроресурсов реки Паз в 1920–1940-х гг.

Юрий Владимирович Мишальченко^{1✉}, Янис Артурович Сексте²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия

¹ Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ myv2008@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² sekste@list.ru

Аннотация. В статье речь идет о том, что тема международно-правовых отношений совместного использования гидроресурсов пограничных рек Советской Россией, Финляндией и Норвегией в 1920–1944 гг. является малоизученной среди отечественных и зарубежных исследователей. Это во многом обусловлено тем, что международно-правовое взаимодействие между странами складывалось противоречиво, а проблемы безопасности пограничных территорий вызывали беспокойство и не могли создать нормальные условия для регионального экономического сотрудничества в этой сфере.

Ключевые слова: Озеро Инари, река Паз, гидроэнергетика Кольского полуострова, Крайний Север, Норвегия, Россия, СССР, Финляндия, международное право, мировая экономика

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Сексте Я. А. Международно-правовые и экономические аспекты совместного использования СССР, Финляндией и Норвегией гидроресурсов реки Паз в 1920–1940-х гг. // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 554–564. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-554-564>

Original article

International legal and economic aspects of joint use of the Paz River hydro-resources by the USSR, Finland and Norway in the 1920–1940s

Yury V. Mishalchenko^{1✉}, Yanis A. Sekste²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Мишальченко Ю. В., Сексте Я. А., 2023

^{1, 2} St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry

of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia

¹ St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia

¹ myv2008@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4242-2274>

² sekste@list.ru

Abstract. The article deals with the fact that international legal relations of joint use of hydro resources of border rivers by Soviet Russia, Finland and Norway in 1920–1944 is an understudied topic among domestic and foreign researchers. This is largely due to the fact that the international legal interaction between the countries was contradictory, and the problems of security of border territories caused concern and could not create normal conditions for regional economic cooperation in this area.

Keywords: Lake Inari, Paz River, Kola Peninsula hydropower, Far North, Norway, Russia, USSR, Finland, international law, world economy

For citation: Mishalchenko Yu.V., Sekste Ya.A. International legal and economic aspects of joint use of the Paz River hydro-resources by the USSR, Finland and Norway in the 1920–1940s. *Sociology and Law. 2023;15(4):554-564.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-554-564>

Введение

Проблемы приграничных территорий Советского государства, Финляндии и Норвегии в 1920–1940-е гг. стали предметом пристального внимания со стороны историков и краеведов. Большой вклад в изучение политических и дипломатических отношений между Россией, Норвегией и Финляндией в первой половине XX в. внесли известные российские и иностранные историки Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, Л. А. Кутилова, А. С. Касиян, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков, В. А. Карелин [1], А. Б. Гехт, Ларс Роу, М. Лахтенмяки и др. Тема совместного использования гидроресурсов реки Паз (Paatsjoki (Патсойоки) — на финском, Pasvikelva (Пасвикельва) — на норвежском) в 1920–1944 гг. оказалась малоисследованной в связи с ухудшением военно-политической обстановки между СССР и Финляндией.

Гидроресурсы реки Паз всегда имели важное экономическое и стратегическое значение как для России, так и для Северной Финляндии и Норвегии. Река Паз берет начало в Финляндии, протекает по небольшому участку российской территории, а далее служит границей между Россией и Норвегией на протяжении 120 км. Рыбные ресурсы реки используют в рыбном хозяйстве, а также в рекреационном рыболовстве со стороны России и Норвегии. Сегодня на реке Паз сооружено пять гидроэлектростанций (ГЭС): Хевоскоски, Раякоски, Янискоски, Кайтакоски, Борисоглебская. Со стороны Норвегии построены Мелкефос и Скогфос. В 1950-х гг. измерена удельная мощность реки Паз, которая оказалась большой: она равна 3,5 тыс. квт/км [2, с. 35].

Обсуждение

Одним из самых сложных этапов в отношениях Советского государства и Финляндии стал период 1920-х–1944 гг., закончившийся подписанием Тартуского мирного договора и двумя военными столкновениями 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг.

Отношения между СССР и Норвегией более предсказуемы. Советская дипломатия считала Норвегию потенциальным союзником и экономическим партнером

СССР. По мнению заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова, «из всех скандинавских стран Норвегия менее всего склонна будет принять участие в борьбе против России» [3].

В 1931–1932 гг. специально созданный в СССР государственный трест «Арктикуголь» получил лицензию на добычу угля в Грумантбюэне и Баренцбурге. Затем дан старт постоянному присутствию Советского Союза на архипелаге [4, с. 17–18]. На протяжении 1920–1930-х гг. Норвегия склонялась к соблюдению нейтралитета в любом потенциальном конфликте. Стратегические преимущества Норвегии сделали ее объектом борьбы между Германией и Великобританией. В результате в 1940 г. Норвегия не смогла избежать оккупации со стороны фашистской Германии. Это одна из самых драматических страниц истории норвежского государства.

После прихода большевиков к власти в России, в 1917 г. Финляндия получает независимый статус и начинает выстраивать контур новых политических отношений с восточным соседом. Так, по условиям мирного договора в Тарту в октябре 1920 г., советско-финская граница устанавливалась по старой линии границ между внутренними губерниями Российской империи и Великого княжества Финляндского, исключая Печенгу. Переговоры о принадлежности Восточной Карелии и Печенги (Петсамо) стали самыми трудными. В итоге стороны согласились на компромисс: Россия удовлетворила требования Финляндии о Печенге, но отклонила притязания на Восточную Карелию [5, с. 25–26].

Так, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин выступил против передачи Печенги Финляндии. Он объяснял свою позицию несколькими обстоятельствами: во-первых, командование морскими силами Республики решило создать на данной территории военно-морскую базу; во-вторых, этот район имел громадные естественные богатства [6, с. 87]. У руководителя российской делегации на переговорах в Тарту Я. А. Берзина вызвало недоумение то, что Чичерин в такое сложное время был готов продолжать военные действия с финнами за Печенгу. По мнению А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова, сложности на советско-польском театре военных действий сделали финскую делегацию еще менее сговорчивой на переговорах. Возник вопрос о том, что важнее — мир с Финляндией и открытое Балтийское море или сохранение Печенги [6, с. 111].

Обратим внимание на то, что передача Печенги ставила под удар важнейший стратегический пункт на севере России — Мурманск. Кроме того, Советская Россия лишилась, по Тартускому мирному договору, прямого пути в норвежский город Вардо. Из этого города большевики переправляли нелегальную марксистскую литературу в Европу.

Финляндия получила западную часть полуострова Рыбачий и большую часть полуострова Средний с условием свободного транзита через этот район в Норвегию и обратно. РСФСР была также лишена выхода в международные воды из-за морской границы в Финском заливе. Но зато российская сторона получила право на свободный транзит грузов в Норвегию через Печенгскую область. Совместное использование Советской Россией и Финляндией гидроресурсов реки Паз оказалось затруднительным ввиду новых границ.

Государственная граница, определенная Тартуским мирным договором, подвела черту под одним из непростых этапов в развитии отношений между Советской Россией и Финляндией. Наступал еще более противоречивый и сложный этап в двусторонних отношениях. Нерешенными оставались вопросы о работе над проведением новой демаркационной линии, положении финских жителей на территории Восточной Карелии. В рамках Версальской международной системы Советское государство оказалось до середины 1920-х гг. в политической и экономической изоляции от основных внешнеполитических игроков.

Советское правительство начинает искать возможности развития собственной промышленной базы. Для реализации промышленного потенциала необходимо было перестроить в целом энергетическую систему страны. Ленинский план ГОЭЛРО предусматривал в течение 10–15 лет построить 30 районных электростанций (20 ТЭС и 10 ГЭС) общей мощностью 1,75 млн кВт [7, с. 10–11].

Справиться с таким масштабом работ молодой Советской Республике помогали западноевропейские компании: в годы первых пятилеток до 70 % электротехнического оборудования поступало из-за границы. Сложно не согласиться с мнением С. А. Лившица и Э. И. Габбасовой относительно того, что «только к середине 1930-х гг. в СССР налажен выпуск собственных турбин и генераторов для отрасли» [8, с. 107].

Руководителем группы по разработке плана электрификации Северного района назначен профессор М. А. Шателен. К началу 1930-х гг. план ГОЭЛРО выполнен, а по ряду показателей перевыполнен. Особенно успешным стало строительство энергетических объектов, необходимых для развития в России тяжелой промышленности и транспорта. К середине 1930-х гг. наша страна перестала зависеть от импорта электротехнического и генерирующего оборудования [9]. Результатом реализации плана ГОЭЛРО стал ввод в эксплуатацию к 1930 г. 20 тепловых электростанций и 10 ГЭС. Электросети связали их с промышленными предприятиями.

В 1930-е гг. массовые репрессии не обошли стороной и энергетиков. Только в 1936–1938 гг. на предприятиях «Главэнерго» репрессировано 6 500 человек. Половину из них расстреляли. Так, 170 энергетических объектов в стране построены благодаря каторжному труду заключенных. На строительство Нижнетуломской ГЭС в 1934–1936 гг. присланы эки, трудившиеся на строительстве шлюзов Беломорканала [10].

В 1938 г. в январском номере газеты «Полярная правда» речь шла о том, что за десять месяцев 1937 г. план выполнен лишь на 20,6 %. Особенно отставало от плана строительство комбината «Североникель» [11].

В 1929 г. советский ученый-геолог Г. Д. Рихтер первым обнаружил магнитную аномалию на горе Ньюдайвенч в Монче-тундре. Рихтер взял образцы горных пород, в которых был обнаружен сульфид меди и никеля. Осенью 1929 г. Г. Д. Рихтеру поручено руководить небольшим географическим отрядом Кольской экспедиции Академии наук. Ученый собрал образцы пород и привез их в Ленинград. Он показал образцы известному минералогу, геохимику академику А. Е. Ферсману. С этого момента началось дальнейшее активное изучение этого региона, а впоследствии — строительство комбината «Североникель» и города Мончегорска [12].

По мнению А. Б. Котомина, завершение первого этапа развития Кольской энергосистемы совпало с окончанием значимого этапа «колонизации» Мурман (1930–1941) [13, с. 95–97]. Несмотря на огромные трудности технического и экономического характера, в годы довоенного развития на Кольском полуострове появились такие новые отрасли промышленности, как горно-химическая, металлургическая, энергетическая, большое значение придавали также рыбной отрасли [14, с. 130–132].

После заключения Тартуского мирного договора, в октябре 1920 г., финское правительство начало детальнее изучать экономические ресурсы региона Петсамо: полезные ископаемые, водные запасы, леса, продукты рыболовства, возможности гавани, доходы от сельского хозяйства и оленьих пастбищ. Гидрологическое управление Финляндии представило в ноябре 1921 г. подробное географическое описание ландшафта долины реки Паз и расчеты пропускной способности

порогов. Основное внимание, как и в 1920 г., уделено возможному использованию нижележащих порогов, Нижних Янискоски и Колтаконгаса, сегодня относящихся к территории Борисоглебской ГЭС в Мурманской области.

Вопрос о гидроэнергетике реки Паз оставался нерешенным, и финские власти отклонили просьбы Норвегии об уступке границы. Норвежские власти все-таки надеялись на пограничное урегулирование с Финляндией, которое сделало бы устье реки Паз полностью норвежским. С финской стороны, однако, теперь хотели обсуждать проблему границы полностью. Планируя встречу норвежских и финских представителей в августе 1921 г., Финляндия хотела обсудить вопросы о пересечении границы местным населением, правах саамов на рыбную ловлю на норвежской территории, согласно протоколу 1834 г., а также о лесозаготовке, рыболовстве и освоении гидроэнергетики реки Паз. Летом 1921 г. Финская геологическая служба обнаружила месторождение никеля в Колосйоки (современном поселке под названием Никель, административном центре Печенгского района), всего в шести километрах к востоку от реки Паз, которое стало крупнейшим в Европе месторождением никелевой руды.

Несмотря на перспективное развитие гидроэнергетики в этом районе, строительство ГЭС было слишком дорогостоящим предприятием. Для ее строительства требовались инженеры, рабочие, подготовка дорог, железных дорог и других объектов логистики и инфраструктуры [15].

Уже на рубеже 1920–30-х гг. Финляндия приступила к строительству необходимой инфраструктуры для развития стратегически значимого региона. В 1932 г. построена шоссейная дорога на берегу Северного Ледовитого океана, от Рованиеми до Соданкюля и Ивало и гавани Лиинахамари в Петсамо, связавшая отдаленный регион с другими частями Финляндии.

К 1934 г. финские геологи открыли более десятка месторождений. Промышленное значение представляло месторождение Каулатунтури, которое и начали разрабатывать финны. Оно вызывало интерес зарубежных промышленных компаний: заинтересованность проявили германский концерн «Круппа» и канадская международная никелевая компания «Инко» (Inco) с участием американского и английского капитала. Финское правительство сдало в концессию Печенгский район канадцам. В 1935 г. компания «Инко» приступила к строительству рабочего поселка и через три года начала проводить выработки, вскрывающие месторождение.

Процессы модернизации и индустриализации региона реки Паз сформировали множество новых рабочих мест, но нанесли существенный удар по экологии региона, изменив ландшафт этих мест. Передача прав на добычу полезных ископаемых компании «Монд» (Mond) повлияла на процесс освоения реки Паз, поскольку энергия реки требовалась для планируемого никелевого рудника в Колосйоки. Предварительные строительные работы также начаты в мае 1935 г. Оцененная достижимая энергия составила 138 000 кВт: долю Финляндии оценили в 73 %, а долю Норвегии — 27 %. Однако, чтобы получить эту энергию, необходимо было регулировать уровень воды в озере Инари.

Самая длинная часть реки Паз, 111 км, служила государственной границей между Финляндией и Норвегией, за исключением реки Колтаконгас, которая полностью находилась на финской стороне. Таким образом, финны ничего не смогли бы сделать без партнерства норвежцев.

Из-за того, что река Паз являлась пограничной рекой, переговоры об использовании ее водных ресурсов были очень сложными и противоречивыми. Дискуссии между большевистской Россией и правительством Финляндии начались весной 1918 г., продолжаясь в 1920–1930-х и начале 1940-х гг. Партнерами вы-

ступили многие министерства и ведомства Финляндии, Норвегии, Великобритании, Германии и компании «Инко»/«Монд», «А. С. Сюдварангер» (Sydvaranger AS), энергетическая компания Колтаконгас (Koltakongas Oy), энергетическая компания «Харефоссан» (Harefossen Kraftaksjeselskap) и энергетическая компания «Сила Иматры» (ImatranVoima Oy).

Однако международная финская компания по добыче никеля «Петсамо Никель» (Petsamo Nikeli Oy) продолжила планировать строительство ГЭС. Теперь внимание компании сосредоточено на Верхних Янискоски и Нискакоски, которые полностью находились на финской стороне. Пороги расположены рядом с озером Инари, примерно в 80 км к югу от никелевого рудника Колосйоки. Финское правительство и международная компания по добыче никеля в Петсамо подписали в марте 1938 г. соглашение о строительстве электростанции в Верхнем Янискоски и плотины. По соглашению, одну половину дохода завода получало государство, другую — частная компания. По требованию правительства Финляндии, большинство рабочих должны были быть выходцами из Финляндии. Компания немедленно приступила к строительству запланированной плотины в Нискакоски. Ход строительства постоянно освещали в финской прессе.

И финской, и норвежской сторонам требовались энергетические мощности. И Норвегия, и Финляндия также рассматривали пограничный регион с точки зрения геополитики и государственной безопасности в контексте международной военно-политической обстановки.

Несмотря на активное сотрудничество и обсуждения, в некоторых политических кругах Норвегии с подозрением следили за деятельностью Финляндии: ввиду появления новых финских дорог, развития промышленности, иной строительной деятельности долина реки Паз вскоре могла быть заселена только финнами. Норвежцы жаловались на то, что финны уже живут по обе стороны реки. Норвегия планировала, например, построить мост через реку недалеко от финской деревни Салмиярви, чтобы тем самым улучшить транспортные коммуникации и экономические возможности норвежских жителей на западном берегу реки. Каждая из сторон считала эту территорию своей и всячески пыталась получить преимущества в развитии данного региона [16].

На планы по освоению месторождения повлияла Советско-финляндская война 1939–1940 гг. С 6 по 13 марта 1940 г. в Москве прошли переговоры о мире между СССР и Финляндией. Острым был вопрос о новых границах [17, р. 102].

Несмотря на выгоды, которые сулил регион Петсамо, после войны он остался за Финляндией. Тем не менее в июне 1940 г. В. Молотов стал требовать от финского руководства предоставить доступ СССР к финским ресурсам в районе Петсамо (Печенги). По утверждению Ларса Роу, это связано не только с военно-стратегическим значением, но и с экономической важностью региона Петсамо для советской экономики [18, р. 116].

По мнению Я. Элоранта и И. Нумела, никелевые запасы Петсамо до и в период Второй мировой войны стали основой внешнеполитических игр великих держав вокруг втягивания Финляндии в сферу своего влияния. После Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Финляндия окончательно сближается с Германией как в военно-стратегическом, так и экономическом отношении. Германия стала главным выгодоприобретателем в этом регионе [19, р. 325–326].

В 1940 г. горнодобывающее предприятие в Петсамо возглавил финский промышленник барон Карл Густав Вреде, который заключил с германским металлургическим концерном «Фарбеиндустри» (Farbeindustri) договор о поставке руды и штейна. В 1941 г. подписан долгосрочный договор о совместных работах в Колосйоки. Но снова вмешались военные события: началась Вторая мировая

война, между Германией и Финляндией установились новые торговые отношения. В период Великой Отечественной войны из района Петсамо начинается дальнейшее наступление немецких войск в Заполярье, на Мурманск. Поэтому в декабре 1941 г. И. В. Сталиным поставлен вопрос о возврате Петсамо СССР [20, с. 258–259]. Указанный район приобрел особое военно-стратегическое значение. К 1942 г. предприятие состояло из сооружений рудника Каулатунтури, никелевого завода Колосйоки, плотины Нискаоски у истоков реки Паз и электростанции Янискоски. В предвоенные годы немецкие металлургические заводы нуждались в значительном увеличении поставок никеля. Разработки в Петсамо служили главным источником никеля для обеспечения военной промышленности Германии. Переданные советской стороне материалы, в том числе обнаруженные в Германии, позволяют утверждать, что в Петсамо постоянно наращивали выпуск никелевой продукции. В 1943 г., после ряда технических неполадок, в Колосйоки удалось наладить выпуск никелевого штейна. Уже через год, производственная программа предусматривала в среднем добычу 20 тыс. тонн руды в месяц и производство никелевого штейна — более 1 тыс. тонн в месяц. В связи с ростом потребностей Германии в никеле финская сторона дополнительно предоставила германской стороне в эксплуатацию месторождение Каммикивитунтури. Оборудование для предприятия поставляли из разных стран, преимущественно немецкого производства. В сентябре 1944 г. в производственном управлении предприятия в Колосйоки трудились 923 человека. В октябре 1944 г. в результате Петсамо-Киркенесской операции немецко-фашистские войска в районе Петсамо разбиты, советские войска приступили к освобождению Северной Норвегии.

22 октября 1944 г. район освобожден советскими войсками, но при отступлении немцы разрушили все сооружения завода и рудника «Каула». По оценкам Г. А. Лейбензона, значительно пострадали заводские объекты, причем их взрывали так, чтобы максимально затруднить восстановление. Район обесточен: ГЭС в Янискоски взорвана, а главная труба металлургического завода высотой около 150 метров при падении повредила здание, практически перерубив его надвое [21, с. 125–126].

По договору о перемирии с Финляндией, Печенгский район, на территории которого находились разрушенный рудник и завод, возвращен СССР. Некоторые специалисты считали, что разрушения комбината настолько велики, что восстановить его можно будет нескоро, лет через десять. В поселке Никель активно восстанавливали плавильный цех и металлургическое производство, рудничное хозяйство и сопутствующую инфраструктуру. Предприятие «Печенганикель» вступило в строй уже в 1946 г.

Соглашением, заключенным 30 апреля 1946 г. между правительством СССР и Финляндией, Печенгскому комбинату предоставлена концессия на пользование гидроэнергии реки Паз. В рамках этого между Печенгским никелевым комбинатом Министерства цветной металлургии СССР и финской фирмой «Иматран-Войма» 25 января 1947 г. подписан договор о восстановлении ГЭС Янискоски и регулирующей плотины Нискаоски.

3 февраля 1947 г. между правительством СССР и Финляндией подписан договор о передаче СССР территории Янискоски. К работам по восстановлению станции приступили в конце марта — начале апреля 1947 г.

Выводы

В результате можно сделать вывод о том, что новые границы между СССР и Финляндией, а также сложные международно-правовые и политические отноше-

ния между странами сделали невозможным продолжение дискуссий о совместном использовании ресурсного потенциала реки Паз и близлежащих территорий. Международно-правовые отношения Финляндии и Норвегии относительно возможности использования гидроресурсов пограничной реки Паз осложнены внутренними противоречиями. Этот регион стал стратегически значимым и для Финляндии, и для Норвегии ввиду обнаруженных на его территории огромных запасов никелевой руды. Никель являлся важнейшим металлом для военных нужд европейских стран. Для его добычи были необходимы сложная инфраструктура и производственные мощности. При этом Финляндия не могла обойтись без помощи Норвегии и европейского капитала. Неслучайно на финское правительство было оказано давление со стороны Германии и Великобритании. В послевоенные годы окончательно определены международно-правовой статус пограничной реки Паз и возможности совместного использования приграничными государствами ее гидроресурсов.

Список источников

1. *Карелин В. А.* Проблема эксплуатации гидроэнергетических ресурсов пограничной реки Паз в российско-норвежских приграничных отношениях: начальный период (1906–1913 гг.) // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2022. Вып. 7. С. 117–139. DOI: 10.15393/j103.art.2022.2364
2. Гидроэнергетические ресурсы Кольского полуострова и основные принципы их использования / под ред. А. П. Панина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Вып. 3. 146 с.
3. Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Норвегии А. М. Макару о советской политике в отношении Норвегии. 18 мая 1926 г. // Советско-норвежские отношения 1917–1955: сб. документов. М.: ЭЛИА-АРТ-О, 1997 // Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 6. П. 12. Д. 92. Л. 10–13. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/135822-pismo-zamestitelya-narodnogo-komissara-inostrannyh-del-sssr-m-m-litvinova-polnomochnomu-predstavitelyu-sssr-v-norvegii-a-m-makaru-o-sovetskoj-politike-v-otnoshenii-norvegii-18-maya-1926-g> (дата обращения: 20.06.2023).
4. *Касиян А. С.* Вопрос о Шпицбергене в российско-норвежских отношениях (1870-е–1953) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 16–22.
5. *Кутилова Л. А.* Советско-финляндская война и проблемы Восточной Карелии во взаимоотношениях Советской России и Финляндии в 1918–1923 гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 25–34.
6. *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница, 1918–1938 гг.: очерки истории. СПб.: Европейский дом, 2007. 221 с.
7. Атлас энергетических ресурсов СССР / под общ. ред. А. В. Винтера, Г. М. Кржижановского, Г. И. Ломова. Т. 1: в 3 ч. Ч. 1. М.; Л.: Государственное энергетическое издательство, 1935. 48 с.
8. *Лившиц С. А., Габбасова Э. И.* Экономические аспекты реализации проекта электрификации России в 1920-х гг. // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 11. С. 107–109.
9. Состоялся первый Ленинградский энергетический съезд. 1930 // Музей истории энергетики Северо-Запада. URL: <http://www.energomuseum.ru/timeline/plan-goehlr/sostojalsja-pervyi-leningradskii-ehnergeticheskii-sezd/> (дата обращения: 18.02.2023).
10. *Стец А. И.* Мурмаши — воин и труженик. 2009 // История Мурмаши. URL: https://murmashilive.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=46&Itemid=60 (дата обращения: 18.02.2023).
11. *Логинов Д. И.* Планы больших работ // Полярная правда. 1938. 1 января. С. 3.
12. *Позняков В. Я.* Североникель: страницы истории комбината «Североникель». М.: Руда и металлы, 1999. 432 с.

13. Котомин А. Б. Электроэнергетика как основа экономического развития Мурмана: историческая ретроспектива // Вестник Кольского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 95–103.
14. Отрокова О. Ю., Щербакова О. М. План ГОЭЛРО — программа революционной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1. С. 129–135.
15. Река Паз. Одна река — три государства // История границы. Безграничная вода. URL: <https://www.pasvikelva.no/ru> (дата обращения: 08.10.2023).
16. Lähteenmäki M., Colpaert A. Memory politics in transition: Nostalgia tours and gilded memories of Petsamo // Matkailututkimus. Finnish Journal of Tourism Research. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 8–34. DOI: 10.33351/mt.85341
17. Lähteenmäki M. Bad blood and humiliation: Finn's experiences of the Moscow peace negotiations in 1940 // Nordia Geographical Publications. 2014. Vol. 43. No. 1. P. 101–113. URL: <https://nordia.journal.fi/article/view/65103/26253> (дата обращения: 08.10.2023).
18. Rowe L. Russia is interested in the Petsamo nickel // The Journal of Slavic Military Studies. 2020. Vol. 33. No. 1. P. 113–135. DOI: 10.1080/13518046.2020.1723235
19. Elloranta J., Nummela I. Finnish nickel as strategic metal, 1920–1944 // Scandinavian Journal of History. 2007. Vol. 32. No. 4. P. 322–345. DOI: 10.1080/03468750701747528
20. Барышников Н. И. Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. К вопросу о «стратегических границах» Финляндии. СПб.: Европейский дом, 1999. 362 с.
21. Лейбензон Г. А. Никель земли Кольской. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 2008. 136 с.

References

1. Karelin V. The problem of Pasvik border river hydropower resources exploitation and Russian-Norwegian border cooperation: First steps, 1906-1913. *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovanii = Nordic and Baltic Studies Review*. 2022;(7):117-139. (In Russ.). DOI: 10.15393/j103.art.2022.2364
2. Panin A.P., ed. Hydropower resources of the Kola Peninsula and the basic principles of their use. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.; 1960;(3). 146 p. (In Russ.).
3. Letter from Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR M.M. Litvinov to the plenipotentiary representative of the USSR in Norway A.M. Makar about Soviet policy towards Norway. May 18, 1926. In: Soviet-Norwegian relations 1917-1955: Coll. doc. Moscow: ELIA-ART-O; 1997. (Archive of Russian Foreign Policy. Fund 05. Invent. 6. Folder 12. File 92. Sheet 10-13). URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/135822-pismo-zamestitelya-narodnogo-komissara-inostrannyh-del-sssr-m-m-litvinova-polnomochnomu-predstavitelyu-sssr-v-norvegii-a-m-makaru-o-sovetskoy-politike-v-otnoshenii-norvegii-18-maya-1926-g> (In Russ.).
4. Kasiyan A.S. The Spitsbergen issue in Russian-Norwegian relations (1870s-1953). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2013;(1):16-22. (In Russ.).
5. Kutilova L.A. The Soviet-Finnish War and the problems of Eastern Karelia in relationship of Finland and Soviet Russia in 1918-1923 years. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013;(7): 25-34. (In Russ.).
6. Rupasov A.I., Chistikov A.N. Soviet-Finnish border, 1918-1938: Essays on history. St. Petersburg: Evropeiskii dom; 2007. 221 p. (In Russ.).
7. Vinter A.V., Krzhizhanovskii G.M., Lomov G.I., eds. Atlas of energy resources of the USSR. Vol. 1 (In 3 pts.). Pt. 1. Moscow, Leningrad: State Energy Publ.; 1935. 48 p. (In Russ.).
8. Livshits S.A., Gabbasova E.I. Economic aspects of the realization of Russian electrification project in the 1920s. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2017;(11):107-109. (In Russ.).

9. The first Leningrad Energy Congress took place. 1930. Museum of the History of Energy of the North-West. URL: <http://www.energomuseum.ru/timeline/plan-goehlo/sostojalsja-pervyi-leningradskii-ehnergeticheskii-sezd/> (accessed on 18.02.2023). (In Russ.).
10. Stets A.I. Murmashi — a warrior and a hard worker. 2009. History of Murmashi. URL: https://murmashilive.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=46&Itemid=60 (accessed on 18.02.2023). (In Russ.).
11. Loginov D.I. Large work plans. Polyarnaya pravda. Jan. 01, 1938. P. 3. (In Russ.).
12. Poznyakov V.Ya. Severonickel: Pages of the history of the Severonickel plant. Moscow: Ruda i metally; 1999. 432 p. (In Russ.).
13. Kotomin A.B. Electricity generation as a base for economic development of Murman: Historical retrospective. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN = Herald of the Kola Science Centre RAS*. 2011;(4):95-103. (In Russ.).
14. Otrokova O.Yu., Shcherbakova O.M. The GOELRO plan is the program of revolutionary Russia. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvo-vedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;(10-1):129-135. (In Russ.).
15. The Pasvik river: One river — three states. The Water without Borders. URL: <https://www.pasvikelva.no/en> (accessed on 08.10.2023).
16. Lähteenmäki M., Colpaert A. Memory politics in transition: Nostalgia tours and gilded memories of Petsamo. *Matkailututkimus = Finnish Journal of Tourism Research*. 2020;16(1):8-34. DOI: 10.33351/mt.85341
17. Lähteenmäki M. Bad blood and humiliation: Finn's experiences of the Moscow peace negotiations in 1940. *Nordia Geographical Publications*. 2014;43(1):101-113. URL: <https://nordia.journal.fi/article/view/65103/26253> (accessed on 08.10.2023).
18. Rowe L. Russia is interested in the Petsamo nickel. *The Journal of Slavic Military Studies*. 2020;33(1):113-135. DOI: 10.1080/13518046.2020.1723235
19. Elloranta J., Nummela I. Finnish nickel as strategic metal, 1920-1944. *Scandinavian Journal of History*. 2007;32(4):322-345. DOI: 10.1080/03468750701747528
20. Baryshnikov N.I. Russia and Finland in the 18th-20th centuries. Specifics of the border. On the issue of the “strategic borders” of Finland. St. Petersburg: Evropeiskii dom; 1999. 362 p. (In Russ.).
21. Leibenzon G.A. Nickel of the Kola land. Murmansk: Murmansk Book Publ.; 2008. 136 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. В. Мишальченко — доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права СПбУТУиЭ; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России); 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19а; профессор кафедры государственного и международного права СПбГМТУ; 190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3;

Я. А. Сексте — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин; 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19а.

Information about the authors

Yu. V. Mishalchenko — Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of Constitutional and International Law of UMTE; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia; Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of ARSUJ; 19a, 10 line V.O.,

St. Petersburg 199178, Russia; Professor at the Department of State and International Law of SMTU; 3 Lotsmanskaya st., St. Petersburg 190121, Russia;

Ya. A. Sekste — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines; 19a, 10 line V.O., St. Petersburg 199178, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 20.10.2023.

Научная статья

УДК 342.23

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-565-577

Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно- телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в современных условиях

Ольга Викторовна Аникаева¹, Игорь Николаевич Бобровнический²✉

¹ АО «Альфа банк», Барнаул, Россия

² Северный институт — филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Петрозаводск, Россия

¹ olenka_anikaeva@mail.ru

² bobrovnichyyn@mail.ru✉

Аннотация. В статье исследованы особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в современных условиях, а также определены ведущие направления и меры противодействия таким преступлениям. Проанализированы виды преступлений и их статистика. Особое внимание уделено личности преступников, их классификации. Изучены основные причины преступлений и их связь с поведением жертвы.

Ключевые слова: преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации; хакер, киберпреступник, киберпреступность, мошенничество, IT-мошенничества, IT-преступления, кибертерроризм, кибербуллинг, кибербезопасность, причины преступлений, личность преступника, жертва преступления, направления и меры противодействия преступлениям

Для цитирования: Аникаева О. В., Бобровнический И. Н. Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в современных условиях // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 565–577. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-565-577>

Original article

Characteristics of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies or in the sphere of computer information in modern conditions

Olga V. Anikayeva¹, Igor N. Bobrovnichy²✉

¹ “Alfa Bank” JSC, Barnaul, Russia

² Northern Institute — a branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Petrozavodsk, Russia

¹ olenka_anikaeva@mail.ru

² bobrovnichyyn@mail.ru✉

Abstract. The article studies the features of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies or in the sphere of computer information in modern conditions, as well as identifies the leading directions and measures to counteract such crimes.

© Аникаева О. В., Бобровнический И. Н., 2023

Types of crimes and their statistics are analyzed. Special attention is paid to the personality of criminals, their classification. The main causes of crimes and their connection with the behavior of the victim are studied.

Keywords: crimes committed with the use of information and telecommunication technologies or in the sphere of computer information; hacker, cybercriminal, cybercrime, fraud, IT-fraud, IT-crime, cyberterrorism, cyberbullying, cybersecurity, causes of crimes, personality of the criminal, victim of crime, directions and measures of counteraction to crimes

For citation: Anikayeva O.V., Bobrovnichiy I.N. Characteristics of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies or in the sphere of computer information in modern conditions. *Sociology and Law*. 2023;15(4):565-577. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-565-577>

Введение

Как известно, развитие компьютерных технологий порождает развитие компьютерной преступности. Важнейшей частью национальной безопасности России является обеспечение безопасности неотъемлемых инфраструктурных, коммуникационных и информационных систем, а также усиление защиты корпоративных и персональных сетей данных [1].

Согласно официальным данным Главного информационного аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГИАЦ МВД России), в 2019 г. зарегистрировано 90 587 преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий, в 2020 г. — 174 674, в 2021 — 294 409. Показатели преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, значительно возросли: с 14,5 % в 2019 г. до 25,0 % в 2020 г. Из общего числа таких преступлений 52,4 % относятся к категории тяжких и особо тяжких, что составляет 267 600 (+87,5 %); 58,8 % совершены через интернет (300 300; +91,3%), а 42,9 % — с использованием средств мобильной связи (218 700; +88,3 %). В январе — феврале 2021 г. количество выявленных IT-преступлений увеличилось на 29,4 % по сравнению с предыдущим годом, в том числе совершенных через интернет — на 48,3 %, а через мобильные устройства — на 32,6 %. Если в январе — феврале 2020 г. удельный вес преступлений в IT-сфере составлял 19,3 %, то в первые два месяца текущего года он увеличился до 26,3 %. Рост преступности произошел в основном за счет телефонного и интернет-мошенничества. Телефонные онлайн-мошенники похитили у граждан более 150 млрд руб. [2].

Сегодня насчитывается много видов компьютерных преступлений: производство и распространение компьютерных вирусов и вредоносных программ, приглашение конфиденциальной информации, коммерческой тайны, личной информации, взлом чужого доменного имени и ряд других. Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» дополнена в Уголовный кодекс (УК) РФ 1996 г. Она содержит четыре состава преступления (ст. 272–274.1). Глава 21 УК РФ также дополнена ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Комплексная оценка понятия «компьютерная информация» требует знаний в области коммуникации и киберпреступности, понимания их диапазона.

Следует отметить, что около половины из зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (48,14 %, то есть 249 249 из 517 722), составляют мошенничества, предусмотренные ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ. 95,71 % (238 560) из них — это мошенничества, совершенные с использо-

ванием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159 УК РФ); 4,11 % (10 258) — мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Из 311 211 мошенничеств по ст. 159 УК РФ более 80 % (80,27 % — 249 822) зарегистрированы по ч. 2–7 ст. 159 УК РФ, свыше 60 % из которых совершены по ч. 2 и ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Краткая характеристика состояния преступности в России за январь — декабрь 2021 г. свидетельствует о существенном увеличении ущерба от преступлений (по окончанным и приостановленным уголовным делам), то есть +62,7 % (834,5 млрд руб.), росте регистрируемых мошенничеств (+1,2 % — 339,6 тыс. из 2 004 404) и существенных их изменениях (увеличении тяжести, росте количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, групповом характере, появлении новых способов обмана и злоупотреблении доверием и т. д.).

Практически 40 % (38,58 %) раскрытых мошенничеств, совершенных организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией), — это преступления с применением информационно-телекоммуникационных технологий (3 012) [3]. Меры криминалистической превенции и иной профилактики в современных условиях эпидемиологических рисков и угроз существенно сократили количество (–97,1 %) зарегистрированных мошенничеств с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ).

Президент РФ В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России справедливо говорил «о новых вызовах, связанных с проникновением криминала в сферу информационных технологий и телекоммуникаций. Количество преступлений в этой сфере ежегодно растет. В результате действий кибермошенников урон несут отечественные компании. И, что вызывает особую остроту общественной реакции, с потерями средств и накоплений, с невосполнимым моральным ущербом сталкиваются наши граждане во все большем и большем количестве. Жертвами преступников становятся пенсионеры, многодетные семьи, люди с ограниченными возможностями по здоровью» [4].

По статистике, в январе — марте 2022 г. количество IT-преступлений возросло на 83,9 %, что связано с последствиями введенных ограничительных мер из-за массового распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Всего в этот период зарегистрировано 101 537 преступлений данного вида. По состоянию на январь 2023 г. также сохраняются тенденции роста числа IT-мошенничеств (рост на 12 %) [5].

Теория

Компьютерные преступления вызывают все большую тревогу в современном цифровом мире, с постоянно расширяющимся разнообразием вредоносных действий — от кибербуллинга и кражи личных данных до взлома и манипулирования последними. Кроме того, компьютерные преступления могут включать в себя и более традиционные формы преступной деятельности, такие как мошенничество, эксплуатация детей и терроризм. С распространением новых технологий и устройств преступники смогли найти новые способы использования уязвимых систем для получения финансовой выгоды или других вредоносных целей. Сегодня особенно важно, чтобы организации предпринимали упреждающие шаги для защиты от этих все более изощренных угроз.

Для совершения таких преступлений существует много способов, чтобы избежать ответственности. Например, сеть Интернет позволяет преступнику оста-

ваться незамеченным. Благодаря своей способности действовать удаленно, преступники используют различия в правовых системах разных стран, что может дать возможность остаться безнаказанным. Свои обороты набирает и кибертерроризм. Вышеперечисленное преступник может осуществить, используя лишь интернет и компьютер жертвы.

Предполагается, что компьютерные преступления относятся к действиям, нарушающим безопасность данных и систем в виртуальном мире. Тем не менее доказано, что это влияет на реальные социальные связи. Компьютерные преступления представляют собой существенную угрозу безопасности данных и систем в виртуальном мире. По мере роста нашей зависимости от технологий растет и риск злонамеренных атак на наши цифровые сети, которые могут привести к значительным сбоям в работе и финансовым потерям. К сожалению, киберпреступники становятся все более изощренными. Поэтому важно, чтобы частные лица и организации принимали соответствующие меры для защиты от потенциальных угроз. Инвестируя в надежные стратегии кибербезопасности, они могут обеспечить сохранность своих данных и их защиту от злоумышленников.

Кроме того, для совершения преступления необходима сеть, а с появлением интернета люди в разных уголках мира получили возможность обмениваться информацией на различных платформах. Однако это не только дает множество преимуществ человечеству, но и открывает возможности для преступников совершать преступления с гораздо большей легкостью [6].

Всемирный рост обмена информацией через сети увеличил вероятность того, что граждане, компании и правительства станут мишенью для киберпреступников. Граждане особенно уязвимы к атакам на их персональные компьютеры или мобильные устройства, посредством которых хакеры собирают личные данные и распространяют незаконные материалы. Предприятия могут подвергаться вредоносным атакам на свои банковские системы, веб-сайты или платформы электронной коммерции. Правительства могут пострадать от кибератак на ключевые системы государственного управления и взлома оборудования критически значимой инфраструктуры государственных учреждений.

Результаты и обсуждение

Следует помнить о том, что компьютерные преступления характеризуются исключительно высокой степенью латентности, которая может быть как искусственной, так и естественной. Тем не менее она служит важным фактором, способствующим совершению этих преступлений.

Если речь идет о естественной латентности, о ней знают лишь участвующие в преступной деятельности. Часто в случаях, связанных с кражей компьютерной информации и данных на компьютерах и компьютерных носителях, жертвы не знают о том, что произошло нечто противозаконное. В качестве типичного приведем следующий пример. Так, согласно распределенным ролям, неустановленное лицо (лица), действуя в составе группы лиц по предварительному сговору с Ж., приобрели вредоносную программу и оборудование для ее распространения. Ж., согласно своей преступной роли, с целью совершения преступления в группе лиц по предварительному сговору, приобрел у граждан, которые не подозревали о преступных намерениях преступной группы, банковские карты, а затем предоставил информацию о реквизитах счетов указанных банковских карт неустановленному лицу. После получения реквизитов счетов банковских карт, используя указанную информацию, неустановленное лицо (лица) стало рассылать на абонентские номера телефонов неограниченного числа граждан SMS-сообщения,

содержащие ссылку на вредоносную программу. В дальнейшем неустановленным способом денежные средства потерпевших переводили на счета банковских карт, приобретенных Ж. у различных граждан, неосведомленных о преступных намерениях указанной преступной группы. Иными словами, посредством сети Интернет путем ввода, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, помимо воли владельца счета, тайно и умышленно, из корыстных побуждений, похищали денежные средства путем незаконного их перевода со счетов банковских карт потерпевших на подконтрольные Ж. счета банковских карт [7].

В целях выявления рассматриваемых преступлений и их профилактики следует определить, какие черты личности приводят к преступному поведению в интернете [8]. В основном авторы классифицируют криминальные группы населения в зависимости от уровня владения компьютером:

1. Хакеры. Лица с развитыми техническими способностями для совершения данного вида преступлений, такие как программисты, операторы терминалов, эксперты по безопасности компьютерных систем, системные администраторы и другие лица, обладающие значительным опытом в использовании компьютерных технологий. Хакеров часто воспринимают как людей с развитыми техническими способностями, но они приносят в работу гораздо больше, чем умение работать с компьютером. Они используют свой опыт, чтобы мыслить творчески и решать проблемы новыми и инновационными способами, расширяя границы возможного. Их присутствие может быть особенно ценным во многих отраслях, от кибербезопасности до онлайн-торговли, помогая компаниям опережать события и принимать более обоснованные решения. В итоге хакеры дают колоссальные знания, которые помогают приблизить светлое будущее для всех.

2. Пользователи. Правонарушители, которые не обладают значительными знаниями, но все-таки совершают мошенничество, используя поверхностные знания и приобретенные программные средства, электронные устройства [9].

Изучение судебных решений показало, что большинство лиц, совершивших экономические киберпреступления, не имеют постоянной работы, 51 % из них оказываются в этой категории. Как правило, их признают виновными в мошенничестве (по ст. 159.3 и 159.6 УК РФ). Остальные 49 % — это в основном работники низшего и среднего звена (продавцы как в обычных, так и в интернет-магазинах), иногда чиновники (бухгалтеры) и IT-специалисты (персонал компьютерных кафе, инженеры-программисты, старшие техники-программисты).

По мнению В. В. Коломина, интернет-мошенников можно разделить на три группы, в зависимости от их квалификации: представители обычного типа действуют в поверхностном интернете (например, через каналы мобильной связи или сайты социальных сетей); продвинутых мошенников можно найти в «даркнете», они исследуют утечку данных для вымогательства денег; наконец, такие, которые специализируются на схемах fly-by-night или букмекерских конторах [10].

Профессионалы — это мошенники, занимающие теневую сферу и работающие в одиночку, их возраст неизвестен, поскольку информация отсутствует. У них много свободного времени, и их метод работы — обманывать себе подобных, распространяя мошеннические планы. Их атаки целенаправленны, и они ищут бреши в системе безопасности финансовых учреждений для осуществления противоправной деятельности, повышая уровень латентной преступности.

При изучении различных типов киберпреступников можно выделить две отдельные группы: хакеры и корыстные преступники. Указанные категории

не являются взаимоисключающими: среди корыстных киберпреступников — и хакеры, и обычные мошенники. Аналогично среди хакеров можно встретить как корыстных, так и бескорыстных (например, таких, которые действуют с учетом мотива вандализма).

Исходя из места совершения преступления, людей можно в целом определить как принадлежащих к трем различным классам преступников. Одни активны только в виртуальном пространстве: их преступные наклонности сформировались в крайне нелегальной среде киберпространства, поэтому, устранив плохие элементы, возможно, они не представляют существенной опасности для общества по сравнению с реальными преступниками.

Преступное поведение других разделено между физической и цифровой сферами: такие преступники обычно имеют более укоренившуюся преступную психологию, на которую не оказывает сильного влияния их киберсреда. Наконец, третьи — преступники, ранее совершавшие преступления в некибернетической сфере, но в настоящее время занимающиеся киберпреступностью. Данная категория преступников появилась благодаря технологическому прогрессу, позволяющему им получать доступ к различным видам информационных ресурсов. Поскольку многие из них обладают эффективными организационными возможностями, они привлекают специализированную помощь, концентрируя свои усилия на увеличении прибыли и укреплении собственной власти [11].

Нельзя не обратить внимание на психологическую составляющую онлайн-преступлений. Поскольку жертва не может видеть преступника или взаимодействовать с ним лично, невозможно определить его возраст. Таким преступником может быть несовершеннолетний или даже студент, но в качестве преступника может выступать и пожилой человек. Специалисты в области криминалистики подразделяют тех, кто совершает подобные преступления с помощью кибертехнологий, на определенные категории: компьютерные преступники, «белые воротнички», компьютерные шпионы и хакеры/программисты по принуждению [12]. Разнообразие мотивов и целей, стоящих за преступлениями этой категории, очень велико, и чаще всего ими движет корысть. Иными причинами могут быть возмездие, вражда, вандализм, желание нанести ущерб деловой репутации конкурента, розыгрыш или сокрытие другого правонарушения.

Н. Н. Фетодов предлагает при формировании образа преступника, использующего компьютерные технологии, исходить из того, что его понимание методов и приемов является осознанным и высоким. Таких преступников он называет «хакерами», «инсайдерами», «белыми воротничками», «электронными бизнесменами», а тех, чьей мотивацией служит антисоциальная психопатия — «анти-социальным типом».

С точки зрения криминологической типологии лица с профессиональным опытом или привычкой составляют большинство преступников, а неустойчивый тип появляется редко; халатные или случайные типы практически не встречаются. Если речь идет о личности правонарушителя, необходимо учитывать и внутренние, и внешние факторы. Внутренняя сторона проявляется через социально-психологические черты и атрибуты человека в его взаимодействии с социальным миром. Внешние элементы проявляются через антисоциальное поведение индивида.

Таким образом, указанные два аспекта тесно переплетены между собой. Чтобы составить полное представление о личности преступника, мы должны рассмотреть тип преступления, совершенного с применением современных технологий. Для совершения такого рода преступлений необходимо не только обладать определенными знаниями и навыками, но и уметь их использовать, совершенствоваться,

оставаясь в курсе достижений информационных технологий; такие возможности, как правило, существуют лишь в крупных городах или региональных столицах, в которых внедрены современные достижения.

В крупных, развитых городах страны компьютерные преступления совершают в основном представители IT-персонала (59,3 %). Зачастую эти люди имеют достойное материальное положение, перспективную карьеру и не испытывают материальных трудностей. Тем не менее они решают участвовать в преступной деятельности, которая приводит к потерям для тех, кто происходит из более бедных слоев населения. Безработные и студенты составляют меньший процент киберпреступников — 28,3 % и 11,4 % соответственно. Такие преступники обычно имеют высокий уровень образования (у многих из них высшее или неоконченное высшее образование), что говорит об их потребности в специальных знаниях и навыках программирования. Это значительно больше, чем у других типов преступников, что говорит об их технической «подкованности».

Как известно, большинство преступных действий совершают мужчины. Тем не менее наблюдается стремительный рост количества женщин в определенных профессиях (речь идет о секретарской работе, бухгалтерских и канцелярских задачах). Это можно объяснить отсутствием «компьютеризации» среди пожилых людей, а также тем, что компьютерную грамотность прививают детям с ранних лет. К наиболее плодотворным возрастным группам для преступной деятельности отнесены лица в возрасте от 16 до 25 лет и от 26 до 35 лет соответственно. Современные исследователи активно изучают личности тех, кто совершает так называемые традиционные преступления с применением современных технологий.

Р. И. Дремлюга исследует личности совершающих интернет-преступления. Он обнаружил, что большинство преступников — мужчины 18–24 лет. Кроме того, 80 % среди них не имели судимостей, и они сопротивляются обнаружению правоохранительными органами. Основной мотивация этих преступлений — денежная выгода, хотя месть, озорство и самоутверждение также сыграли свою роль в 22 % случаев. Большинство из таких людей не получили образования в области современных компьютерных технологий; а вместо этого они обучаются на интернет-ресурсах [13].

Как правило, они не имеют криминального прошлого и охотно принимают на себя ответственность за свои действия. Несмотря на признание своей вины, такие люди часто не осознают преступность допущенных поступков. Это качество представлено как вероятностная модель, а не как абсолютная истина. В современных условиях данные виды преступлений совершают лица из разных слоев общества в разных регионах России, что затрудняет формирование точного «словесного портрета» преступника.

Ю. Р Орлова и О. Н. Гусева утверждают, что любое преступление в итоге определяется прошлым опытом человека, который формирует его взгляды и поведение в определенных конфликтных ситуациях, что впоследствии приводит его к опасным решениям. Наконец, исследование А. Х. Боташевой показало, что типичные преступники — мужчины (79 %) 35–40 лет (30 %), которые женаты (66 %) и имеют высшее образование (52 %) [14].

Упомянутые выше качества направлены на лиц, разбирающихся в новейших информационных технологиях. Преступники в данной сфере используют сложные и комбинированные стратегии, специализируются на вопросах из области финансов и экономики, понимают нюансы банковского рынка, знают банковские скоринговые системы, а также инструменты оценки кредитоспособности заемщика. Все это говорит о том, что преступники либо имеют опыт работы в банковском секторе, либо интенсивно изучали его. Это свидетельствует и о высокой

степени интеллекта, проницательности преступника, что подтверждается исследованиями [15].

Анализ данных уголовных дел и приговоров позволяет предположить, что существует общий профиль для данного типа преступников. Мужчины чаще вовлечены в эту деятельность, чем женщины, а их возраст обычно колеблется между 20 и 40 годами. Интеллектуальные способности этих преступников обычно умеренны или низки, о чем свидетельствуют их методы, используемые для планирования, осуществления и сокрытия преступлений.

Их знания в области компьютерного оборудования и программного обеспечения, как правило, ограничены. Они часто являются самоучками. Основным мотивом таких действий обычно служит жадность, к тому же значительную долю из них составляют люди, ранее совершавшие традиционные преступления. Этот вид незаконной деятельности связан с использованием компьютеров, компьютерных сетей или сетевых устройств в незаконных целях. Она может быть организована бандами или может осуществляться отдельными лицами, находящимися в местах лишения свободы.

Приведем пример. В период нахождения Г. в Исправительной колонии Управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) России у него возник умысел, направленный на мошенничество. Г. получил доступ к мобильному устройству сотовой связи (смартфону с сим-картой мобильного оператора) и осуществлял при помощи данного устройства выход в сеть Интернет, посредством которой при помощи неустановленного стороннего вредоносного программного обеспечения для операционной системы «Андроид», путем ввода, модификации компьютерной информации и иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки компьютерной информации, получил удаленный доступ к отдельным функциям указанной операционной системы и, соответственно, доступ к мобильному устройству сотовой связи — смартфону, принадлежащему потерпевшему Ф. Тем самым Г. совершил несанкционированный перевод, то есть хищение денежных средств, с банковского счета банковской карты, открытого на имя Ф. в отделении Центрально-Черноземного банка ОАО «Сбербанк России», на банковский счет банковской карты, открытый на имя Ж. в структурном подразделении Сибирского банка ОАО «Сбербанк России», не посвящая последнюю в свой преступный умысел. Продолжая реализацию преступного умысла, направленного на хищение чужого имущества, находясь в Исправительной колонии, Г. в дневное время, используя неустановленное стороннее вредоносное программное обеспечение для операционной системы «Андроид», получил удаленный доступ к отдельным функциям указанной операционной системы и, соответственно, доступ к мобильному устройству сотовой связи, принадлежащему Ж.; совершил несанкционированный перевод денежных средств с банковского счета на банковский счет банковской карты, открытый на имя Д. в Среднерусском банке ОАО «Сбербанк России», не посвящая последнюю в свой преступный умысел.

С целью незаконного распоряжения похищенными денежными средствами Г., находясь в вышеуказанной колонии, используя мобильную связь, обратился к Д. с просьбой снять со своего банковского счета перечисленные при указанных выше обстоятельствах наличные денежные средства и потратить их в корыстных целях Г. При этом Д., которая не была посвящена в преступный умысел Г., по просьбе последнего, через банкомат осуществила снятие наличных денежных средств, поступивших на вышеуказанный банковский счет и распорядилась ими в корыстных целях Г. Тем самым Г. похитил принадлежащие гражданину Ф. денежные средства путем ввода, модификации компьютерной информации

и иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки компьютерной информации, причинив гражданину Ф. значительный ущерб [16].

Процент преступников-рецидивистов в категории имущественных преступлений ниже 7 %, но наблюдается рост на 0,7 %. Необходимо обратить внимание на эту социальную группу, поскольку сложность борьбы с рецидивной преступностью заключается в том, что такие правонарушения, как правило, имеют высокую степень латентности, часто из-за жертв, которые нарушают существующие законы. Этим в итоге могут воспользоваться преступники.

Характеристики лиц, совершающих преступления с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, значительно расширяют вероятностную модель такой преступной деятельности. Это особенно важно для криминалистики, поскольку личность преступника приобретает уникальное значение по сравнению с другими областями.

Знания о мотивах и целях преступника, его попытках скрыть улики, поведении до и после совершения преступления могут быть использованы для совершенствования методов расследования, если речь идет о мошенничестве с применением цифровых средств. Сложно угнаться за темпом развития информационных технологий. Именно благодаря этому возникают особенности преступлений в сфере информационной безопасности: трудоемкое доказательство вины того или иного лица, усложненный поиск улик, отсутствие свидетелей позволяют киберпреступникам часто оставаться в тени [17].

Для эффективного противодействия компьютерной преступности необходимо определить ее причины. К. Н. Евдокимов выделяет следующие причины киберпреступности в России [18].

Социальные:

- широкое использование технологий в России, включая расширение компьютерных систем, информационных сетей, услуг и электронного документооборота;
- необходимость доступа населения к информационным услугам по легальным каналам в связи с более низким уровнем жизни.

Экономические:

- недобросовестная конкуренция среди производителей программного обеспечения и антивирусов;
- быстрая и легкая прибыль для преступников за счет манипуляций с ресурсами компьютеров и корпоративных сетей.

Политические:

- недостаточный государственный контроль над киберпространством и цифровыми медиа;
- использование кибероружия между враждующими странами (геополитическая причина).

Правовые:

- несовершенство российского законодательства в сфере борьбы с компьютерными преступлениями;
- несовершенство судебной практики (например, отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации и наказания за преступления в сфере компьютерной преступности);
- недостатки в работе следственных органов (по статистике, значительное количество уголовных дел прекращают на стадии предварительного следствия);
- недостатки в деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Причины преступной деятельности не могут быть реализованы или установлены без определенных условий. В контексте изложенного выше выявлены следующие обстоятельства, способствующие совершению киберпреступлений:

- недостаточная грамотность в области информационных технологий;
- отсутствие комплексной государственной политики в отношении информационной безопасности;
- отсутствие лиц, ответственных за безопасность данных и их защиты от несанкционированного доступа.

Хотя это далеко не полный список потенциальных причин киберпреступности, все-таки существует необходимость в их лучшем понимании. Очевидно, что для надлежащего решения и предотвращения киберпреступлений в России целесообразно активно развивать международное сотрудничество и участвовать в соответствующих конвенциях относительно преступлений в сфере компьютерной информации.

Конвенции должны регулировать противодействие незаконному доступу к электронной информации, незаконному вмешательству, производству/распространению вредоносного программного обеспечения, контрабанде устройств и их краже. Кроме того, с развитием технологий изменяется и законодательство, а значит, его необходимо ежегодно пересматривать. На наш взгляд, очевиден тот факт, что наиболее значимыми причинами и обстоятельствами рассматриваемых преступлений являются социальные и правовые.

Выводы

В целом исследование показало, что с ростом нашей зависимости от технологий растет и количество преступлений в сфере информационных технологий, создавая значительные последствия как для предприятий, так и для частных лиц. Сегодня особенно важно, чтобы все предпринимали шаги по обеспечению своей цифровой безопасности, используя надежные пароли и обновляя свои компьютеры последними обновлениями безопасности. Принятие таких превентивных мер снизит риск, исходящий от преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Как показывают результаты исследования, в структуре таких преступлений наиболее распространены мошенничества. Важнейшими факторами, влияющими на распространение таких преступлений, служат личностные особенности преступников и их жертв. Недостаток информационно-коммуникативной компетенции, правовая безграмотность, излишняя доверчивость, корысть и другие особенности личности могут сделать человека жертвой рассмотренных преступлений.

В современных условиях очень важно, на наш взгляд, изучать не только способы совершения преступлений с применением информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, но и их причины, личность преступников, прежде всего особенности жертв преступлений. Безусловно, активная работа с потенциальными жертвами может предотвратить многие преступления. Необходимо в связи с этим разрабатывать и проводить разнообразные мероприятия просветительского характера, используя опыт сотрудников правопорядка, а также достижения психологии и педагогики. Населению в профилактических целях нужно рассказывать о рисках стать жертвой, используя разнообразные источники информации, учитывая психологические особенности определенных категорий людей, связанных с возрастом, образованием и видом их деятельности. Очевидно, что это существенно повысит эффективность противодействия исследованным нами в статье преступлениям и будет способствовать их предупреждению.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 21.03.2023).
2. Состояние преступности в России // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 21.03.2023).
3. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 г. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, 2022. 66 с.
4. Расширенное заседание коллегии МВД России. Выступление Президента РФ В. В. Путина // Администрация Президента России: офиц. сайт. 2022. 17 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 28.03.2023).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2023 г. // МВД России: офиц. сайт. 2023. 20 февраля. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35919430/> (дата обращения: 28.03.2023).
6. *Летелкин Н. В.* К вопросу об определении понятия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. ст. по материалам XV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 января 2018 г.). М.: Проспект, 2018. С. 617–619.
7. Приговор Сыктывдинского районного суда Республики Коми от 5 мая 2016 г. по делу № 1-66/2016 // Правосудие: госуд. автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 15.04.2023).
8. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева, О. П. Грибунов, В. А. Сергеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 301–312. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).301-312
9. *Косенко А. Н., Черный Г. А.* Общая характеристика психологии киберпреступника // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 87–94.
10. *Коломинов В. В.* Мошенничество в сфере компьютерной информации как объект криминалистического познания // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2. С. 153–160.
11. *Юрова К. И., Гаврилина В.* Виды мошенничества в сети Интернет // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 23 ноября 2016 г.) / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 55–57.
12. *Крылов В. В.* Информационные компьютерные преступления: учеб. и практ. пособие. М.: Инфра-М: Норма, 1997. 276 с.
13. *Дремлюга Р. И.* Интернет-преступность: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 240 с.
14. *Боташева А. Х.* К вопросу о личности преступника, совершающего мошенничество в банковской сфере // Общество и право. 2009. № 2. С. 96–100.
15. *Рогова Н. Г.* Отграничение мошенничества от преступлений в сфере экономической деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 2. С. 98–99.
16. Приговор Коломенского городского суда Московской области от 28 апреля 2016 г. по делу № 1-7 В/16 г. // Правосудие: госуд. автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 15.04.2023).
17. *Шапошников А. А.* Криминологическая характеристика личности киберпреступника // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2018. Т. 5. № 3-4. С. 58–63.
18. *Евдокимов К. Н.* Причины компьютерной преступности в современной России // Российский следователь. 2015. № 3. С. 33–37.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed on 21.03.2023). (In Russ.).
2. The state of crime in Russia. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (accessed on 21.03.2023). (In Russ.).
3. State of crime in Russia for January-December 2021. Moscow: Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022. 66 p. (In Russ.).
4. Extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Speech by the President of the Russian Federation V.V. Putin. Official website of the Administration of the President of Russia. Feb. 17, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (accessed on 28.03.2023). (In Russ.).
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January 2023. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Feb. 20, 2023. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35919430/> (accessed on 28.03.2023). (In Russ.).
6. Letelkin N.V. On the issue of defining the concept of crimes committed using information and telecommunication networks (including the Internet). In: Criminal law: Development strategy in the 21st century. Proc. 15th Int. sci.-pract. conf. (Moscow, January 25-26, 2018). Moscow: Prospekt; 2018:617-619. (In Russ.).
7. Verdict of the Syktyvdinsk District Court of the Komi Republic dated May 5, 2016 in case No. 1-66/2016. Pravosudie. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
8. Avdeev V.A., Avdeeva O.A., Gribunov O.P., Sergevnin V.A. Punishment in the system of criminal law measures of counteracting corruption: Interaction of legal systems in the conditions of international life's globalization. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* = *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2016;10(2):301-312. (In Russ.). DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).301-312
9. Kosenko A.N., Cherniy G.A. General characteristic of a cybercriminal's personality. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* = *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2012;(3):87-94. (In Russ.).
10. Kolominov V.V. Swindle in the field of computer information as object of criminalistics cognition. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* = *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 2015;(2):153-160. (In Russ.).
11. Yurova K.I., Gavrulina V. Types of fraud on the Internet. In: Modern technologies: Current issues, achievements and innovations. Proc. 3rd Int. sci.-pract. conf. (Penza, November 23, 2016). Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2016:55-57. (In Russ.).
12. Krylov V.V. Information computer crimes. Moscow: Infra-M; Norma; 1997. 276 p. (In Russ.).
13. Dremlyuga R.I. Internet crime. Vladivostok: Far Eastern University Publishing; 2008. 240 p. (In Russ.).
14. Botasheva A.Kh. On the issue of the identity of the criminal who commits fraud in the banking sector. *Obshchestvo i pravo* = *Society and Law*. 2009;(2):96-100. (In Russ.).
15. Rogova N.G. Differentiation of swindle from crimes in economic activities sphere. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vector of Science of Togliatti State University*. 2010;(2):98-99. (In Russ.).
16. Verdict of the Kolomna City Court of the Moscow Region dated April 28, 2016 in case No. 1-7 B/16. Pravosudie. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (accessed on 15.04.2023). (In Russ.).
17. Shaposhnikov A.A. Criminological profile of a cybercriminal. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* = *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*. 2018;5(3-4):58-63. (In Russ.).
18. Evdokimov K.N. Causes of cyber crime in modern Russia. *Rossiiskii sledovatel'* = *Russian Investigator*. 2015;(3):33-37. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Аникаева — главный специалист; 656011, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 106;

И. Н. Бобровничай — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических, гуманитарных и специальных дисциплин; 185005, Республика Карелия, Петрозаводск, Онежской флотилии ул., д. 51.

Information about the authors

O. V. Anikayeva — chief specialist; 106 Lenina Ave., Barnaul, Altai Territory, 656011, Russia;

I. N. Bobrovniychiy — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Economic, Humanitarian and Special Disciplines; 51 Onega flotilla st., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 23.08.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 23.08.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 34.04

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-578-585

Подготовка Свода законов Российской империи — этап систематизации отечественного законодательства, регламентирующего гражданско-правовые отношения

Мария Владимировна Савельева^{1✉}, Андрей Михайлович Тарасевич²,
Константин Юрьевич Ходот³

¹ Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ savelevamv@internet.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6322-4883>

² onlymao31@gmail.com

³ Khodot.konstantin@mail.ru

Аннотация. В статье охарактеризован этап подготовки одной из первых составных частей Свода законов Российской империи — уложения, регулирующего гражданские отношения подданных Российской империи в XIX веке — в условиях нестабильной внешнеполитической ситуации. Целью исследования является изучение отечественного опыта систематизации норм права, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения. В исследовании применены сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Доказана возможность использования отечественного опыта развития юридической техники при решении вопросов кодификации российского законодательства с учетом национальных традиций. Обосновано положение о том, что при составлении плана систематизации российского законодательства, в частности гражданско-правовых норм, М. М. Сперанский не только учитывал особенности развития национального права, но и использовал правовой прецедент, закрепив его в общей правовой системе в виде нормы права.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Свод законов, гражданское законодательство, юридическая техника, систематизация законодательства

Для цитирования: Савельева М. В., Тарасевич А. М., Ходот К. Ю. Подготовка Свода законов Российской империи — этап систематизации отечественного законодательства, регламентирующего гражданско-правовые отношения // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 578–585. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-578-585>

Original article

Preparation of the Code of Laws of the Russian Empire — the stage of systematization of domestic legislation regulating civil-law relations

Maria V. Saveliyeva^{1✉}, Andrey M. Tarasevich², Konstantin Yu. Khodot³

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ savelevamv@internet.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6322-4883>

© Савельева М. В., Тарасевич А. М., Ходот К. Ю., 2023

² onlymao31@gmail.com

³ Khodot.konstantin@mail.ru

Abstract. The article characterizes the stage of preparation of one of the first constituent parts of the Code of Laws of the Russian Empire — a code regulating civil relations of the subjects of the Russian Empire in the XIX century — in the conditions of unstable foreign policy situation. The purpose of the research is to study the domestic experience of systematization of legal norms regulating property and personal non-property relations. Comparative-legal and historical-legal methods are applied in the study. The possibility of using the domestic experience in the development of legal technique in solving the issues of codification of Russian legislation taking into account national traditions has been proved. The position that when drawing up the plan of systematization of the Russian legislation, in particular civil-law norms, M. M. Speransky not only took into account the peculiarities of the development of national law, but also used legal precedent, fixing it in the general legal system in the form of a rule of law is substantiated.

Keywords: M. M. Speransky, Code of Laws, civil legislation, legal technique, systematization of legislation

For citation: Savelieva M.V., Tarasevich A.M., Khodot K.Yu. Preparation of the Code of Laws of the Russian Empire — the stage of systematization of domestic legislation regulating civil-law relations. *Sociology and Law. 2023;15(4):578-585.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-578-585>

Введение

Проблема систематизации правовых норм, регулирующих гражданско-правовые отношения, является одной из ключевых для современного российского законодательства. В 2009 г. Советом при Президенте Российской Федерации (РФ) по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства разработана и одобрена Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [1]. В Концепции речь шла о том, что она «не предполагает ни новую кодификацию отечественного гражданского законодательства, ни даже подготовку новой редакции ГК» [1], и было предложено внести два принципиальных изменения системного характера, относящихся к корпоративным отношениям, а также развернуть систему норм вещного права. Однако с 2009 по 2021 г. только ч. 1 Гражданского кодекса (ГК) РФ подверглась редакции 74 раза [2], а система норм вещного права осталась в прежнем виде. Вместе с тем в научных кругах не прекращаются споры о необходимости кодификации, систематизации и выделения в отдельные нормативные правовые акты раздела 6 ч. 3 «Международное частное право» [3, с. 22–23] и раздела 7 ч. 4 «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» ГК РФ [4, с. 4].

Систематизация законодательства — закономерный процесс в эпоху резкого увеличения числа нормативных правовых актов, содержащих социально значимые правовые предписания. Профессор Д. А. Пашенцев указал, что «успешное развитие современной российской правовой системы невозможно без опоры на глубокое знание отечественных правовых традиций» [5, с. 63]. В этой работе представлена характеристика систематизации гражданско-правовых норм отечественного права Российской империи в XIX веке.

Систематизация гражданско-правовых норм в первой четверти XIX века

Процесс модернизации законодательства, начатый стремившимся к европеизации России Петром I, направлен на юридическое закрепление полно-

мочий монарха, обоснование политического строя, регламентацию деятельности судов и регулирование отношений гражданского и торгового оборота между подданными. Для поиска путей совершенствования законодательства создавались специальные комиссии. Одна комиссия сменяла другую. Попытки улучшить использование растущего количества нормативного материала сводились в основном к адаптации западноевропейских моделей систематизации законодательства к российской правовой реальности без учета особенностей нормативного регулирования в присоединенных национальных окраинах. Характеризуя итоги упорядочивания отечественного законодательства, М. М. Сперанский констатировал, что «деятельность законодательных комиссий была бессистемной, лишенной постоянного плана», «постоянного и твердого движения вперед с колебательными движениями» между «сводным Уложением», основанным на Уложении 1649 г., без исправлений или «сочинения нового уложения»; что все попытки систематизации российского законодательства завершены одинаково: «после пышных и много грозящих планов действие оканчивалось» [6, с. 17]. Как известно, М. М. Сперанский приступил к работе Комиссии составления законов в 1808 г., после Эрфуртской встречи Александра I с Наполеоном. Ознакомившись с трудами и материалами деятельности предыдущих Комиссий, М. М. Сперанский предложил составлять Свод законов не в целом и сразу, как делали его предшественники, а частями и начать с Гражданского уложения. При составлении его проекта М. М. Сперанский прежде всего рассчитывал на помощь французских правоведов Локре и Легра, с которыми познакомился во время пребывания в Эрфурте и которые числились в качестве корреспондентов в Комиссии. Но участие корреспондентов ограничилось лишь обменом несколькими письмами [7, с. 156].

Представленная в 1810 г. на рассмотрение Государственного Совета первая часть Гражданского уложения подверглась критике. Н. М. Карамзин писал: «Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их, и вы дадите нам систему законов» [8, с. 13]. Министр юстиции Д. П. Трошинский обратил внимание на следующее: «Комиссия не имеет права вводить в Отечество законов новых или чуждых, изданных для других стран и народов, образу правления и местному положению России несовместных» [9, с. 5]. Английский философ И. Бентам в письмах Александру I утверждал: «Кодекс по французскому образцу уже у всех на виду. Скажите слово, Государь, и Россия представит свой собственный образец, и тогда пусть Европа судит» [10, с. 730].

Поддавшись негативным общественным настроениям в отношении М. М. Сперанского, постоянным доносам об одобрении им политики Наполеона, пристрастии к Франции и презрению всего русского, император отстранил М. М. Сперанского от участия в законотворчестве. После почти десятилетней опалы, 17 марта 1821 г., М. М. Сперанский получил Высочайшее повеление присутствовать на заседаниях Государственного совета и вновь приступил к работе по кодификации законодательства. Уже 30 сентября 1821 г. М. М. Сперанский представил императору «Обзор работы Комиссии составления законов за 1804–1821 гг.». Он критиковал проект Гражданского уложения, исправленный в его отсутствие, за неясность и неточность слога закона, за повторения и юридические коллизии [11, с. 38].

По высочайшему распоряжению на Комиссию по составлению законов в 1823–1824 гг., кроме исправления проекта Гражданского уложения, возложен ряд указаний: сочинение новых законов и подготовка для рассмотрения в Государственном совете Уголовного уложения, проверка реестров узаконений. При проверке находящихся в комиссии реестров узаконений обнаружены их неполнота

и неточность. Это послужило причиной составления хронологического реестра всех узаконений, вышедших после Соборного уложения 1649 г.

Видимо, осознав отрицательные черты деятельности Комиссии составления законов ввиду отсутствия четкого плана, теоретически обоснованной методики кодификации, М. М. Сперанский подготовил «Изъяснение работ на будущее время 1824–1825» [12]. Документ подробно излагал план работы по составлению законопроектов, порядок классификации и разграничений нормативных правовых документов.

В Санкт-Петербурге, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в личном фонде М. М. Сперанского (ф. 731), хранится писарская копия данной работы, выполненная К. Г. Репинским, личным секретарем М. М. Сперанского. Поставив перед Комиссией задачу систематизировать законодательство Российской империи, М. М. Сперанский разработал следующий план:

«I. Предложить общий реестр законов с отметками разрядов и довести его до настоящего времени.

II. Ревизировать труды первого.

Состав ревизии:

- 1) существо указов разрядов в каком отношении;
- 2) исключение из общего частных указов: «“Частные — личное или случайное дело”, к частным указам отдельный, особый реестр»;
- 3) изложение частных судебных случаев в общем виде. Например, «Указ или Определение Сената о том, что такое-то имение по праву принадлежит такому-то лицу, должно быть изложено в виде общего Закона, на коем сей частный случай был основан» [12].

«Из общего реестра составить частный реестр по разрядам. Таким образом составляется реестр Законов Полицейских, Судебных, Финансовых и пр.» [12], после «составить подробные оглавления на все книги законов начав с нужной книги, а именно: 1) Оглавление Законов Гражданских с принадлежащим к тому оглавлением Устава гражданских присутственных мест, и Устава Гражданского Судопроизводства; 2) Оглавление Законов Уголовных с принадлежащими двумя Уставами» [12].

Учитывая приведенный текст, можно предположить, что М. М. Сперанский при разработке плана систематизации российского законодательства, в частности гражданских правовых норм, не только учитывал особенности развития национального права, но и использовал правовой прецедент, закрепив его в общей правовой системе в виде нормы права. Итогом работы по систематизации правовых норм, регулирующих гражданские правоотношения, стала книга пятая — «Законы гражданские и межевые», которые вошли в т. 10 Свода законов. В книгу пятую Свода законов включены правовые нормы о правах и обязанностях семейственных, об имуществе вообще, а также законы о судостроительстве гражданском, законы межевые и межевое судопроизводство [13, с. 55].

Немецкий исследователь, профессор Кельнского университета, института Римского права Мартин Авенариус в монографии «Римское право в России» характеризует т. 10 Свода Законов как «компиляцию множества действовавших предписаний, накопившихся со времен Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г. и вплоть до последних законов» [14, с. 19]. Ученый утверждает, что «в нескольких местах десятого том Свода Законов отчетливо проявляется влияние зарубежных правопорядков, а вместе с ним и римско-правовой традиции» [14, с. 21]. Следует согласиться с М. Авенариусом в том, что римское право, действительно, повлияло на систематизацию российского законодательства, но лишь в аспекте упорядочивания гражданско-правовых норм.

Соборное Уложение 1649 г. не содержало отдельно гражданско-правовых норм, несмотря на превосходство по объему, в сравнении с общероссийскими судебниками 1497 и 1550 гг. Профессор В. А. Томсинов, характеризуя Соборное уложение 1649 г., обратил внимание на то, что источниками для его создания стали не только статьи, пристойные к «государственным и земским делам», из правил святых апостолов и святых отцов и градских законов «греческих царей»; «прежних великих государей царей великих князей российских и отца его государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указы и боярские приговоры», но и «из Моисеева закона», «из Стоглава», «из Литовского [статута]» [15, с. 9–10]. Гражданские правовые нормы содержатся в различных главах Соборного уложения. С 1649 по 1830 г. общественная жизнь усложнилась, нормы права уже не соответствовали требованиям нового времени.

М. М. Сперанский, составляя Свод Законов, в частности Гражданское Уложение, за основу систематизации взял структуру римского права. Эта гипотеза находит подтверждение в письме императору Александру I. Так, М. М. Сперанский писал: «В источнике своем, т. е. в Римском праве, все уложения всегда будут сходны, но с здравым смыслом, с значением сих источников и коренного их языка, можно почерпнуть прямо из них, не подражая никому и не учась ни в Немецком, ни Французском Университетах» [16]. В черновиках проекта «Свод Законов Земских. Ведение Общее» датированного 1828 г., М. М. Сперанский обратил внимание на следующее: «Цель Свода Гражданских законов, так как и всех сводов вообще, есть представить все законы по сей части существующие, в естественной их связи без повторений и противоречий. Но сего достигнуть невозможно, не пройдя прежде все сии законы в виде историческом. <...> Следовательно, надлежало составить два Свода: один в коем изложены Гражданские Законы в виде историческом со всеми их изменениями, а другой Свод законов в настоящем их действии. Первый представляет, как наши законы образовывались, возрастали, изменялись, а последний представляет то, что в них осталось неизменным и ныне сохраняет свою силу и действие. Оба Свода основаны на одном плане и не только Книги, но и Разделы книг и сами Главы с некоторым такомо необходимым изъятием постановлены в точном соответствии. <...> Свод Законов существующих <...> должен служить собранию Уложения. Для сего он должен иметь два главных свойства: полноту и точность. Для достижения первой цели, при составлении полного оглавления предметов в Свод входящих, с одной стороны, приемлемы были в соображение лучшие в сем роде образцы в Римском, Французском, Прусском и Австрийском законодательствах; а с другой, все попечение, дабы ничего не пропустить, что в наших Законах к Гражданскому порядку отнести может» [16].

По-видимому, М. М. Сперанский стремился систематизировать русское гражданское законодательство по подобию европейских законодательств, сохраняя национальные правовые обычаи и самобытность общественных правовых регуляторов. Он писал: «Гражданские законы нигде не были произведением умозрения: они везде возникали от дел и случаев. Следовательно, чем более дел, тем жизнь государства была продолжительнее, чем круг его действия обширнее, тем гражданские его законы обильнее, тем состав их полнее. Сто семьдесят восемь лет нашего законодательства есть эпоха весьма короткая в сравнении с другими. Прибавить к сему должно, что другие народы вступили в Гражданскую жизнь с великим наследством: мы, напротив, ничего почти не наследовали от Римлян и весьма мало от Греков. Все богатство наше в сем роде есть наше собственное, благоприобретенное. Справедливее можно дивиться тому, что мы имеем, нежели тому, чего у нас нет» [16].

Выводы

Итак, М. М. Сперанский на этапе систематизации отечественного законодательства, регламентирующего гражданско-правовые отношения, за основу взял форму кодификации римского права, использованную во Французском кодексе 1804 г. Содержанием послужили не только гражданские правовые нормы, использованные в Соборном уложении 1649 г., и последующие нормативные правовые акты, регламентирующие имущественные и личные отношения, но и нормы европейского законодательства, возможно, применимые в отечественном государстве.

Все, о чем речь шла в настоящей статье, требует дальнейших исследований. В частности, сравнения Кодекса Наполеона 1804 г. с проектом Гражданского уложения 1809 г. и Гражданским Уложением 1833 г., а также определения использования норм Псковской судной грамоты, Новгородской судной грамоты, Соборного уложения 1649 г. при составлении т. 10 книги пятой Свода Законов «Законы Гражданские».

Список источников

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (дата обращения: 26.09.2023).
2. Обзор изменений Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/?ysclid=lpqnw75fvp420762002 (дата обращения: 26.09.2023).
3. Международное частное право: учеб. пособие / А. А. Алехина, А. В. Внуков, Ю. А. Лозина [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 176 с.
4. Савельева М. В., Кулаков Н. А. Право интеллектуальной собственности — комплексный институт российской правовой системы // Право интеллектуальной собственности. 2019. № 4. С. 4–7.
5. Пашенцев Д. А. Правовые традиции судебной деятельности в Псковской феодальной республике // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 63–67. DOI: 10.52433/01316761_2022_09_63
6. Сперанский М. М. Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 244 с.
7. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд. Императорской публичной б-ки, 1861. 283 с.
8. Завитневич В. З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование Императора Александра I: речь, произнесенная на годичном акте КДА 26 сентября. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1907. 49 с.
9. Трощинский Д. П. Мнение министра юстиции Трощинского о проекте [гражданского] уложения. М.: Университетская типография, 1859. 24 с.
10. Пытин А. Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Февраль — апрель. С. 730–788.
11. Кодан С. В., Тараборин Р. С. Поиски путей систематизации гражданского законодательства России в первой четверти XIX в. Екатеринбург: Зерцало-Урал, 2001. 44 с.
12. Сперанский М. М. Изъяснение работ на будущее время // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 921.
13. Майков П. М. О Своде законов Российской империи / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, Гарант, 2006. 260 с.
14. Авенариус М. Римское право в России / пер. с нем Д. Ю. Полдникова. М.: Academia, 2008. 156 с.

15. Соборное уложение 1649 года как памятник русский юриспруденции // Соборное уложение 1649 г. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., авт. предисл. и вступительных ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 1–52. URL: https://tomsinov.com/IOGP/tomsinov_v.a-sobornoe_ulozhenie_1649_g.pdf (дата обращения: 26.09.2023).
16. Сперанский М. М. Письмо Александру I. Список с письма Тайного Советника Сперанского к Государю Императору. Январь 1813 г. // ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 2343.

References

1. Concept for the development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation dated 07.10.2009). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (accessed on 26.09.2023). (In Russ.).
2. Review of amendments to the Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/?ysclid=lpqnw75fvp420762002 (accessed on 26.09.2023). (In Russ.).
3. Alekhina A.A., Vnukov A.V., Lozina Yu.A. et al. International private law. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2021. 176 p. (In Russ.).
4. Savelieva M.V., Kulakov N.A. Intellectual property law as a complex institution of the Russian legal system. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti = Intellectual Property Law*. 2019;(4):4-7. (In Russ.).
5. Pashentsev D.A. Legal traditions of judicial activity in the Pskov Feudal Republic. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2022;(9):63-67. (In Russ.). DOI: 10.52433/01316761_2022_09_63
6. Speransky M.M. Projects and notes. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.; 1961. 244 p. (In Russ.).
7. Korf M.A. Life of Count Speransky. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Public Library Publ.; 1861. 283 p. (In Russ.).
8. Zavitsevich V.Z. Speransky and Karamzin as representatives of two political movements during the reign of Emperor Alexander I: Speech delivered at the annual act of the Kiev Theological Academy on September 26. Kiev: I.I. Gorbunov Print.; 1907. 49 p. (In Russ.).
9. Troshchinsky D.P. Opinion of the Minister of Justice Troshchinsky on the draft [civil] code. Moscow: University Print.; 1859. 24 p. (In Russ.).
10. Pypin A.N. Bentham's Russian relations. *Vestnik Evropy*. 1869;(Feb.-Apr.):730-788. (In Russ.).
11. Kodan S.V., Taraborin R.S. Searching for ways to systematize Russian civil legislation in the first quarter of the 19th century. Ekaterinburg: Zertsalo-Ural; 2001. 44 p. (In Russ.).
12. Speransky M.M. Explanation of works for the future. Manuscript Department of the Russian National Library. Fund 731 (M.M. Speransky). Case 921. (In Russ.).
13. Maikov P.M. On the Code of laws of the Russian Empire. Moscow: Zertsalo; Garant; 2006. 260 p. (In Russ.).
14. Avenarius M. Rezeption des römischen Rechts in Rußland. Göttingen: Wallstein Verlag; 2004. 80 p. (Russ. ed.: Avenarius M. Rimskoe pravo v Rossii. Moscow: Academia; 2008. 156 p.).
15. Tomsinov V.A. The Cathedral Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence. In: Tomsinov V.A., comp. The Cathedral Code of 1649. Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich. Moscow: Zertsalo; 2011:1-52. URL: https://tomsinov.com/IOGP/tomsinov_v.a-sobornoe_ulozhenie_1649_g.pdf (accessed on 26.09.2023). (In Russ.).
16. Speransky M.M. Letter to Alexander I. A reproduction from the letter of Privy Councilor Speransky to the Sovereign Emperor. January 1813. Manuscript Department of the Russian National Library. Fund 731 (M.M. Speransky). Case 2343. (In Russ.).

Информация об авторах

М. В. Савельева — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбУ МВД РФ; 198206, Санкт-Петербург, летчика Пилютова ул., д. 1; доцент кафедры гражданского права и процесса СПбУТУиЭ; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. М. Тарасевич — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

К. Ю. Ходот — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

M. V. Savelieva — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, SPbU MIA of Russia; 1 lyotchika Pilyutova st., St. Petersburg 198206, Russia; Associate Professor at the Department of Civil Law and Process, UMTE; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

A. M. Tarasevich — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

K. Yu. Khodot — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 001.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-586-595

Безопасность как синтетическая научная категория

Алексей Валерьевич Далинин^{1✉}, Вадим Дмитриевич Кучеров²,
Олег Игоревич Окунев³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ marchenkovspb@mail.ru✉

² vadinkuchеров@mail.ru

³ o.oleg.i90@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные концепции (школы) безопасности, представленные в литературе, и показано, что в их рамках формировалось разное понимание термина «безопасность». Утверждается, что на смену монореферентной модели Б. Бьюзена и бинарной системы безопасности государства и общества О. Вейвера приходит понимание триады безопасности, организованной от государства до человека через общество. Тем самым, согласно авторской позиции, переосмысленная концепция безопасности учитывает не только государства и их соответствующие отношения, но также отношения между личностью, обществом и государством, их пересекающееся восприятие угроз, которые стали многообразными и разнонаправленными. Соединение этих подходов обогащает наше понимание безопасности, приводит к выводу о том, что безопасность сегодня — это комплексная (синтетическая) научная категория, являющаяся теоретико-методологической основой познания и выделения ряда родовых понятий: «национальная», «общественная», «экологическая» и иная безопасность. По мнению авторов, необходимо концептуализировать понятие «безопасность», рассматривая его как систему рационального управления страхами и угрозами (посредством мер различного характера, определенных в нормативных правовых актах для каждого сектора и референтного объекта, последовательно реализуемых государственными и негосударственными акторами.

Ключевые слова: безопасность, экологическая безопасность, личная безопасность, виды безопасности, уровни безопасности

Для цитирования: Далинин А. В., Кучеров В. Д., Окунев О. И. Безопасность как синтетическая научная категория // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 586–595. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-586-595>

Original article

Safety as a synthetic scientific category

Alexey V. Dalinin^{1✉}, Vadim D. Kuchеров², Oleg I. Okunev³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ marchenkovspb@mail.ru✉

² vadinkuchеров@mail.ru

³ o.oleg.i90@mail.ru

Abstract. This paper the main concepts (schools) of security presented in the literature were analyzed, and it is shown that within their framework a different understanding of the term “security” was formed. It is noted that the monoreference model of B. Buzen and the binary

© Далинин А. В., Кучеров В. Д., Окунев О. И., 2023

security system of the state and society of O. Waver are being replaced by an understanding of the triad of security organized from the state to the person through society. Thus, the rethought concept of security takes into account not only States and their respective relationships, but also the relationship between the individual, society and the State and their overlapping perceptions of threats, which have become diverse and multidirectional. The combination of these approaches enriches our understanding of security, leads to the conclusion that security is now a complex (synthetic) scientific category, which is the theoretical and methodological basis for cognition and identification of a number of generic concepts: “national”, “public”, “environmental” and other security. According to the position of the authors, it is necessary to conceptualize the concept of “security” and consider it as a system of rational management of fears and threats (through various measures specifically defined in regulatory legal acts for each sector and reference object, consistently implemented by state and non-state actors.

Keywords: safety, environmental safety, personal safety, types of safety, levels of safety

For citation: Dalinin A.V., Kuchеров V.D., Okunev O.I. Safety as a synthetic scientific category. *Sociology and Law. 2023;15(4):586-595.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-586-595>

Введение

Термин «безопасность» в современном мире присутствует повсеместно. В средствах массовой информации (СМИ), бытовом общении, нормативных правовых актах речь идет об индивидуальной, информационной, экологической, транспортной, трудовой безопасности, безопасности дорожного движения, безопасности пищевых продуктов и т. д. Мы говорим о потребности в безопасности, стремлении к безопасности. Слово «безопасность» кажется очевидным, интуитивно понятным. Вместе с тем, как справедливо полагает Д. В. Ирошников, реальное обеспечение безопасности социума должно базироваться на надежной обоснованной теоретико-методологической концепции [1, с. 8].

Несмотря на значительное количество теорий, идей и мнений, до сих пор общепринятого определения термина «безопасность» не выработано. Проблемы, связанные с трактовкой указанного понятия, обусловлены нечеткостью определения видов и сущности угроз (изменения в международной среде, описываемые термином «глобализация», все больше смещают внимание к невоенным угрозам), неконкретностью перечня референтных объектов (государств, социальных групп, индивидов, транснациональных организаций и др.), а также разногласиями относительно адекватного ответа (меры) на угрозу.

В течение продолжительного времени под влиянием реалистического видения мира складывалось понимание безопасности как вопроса о выживании и предположении экзистенциальной угрозы. Сведенный к проблемам защиты и обороны вопрос безопасности считали привилегированным объектом оборонных и стратегических исследований. Эта традиция сохранялась в период после двух мировых войн и во время биполярности. Однако с конца 70-х гг. XX в. явления глобализации и транснационализации породили необходимость поиска новых подходов к пониманию безопасности. В книге «Люди, государства и страх», впервые изданной в 1983 г., Б. Бьюзен утверждал, что безопасность не ограничивается национальной безопасностью (или государственной безопасностью), а распространяется на новые области, объекты и сектора.

Сегодня существует множество работ, направленных на формирование постреалистического, постструктуралистского, постмодернистского подхода к безопасности как российских, так и зарубежных авторов. Среди них — М. Михалки,

Р. Коэн, К. Бут, В. Джонс, Б. Бузан, О. Вейвер, С. В. Додонова, А. Ю. Галяметдинова, Ю. В. Игнатов, Н. Н. Емельянова, В. А. Ларин, Д. В. Ирошников, И. А. Лазарев, А. С. Прудников.

В настоящей статье на основе историко-правового и сравнительно-правового методов, анализа и теоретического осмысления существующих подходов к пониманию безопасности уточним содержание понятия безопасности и рассмотрим классификацию ее видов на современном этапе развития научной мысли.

Теория

Философские и политические дискуссии о том, что означает слово «безопасность», продолжают со времен Древнего Рима и Греции. В зависимости от эпохи и авторов, безопасность рассматривали в контексте принципа самосохранения, права на жизнь (выживание), права на справедливость. Вместе с тем исследователи склонялись к тому, что безопасность прежде всего составляет сущность и обязанность государства [2, с. 21–22].

Таким образом, подход к пониманию государства как единственного гаранта безопасности для граждан, живущих в его границах, сложился исторически: на протяжении веков, от эпохи раннего Нового времени, от общественного договора Гоббса, созданного государственной монополией, насилию положившего конец состоянию «войны всех против всех», до позиции Дж. Локка, считавшего основной целью государства защиту естественных прав людей (государство легитимизовало свою деятельность и развитие через успешное обеспечение безопасности, внутренней и внешней). Соответственно, безопасность понимали в первую очередь на национальном уровне и определяли как защиту государственного суверенитета.

На протяжении большей части современной истории преобладало мнение о том, что угроза государственной безопасности практически всегда исходит от действий других государств. Следовательно, наращивание вооружений и альянсов считали главным средством для реализации государственных целей по защите национальной безопасности.

С 1974 г. общество постепенно приходит к осознанию того факта, что военная угроза больше не является единственной проблемой безопасности: проблемы, связанные с экологией, мигрантами, международным терроризмом и иными транснациональными преступлениями, риски ввиду развития научно-технического прогресса, нестабильности экономики в условиях глобализации также оказывают влияние на международную безопасность. Сочетание традиционного понимания военной природы угроз безопасности, источником которых служат агрессивные действия государств, с новыми межгосударственными угрозами, порождаемыми негосударственными акторами (международными террористическими группами, транснациональными религиозными движениями, международными криминальными синдикатами и т. п.), проблемами, порождаемыми глобализацией (прозрачностью границ, интернационализацией финансовой системы, экологическими проблемами, притоком мигрантов, размывающих коллективную идентичность), привели к появлению расширенной концепции безопасности, сторонники которой рассматривают безопасность с точки зрения оборонной политики не только от военной, но и иных видов угроз. Расширенная концепция безопасности — собирательный термин, устанавливающий новую архитектуру безопасности и вводящий ряд новых рамочных условий (различные области политики и общественной жизни; слияние внутренней и внешней безопасности и связанную с этим растущую интернационализацию; активное участие негосударственных субъектов).

70–80-е гг. XX в. характеризуются возникновением новых концепций безопасности. К ним отнесены многомерная безопасность (охватывающая невоенные сферы), безопасность на основе сотрудничества (безопасность как результат сотрудничества между государствами) или всеобъемлющая безопасность (безопасность заключается в поддержании независимости государства и его обществ с точки зрения их идентичности по отношению друг к другу) и др. В отличие от классического подхода, сосредоточенного на целостности национальной территории и защите государственных институтов от военной угрозы, в основе этих концепций находятся иные факторы: субъекты (к примеру, безопасность человека), форма угроз (к примеру, экологическая безопасность, социальная безопасность) и ответные меры (к примеру, невоенные коллективные действия).

Подходы к определению термина «безопасность» формируются в рамках различных концепций (школ) безопасности. Среди них — анализ Копенгагенской школы, Уэльской школы и Парижской школы. Представители двух последних школ объединились под названием «Критические исследования безопасности» и принадлежат к разным направлениям научной мысли: от неореализма (М. Айюб) до умеренного конструктивизма (Б. Кроуфорд) и постмодернизма (К. Бут). Они заявляют о том, что хотят порвать с классическим видением безопасности и представить широкий спектр тем, таких как права человека, развитие, гендерные исследования, эмансипация и т. д., подвергнуть сомнению связь между безопасностью и соответствующим ей политическим порядком.

Безопасность, согласно А. Вольферсу, можно трактовать как объективно (существует реальная угроза), так и субъективно (существует предполагаемая, потенциальная угроза либо страх угрозы, независимо от реальности ее существования). Объективистский подход к трактовке безопасности делает акцент, как указывает С. И. Чудинов, на «способности государства представлять угрозу другим или сдерживать врагов, основываясь на своих материальных возможностях» [3, с. 47], то есть в значительной мере оценивает уровень безопасности относительно возможностей военного противостояния. Субъективизм опирается на культурологические, социальные и психологические факторы: безопасность оценивают в контексте психологии страха и когнитивного восприятия человека и социальных групп состояния угрозы, манипуляторного воздействия идентичностью, проведения информационно-психологических атак, ориентированных на дестабилизацию общественной системы, строящейся на основе культурных и моральных ценностей.

Разделение безопасности на объективный и субъективный аспекты с развитием научной мысли признано недостаточным, и оно привело исследователей Копенгагенской школы к созданию теории секьюритизации в рамках дискурсивного подхода. Они утверждают, что рассмотрение безопасности с объективной точки зрения видится не вполне корректным, поскольку остаются неясными критерии оценки реальности угрозы, так как разные государства имеют разные пороговые значения, начиная с которых проблему рассматривают как угрозу. Исходя из этого, становится понятным, что объективный критерий оценки угрозы может привести к искаженным результатам. Вместе с тем безопасность определяют акторы, то есть по своей сути она является субъективным явлением. Однако понятие «субъективный» не в полной мере подходит для описания безопасности как сложного многопланового явления. Отрицательным моментом субъективизации служит тот факт, что действительность наличия угрозы для безопасности обусловлена внутренними социальными отношениями политического субъекта, определяющего безопасность. Таким образом, теория секьюритизации, пытаясь устранить указанные недостатки объективного и субъективного подходов, строится интерсубъективно и социально.

Секьюритизация — процесс, в котором посредством публичного речевого акта субъекта политической власти определенной проблеме присваивают статус так называемой угрозы, и она вводится в сферу, относящуюся к безопасности общества и государства, что позволяет легитимировать применение определенных мер (выходящих за пределы «обычной политики») для ее устранения. Секьюритизация вопроса означает удаление его из обычного политического дискурса и перевод в плоскость принятия срочного решения о применении исключительных мер. Однако, как считают сторонники дискурсивного подхода, решение об успешной секьюритизации принимает не спикер, а аудитория выступления по безопасности. Тем самым становится очевидным, что именно аудитория выступает основой дискурсивной власти («эпистемическим сообществом»).

Таким образом, Копенгагенская школа в рамках теории секьюритизации безопасность рассматривает как явление, существующее в рамках правового поля, поддерживаемое правом граждан (их коллективов) легитимировать предложенную властью проблему в качестве угрозы и в некоторой степени управлять международными политическими процессами. Феномен безопасности Копенгагенская школа предлагает исследовать вне разрыва от интересов человека, переводя безопасность с уровня безопасности государства (государство-центричная концепция, то есть человек отчужден от участия в международных процессах, его личная безопасность вторична) на уровень безопасности человека (социоцентричный подход, то есть безопасность человека приоритетна).

Другое направление в области исследований безопасности — теория эмансипации Уэльской школы, опирающаяся на марксизм с его требованием не только «объяснять мир», но и «изменить его», выдвинутая К. Бутом в начале 90-х гг. XX в. Представители этой теории полагают, что международная безопасность обеспечивается посредством механизмов, содержащихся в бытии и взаимодействии именно индивидов, а не их групп. Государство далеко не всегда защищает свободу и жизнь граждан: значительное количество войн последних лет были не межгосударственными, а гражданскими (Югославия, Сомали, Руанда, Судан). Поэтому исследователи должны фокусировать внимание не на абстрактном государстве, а на людях, составляющих его.

В работах представителей данной школы (К. Бут «Theory of World Security», 2007; В. Джонс «Security, Strategy, and Critical Theory», 1999) обоснован постулат о том, что безопасность в современных условиях не может быть достигнута посредством войн и революций, при доминировании с позиции силы, если безопасность одного актора определена незащищенностью другого. Напротив, система мировой безопасности может быть построена только на принципах свободы личностей и групп, освобождению их не только от войн и военной угрозы, но и от угнетения, бедности, малограмотности, болезней, экологических проблем. Следовательно, в исследуемой теории безопасность выступает как антропологическая необходимость. Осознавая некую утопичность своей концепции, авторы утверждают, что их задача — предложить направление развития, критически относясь к существующим порядкам.

Третье направление критических исследований в области безопасности — теория инсекьюритизации, предложенная Парижской школой (М. Фуко, П. Бурдье, Д. Биго). Представители данного утверждения настаивают на стирании грани между внутренней и внешней безопасностью. Безопасность трактуется как понижение уровня приемлемости угроз; попытка инсекьюритизации ежедневной жизни профессионалами и усиление политического потенциала к действию.

Результаты и обсуждение

Термин «безопасность» (от латинского *securitas* — «быть беззаботным») в доктрине обладает широкой трактовкой. Это разноуровневое понятие, которое включает в себя как отсутствие рисков опасности в целом, так и защиту от опасностей и угроз при их наличии.

В общем смысле безопасность служит объектом междисциплинарной области исследований, ориентированных на оценку, управление или предотвращение рисков в социальных, экологических, экономических или других вопросах. В широком смысле безопасность предполагает сдерживание рисков на уровнях, которые считают нормальными или приемлемыми, с учетом того, что риск не может быть полностью устранен ни в каком контексте; состояние, в котором субъект, индивидуальный или коллективный, не чувствует себя уязвимым, поскольку угроза не существует или он верит в то, что есть средства для ее устранения.

Классическое определение безопасности, сформулированное А. Вольферсом до окончания холодной войны, трактует безопасность как отсутствие угроз субъективным ценностям, которые будут различаться, в зависимости от политики безопасности, проводимой каждым государством [4]. Д. Болдуин уточняет его, говоря о низкой вероятности причинения вреда, поскольку всегда присутствуют элементы, которые невозможно контролировать и которые влияют на безопасность (например, стихийные бедствия) [5].

О. Уэйвер, Б. Бьюзен и ряд других исследователей Копенгагенской школы понимают безопасность как межсубъективный переговорный процесс. Для О. Вейвера безопасность — это самореферентное понятие, для большинства авторов критических исследований безопасности — производное понятие, не имеющее смысла само по себе, зависящее от объекта и атрибутивного значения [6]. А. А. Бартош указывает на то, что широкая трактовка термина «безопасность» предполагает шесть ключевых аспектов: «1) защищенность от рисков, опасностей и угроз либо отсутствие таковых; 2) систему отношений между субъектами, обеспечивающую благоприятные условия для их функционирования и развития; 3) состояние объекта, в котором ему не может быть нанесен существенный ущерб или вред; 4) состояние устойчивого существования (развития) объекта, при которых вероятность нежелательного изменения каких-либо характеристик (параметров) его жизнедеятельности (функционирования) невелика; 5) приемлемый уровень опасности, зависящий от затрат на ограничение действия иницирующих опасность факторов; 6) свойство объекта, характеризующее его способность не причинять другим объектам существенный ущерб или вред» [7, с. 13].

Сегодня термин «безопасность» включен в механизмы правового регулирования, его содержание закреплено нормативно. Так, модельные законы государств — участников СНГ предусматривают безопасность как состояние защищенности от опасностей, угроз, рисков (Модельный закон «О национальной безопасности», постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-5) и как систему мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности от угроз в настоящем и будущем (Модельный закон «Об экологической безопасности», постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 15 ноября 2023 г. № 22-18).

Действующий в настоящее время в России Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в редакции федеральных законов от 5 октября 2015 г. № 285-ФЗ, от 6 февраля 2020 г. № 6-ФЗ, от 9 ноября 2020 г. № 365-ФЗ, от 28 апреля 2023 г. № 155-ФЗ, от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ) не содержит определение термина «безопасность», что, на наш взгляд, является

существенной недоработкой законодателя. В российском законодательстве безопасность определена как состояние защищенности объекта от угроз (п. 10 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», подп. 1 п. 5 раздела 1 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Однако российские исследователи (среди них — Д. С. Велиева, М. В. Пресняков, Г. В. Иващенко) критикуют изложенный в законодательстве подход, поскольку при формулировании определения понятия «безопасность» следует исходить не из «состояния», а из «деятельности»: общественные институты и население должны быть защищены от военных и невоенных угроз, что предполагает сохранение норм, правил, институтов и ценностей общества, при этом для достижения такой цели необходимы сознательные, преднамеренные и определенные действия [2, с. 23].

Проблематика, обусловленная определением видов безопасности, отчасти связана с неопределенностью понятия «безопасность». Хотя по данному вопросу консенсуса не достигнуто, полагаем, более корректно говорить не о видах, а об уровнях безопасности. Анализ научной литературы позволяет выделить три уровня: 1) уровень типов угроз и средств гарантии безопасности (военная, экологическая, социальная, экономическая); 2) пространственный уровень, охватывающий географическую область безопасности (национальная, международная, региональная); 3) уровень субъектов — тех, кто представляет угрозу, и тех, кто поддерживает безопасность.

Последний уровень, в свою очередь, представлен пятью ступенями в соответствии с традиционными объектами анализа в области отношений: 1) международные системы (организации); 2) международные подсистемы, которые могут быть региональными (например, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, ASEAN; Организация африканского единства, ОАЕ) или надрегиональными (Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР; Организация стран-экспортеров нефти, ОПЕК); 3) единицы, в частности государства, нации, транснациональные корпорации; 4) подразделения, в том числе группы лиц внутри единиц, которые владеют ресурсами или пытаются влиять на их поведение (например, политические партии, различные лобби); 5) отдельные физические лица.

Остановимся подробнее на первом уровне. Б. Бьюзен подразделил безопасность на пять секторов: военный, политический, экономический, социальный и экологический [8, с. 219]. Военный сектор относится к военному взаимодействию между государствами в рамках защиты или нападения на государственный суверенитет. Политический — предусматривает организационную стабильность государств, систему правления, идеологию и суверенитет. Экономический — предполагает доступ и контроль над материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для поддержания приемлемого уровня благосостояния. Социальный — связан с вопросами сохранения и поддержания базовых ценностей, таких как язык, культура, религия, национальная идентичность, обычаи и традиции. Экологический — включает в себя проблемы по сохранению природной среды или экосистемы как элемента поддержки иной деятельности человека.

Представленное разграничение безопасности позволяет установить и изучить экзистенциальную угрозу, выработать меры предотвращения. Однако эти пять секторов следует рассматривать во взаимодействии друг с другом.

Обратим внимание на то, что О. Вейвер переосмыслил идею Б. Бьюзена, согласно которой концепция безопасности в пяти секторах всегда относится к государству и его суверенитету как к единственному референтному объекту.

Он выделил два референтных объекта, государство и общество: государственная безопасность, объединяющая политический, военный, экономический и экологический секторы, будет относиться к государству, его суверенитету, а социальная (общественная) безопасность — к обществу, его идентичности.

Вейверрианской бинарной системой безопасности государство/общество не предусмотрено в качестве референтного объекта человеческой личности. Вместе с тем гуманистическое измерение, на которое ориентированы современные государства, позволяет нам воспринимать и анализировать безопасность через три режима, организованные вокруг трех различных полюсов: от государства до человека через общество. С этой точки зрения, национальная безопасность входит в кластер безопасности национального государства в военно-политическом аспекте защиты границ и территориальной, политической, экономической целостности. Социальная безопасность, в свою очередь, относится к способности общества сохранять основные идеологические характеристики в изменяющемся контексте. Безопасность личности тяготеет к благополучию человеческих сообществ через измерения, которые не включены в понятия национальной безопасности или общественной безопасности, а значит, она связана с безопасностью личности как человеческого существа. Следовательно, безопасность начинает рассматриваться не только с точки зрения отсутствия физического насилия, но и с точки зрения гарантии прав, возможностей и качества жизни окружающих, условий, связанных с благополучием и целостным развитием каждого.

Таким образом, следует согласиться с мнением Д. В. Ирошникова о том, что «отождествление законодателем в Федеральном законе “О безопасности” категории “безопасность” и понятия “национальная безопасность” есть теоретическая ошибка» [9, с. 25]. Эти понятия соотносятся как общее и частное. К тому же понятие «безопасность» есть результат взаимопроникновения и взаимовлияния свойств ее компонентов (концепций, уровней, видов, референтных объектов, экзистенциальных угроз и т. п.). Данная общенаучная синтетическая категория выступает теоретико-методологической основой познания и выделения ряда родовых понятий: «национальная», «общественная», «экологическая», другая безопасность. Иное восприятие безопасности будет ограничивать теоретическое осмысление и практическое решение тех или иных проблем обеспечения безопасности.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить три основных концептуальных подхода к пониманию безопасности: а) классический (традиционный), исходящий из приоритета безопасности государства в основном военными средствами; б) экстенсионистский, включающий в себя военные, политические, экономические, социальные и экологические аспекты с антропоцентрическим уклоном; в) критический, который ставит под сомнение два предыдущих, указывая на то, что они основаны на принципе безопасности как объективной реальности, не возражая против ее субъективной природы.

В академической литературе термин «безопасность» определен как деятельность по преодолению (предотвращению) угроз; как совокупность угроз либо как состояние защищенности. Каждый из существующих подходов раскрывает различные аспекты безопасности, что еще раз указывает на сложный, синтетический характер исследуемой научной категории.

Иерархия или система основных ценностей, которые необходимо защищать, могут варьироваться, в зависимости от эпохи и места, как и средства, применяемые для защиты этих ценностей. Представления о том, что означает слово

«безопасность», могут изменяться, в зависимости от структурирующих ценностей, а в более общем плане — в зависимости от культурной среды, которая их формирует и порождает. В настоящее время подходы к определению термина «безопасность» выводят дискурс за рамки традиционных угроз, с которыми сталкивается государство, к угрозам, ориентированным на человека или личность.

Таким образом, переосмысленная концепция безопасности учитывает не только государства и их соответствующие отношения, но и отношения между личностью, обществом и государством, их пересекающееся восприятие угроз, которые стали многообразными и разнонаправленными. С учетом этой точки зрения традиционное понятие безопасности, сводящее безопасность исключительно к безопасности государства и государственного аппарата как такового и для себя самого, постепенно трансформировалось в более широкое понятие «безопасность человеческих сообществ».

Сегодня, с увеличением референтных объектов и видов угроз, безопасность из сугубо политической концепции все больше трансформируется в комплексную (синтетическую) научную категорию. Термин «безопасность» включен в механизмы правового регулирования, его содержание закреплено нормативно. Необходимо концептуализировать понятие «безопасность» таким образом, чтобы не сводить все экологические, социальные, экономические или иные проблемы человечества к категории безопасности.

Полагаем, безопасность целесообразно рассматривать как систему рационального управления страхами (субъективно-иррациональный аспект) и угрозами (объективно-рациональный аспект) посредством мер различного характера, определенных в нормативных правовых актах для каждого сектора и референтного объекта, последовательно реализуемых государственными и негосударственными акторами.

Список источников

1. *Ирошников Д. В.* Безопасность как правовая категория: концептуальная модель: монография. М.: Русайнс, 2023. 454 с.
2. *Корабельникова Ю. Л.* Основные подходы к пониманию безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 18–25. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-18-25
3. *Чудинов С. И.* Проблема объективных и субъективных аспектов безопасности // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 47–50.
4. *Wolfers A.* “National security” as an ambiguous symbol // Political Science Quarterly. 1952. Vol. 67. No. 4. P. 481–502. DOI: 10.2307/2145138
5. *Baldwin D.* The concept of security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 5–26. DOI: 10.1017/S0260210597000053
6. *Юдин Н. В.* Расширение проблематики исследований безопасности // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 60–78. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.6
7. *Бартош А. А.* Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 321 с.
8. *Григорьева К. С.* Теоретические дебаты о секьюритизации и их влияние на разработку программ эмпирических исследований // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 5. С. 217–229. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.15
9. *Ирошников Д. В.* Еще раз о соотношении категории «безопасность» и понятия «национальная безопасность» в правовой доктрине и действующем законодательстве Российской Федерации // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сб. избранных ст. Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 29 сентября 2021 г. / ред. Ю. Ф. Эльзесер. СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2021. С. 22–27. DOI: 10.37539/NB193.2021.15.79.005

References

1. Iroshnikov D.V. Security as a legal category: A conceptual model. Moscow: RuScience; 2023. 454 p. (In Russ.).
2. Korabelnikova Yu.L. Basic approaches to understanding security. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(3):18-25. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-18-25
3. Chudinov S.I. The problem of objective and subjective aspects of security. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2015;(6):47-50. (In Russ.).
4. Wolfers A. "National security" as an ambiguous symbol. *Political Science Quarterly*. 1952;67(4):481-502. DOI: 10.2307/2145138
5. Baldwin D. The concept of security. *Review of International Studies*. 1997;23(1):5-26. DOI: 10.1017/S0260210597000053
6. Yudin N.V. Expanding the scope of security research. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*. 2017;15(1):60-78. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.6
7. Bartosh A.A. Fundamentals of international security. International security organizations. 2nd ed. Moscow: Yurait; 2019. 321 p. (In Russ.).
8. Grigoryeva K.S. Theoretical debate about securitization and its impact on the design of empirical research programs. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*. 2021;10(5):217-229. (In Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.15
9. Iroshnikov D.V. Once again about the relationship between the category "security" and the concept of "national security" in the legal doctrine and current legislation of the Russian Federation. In: National security of Russia: Current aspects. Proc. All-Russ. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, September 29, 2021). St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute "Natsrazvitie"; 2021:22-27. (In Russ.). DOI: 10.37539/NB193.2021.15.79.005

Информация об авторах

А. В. Далинин — заведующий кафедрой уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

В. Д. Кучеров — аспирант кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

О. И. Окунев — аспирант кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. V. Dalinin — Head of the Department of Criminal Law and Procedure, PhD Law, Associate Professor; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

V. D. Kucherov — postgraduate student at the Departments of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

O. I. Okunev — postgraduate student at the Departments of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 31.10.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 347.51

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-596-605

Квинтэссенция принципа добросовестности участников гражданских правоотношений в российском праве

Александр Анатольевич Коверчаковский

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, koverchakovski@bk.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в необходимости дать определение добросовестности участника гражданского оборота, выявить правовую природу принципа добросовестности. Объединяя исследованную этимологическую и законодательную основу добросовестности, автор формулирует определение понятия добросовестности участника гражданского оборота. При этом использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, дедуктивный, сравнительный, абстрагирование. Результаты исследования имеют практическое значение.

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, сотрудничество, общее благо, компромисс, взаимность, цель правоотношений, воля законодателя, правовая природа

Для цитирования: Коверчаковский А. А. Квинтэссенция принципа добросовестности участников гражданских правоотношений в российском праве // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 596–605. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-596-605>

Original article

Quintessence of the principle of good faith of participants of civil legal relations in Russian law

Alexander A. Koverchakovsky

St. Petersburg University of Management and Economics Technologies, St. Petersburg, Russia, koverchakovski@bk.ru

Abstract. The aim of this article is to define the good faith of a participant of civil turnover, to reveal the legal nature of the principle of good faith. Combining the studied etymological and legislative basis of good faith, the author formulates a definition of the concept of good faith of a participant of civil turnover. Such methods of research as analysis, synthesis, deductive, comparative, abstraction are used. The results of the study have practical significance.

Keywords: good faith, principle of good faith, cooperation, common good, compromise, reciprocity, purpose of legal relations, will of the legislator, legal nature

For citation: Koverchakovsky A.A. Quintessence of the principle of good faith of participants of civil legal relations in Russian law. *Sociology and Law*. 2023;15(4):596-605. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-596-605>

Введение

С момента зарождения в отечественном законодательстве первых предпосылок принципа добросовестности участников правоотношений до настоящего времени в юридических научных кругах не утихают споры и обсуждения относительно вопросов о правовой природе данного принципа, которую необходимо изучить и понять для правильного его применения. Следует установить волю законодателя, который внедрил данный принцип в гражданское право в качестве основополагающего звена в целом системы гражданского права.

Принцип доброй совести в Российской империи упоминается в рамках обязательственных отношений в 1899 г. в книге 5 проекта Гражданского уложения Российской империи. В частности, в ст. 65 указано, что договоры должны быть исполняемы по точному их смыслу, доброй совести и намерению сторон. Статья 71 устанавливает, что неисполнение обязательства одной стороной лишь в незначительной части не дает другой стороне права отказаться от исполнения лежащего на ней обязательства, насколько такой отказ, по обстоятельствам дела, не согласуется с доброй совестью [1, с. 230–231]. Разработчики Уложения ориентировались на немецкое право [1, с. 231]. В связи с историческими событиями Гражданское уложение Российской империи не принято [1, с. 234].

Впоследствии прямое указание на принцип добросовестности в Российской Федерации (РФ) прослеживается в разработанной в 2009 г. Концепции развития гражданского законодательства РФ. В п. 6 этой Концепции предложен широкий спектр мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, в том числе введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права с целью обеспечения добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей [2].

В качестве общего принципа российского гражданского права принцип добросовестности нормативно закреплён в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса (ГК) РФ Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3]. Данной нормой права предусмотрено следующее: при установлении, осуществлении, защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно [4].

Теория

Чтобы дать определение принципа добросовестности в гражданском праве, необходимо систематизировать предусмотренные в ГК РФ критерии добросовестности, установленные общими и специальными нормами права. Чтобы определить критерии добросовестности, следует проанализировать специальные и общие нормы ГК РФ, в который включен принцип добросовестности.

Итак, в настоящее время в ГК РФ принцип добросовестности участника правоотношений закреплён в следующих нормах права:

1. Пункт 3 ст. 1 — добросовестность возникает при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, то есть предполагается критерий действия.

2. Пункт 6 ст. 8.1 — добросовестность соотносится с разумностью, так как при приобретении недвижимости полагаться на иной источник, кроме государственного реестра, было бы нецелесообразным.

3. Пункт 1 ст. 10 — недобросовестное осуществление гражданских прав должно быть намеренное. Из этого следует, что ненамеренные (случайные) действия

участника гражданского оборота допустимы в определенных случаях гражданским законодательством. Ненамеренные действия участника правоотношений можно отнести к недобросовестным, но из-за отсутствия умысла такое поведение нивелируется.

4. Пункт 5 ст. 10 — поскольку добросовестность участников правоотношений предполагается, принцип добросовестности должен соответствовать нормальному, общепризнанному, законному правилу поведения. Иными словами, добросовестность участников должна быть в рамках закона и в рамках ожидаемого (предполагаемого) поведения.

5. Пункт 1 ст. 53.1 — критерий добросовестности определен в таком же виде, как и в п. 5 ст. 10: ожидаемое поведение (действия участника соответствуют обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску).

6. Пункт 2 ст. 53.1 — предполагает следующий критерий добросовестности: отказ участника гражданского оборота от предложенного иным лицом противоправного действия. Данный критерий в специальной норме права выступает в качестве оговорки общей нормы права (п. 3 ст. 1), то есть некоторым исключением.

7. Пункт 3 ст. 157 — ухудшение положения участника гражданского оборота, произошедшее вследствие поведения другого участника, действия которого направлены на получение выгоды в свою пользу за счет первого. Данное поведение участника правоотношения служит критерием недобросовестности. Из этого следует противоположный критерий добросовестности: участник правоотношений должен учитывать всегда интересы другого участника этих правоотношений, даже если бы эти интересы не были выгодны ему.

8. Пункт 5 ст. 166 — сокрытие участником гражданских правоотношений перед другим участником обстоятельств, имеющих значение для целей правоотношений, как критерий недобросовестности. Противоположным критерием, то есть критерием добросовестности, выступает честное и открытое доведение участником гражданского оборота необходимой информации для другого участника, который априори полагается на действительное намерение первого достигнуть определенные данными участниками цели и задачи правоотношений.

9. Пункт 1 ст. 302 — отсутствие у участника гражданских правоотношений необходимой достоверной информации о законной возможности реализации достигнутых задач и целей данных правоотношений, которая не могла быть им получена в нормальных (обычных) условиях гражданского оборота, соответствует добросовестному поведению, о чем четко говорится в данной норме права. С учетом доступной информации ввиду фактической невозможности получения иной достоверной информации для реализации доступного права предполагается, что участник правоотношения действует добросовестно.

10. Статья 303 — осуществление противоправных действий (лицо обладает при этом необходимой достоверной информацией для понимания характера данных действий или не обладает этой информацией по своей вине) как критерий недобросовестности. Из этого следует, что, кроме действий, соответствующих закону, добросовестными могут быть признаны действия, хотя и не соответствующие закону, но осуществленные в отсутствие вины субъекта права в неполучении достоверной необходимой информации или при обладании доступной и субъективно достоверной информацией.

11. Пункт 3 ст. 307 — при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения участники правоотношений должны учитывать права и законные интересы друг друга, участники правоотношений должны содействовать друг

другу для достижения цели обязательства, а также предоставлять друг другу необходимую информацию. Данный критерий добросовестности коррелируется с п. 5 ст. 166 в аспекте предоставления информации.

12. Пункт 2 ст. 335 — полностью коррелируется с п. 1 ст. 302.

13. Пункт 2 ст. 434.1 — отсутствие намерения в достижении целей и задач правоотношения как критерий недобросовестности. Критерий добросовестности: при вступлении в правоотношения и их реализации у участника должны быть намерения достижения целей и задач правоотношений. Данная норма коррелирует также с п. 3 ст. 307, п. 5 ст. 166 в аспекте предоставления информации и с п. 5 ст. 10 в аспекте ожидаемого поведения, а также с п. 6 ст. 8.1 в аспекте соотношения разумности с добросовестностью [4].

Некоторые критерии принципа добросовестности можно обнаружить в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В этом Постановлении судом разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей в том числе в получении необходимой информации. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения [5].

Из приведенных норм права и разъяснений Верховного Суда РФ можно выделить следующие критерии добросовестности участника правоотношений:

1. Действие субъекта права или его бездействие, выраженное в отказе от противоправных действий, или, если оно является следствием отсутствия у субъекта необходимой информации для осуществления действий в связи с независимыми от него причинами.

2. Разумное поведение субъекта права.

3. Действия участника правоотношения, ожидаемые другим участником.

4. Действия участника правоотношения в рамках закона. В случае отсутствия у участника правоотношения по независимым от него причинам необходимой информации, которая ему требуется для осуществления своих действий в рамках закона, вытекающие из этого действия или бездействия участника признают добросовестными.

5. Действия участника правоотношения в рамках традиционных общепризнанных стандартов поведения.

6. Соблюдение интересов и прав участника правоотношений другим участником, даже если эти интересы не были бы выгодны ему.

7. Взаимное раскрытие и предоставление участниками гражданского оборота информации для реализации целей и задач возникших правоотношений.

8. Применение возможных законных и доступных способов для получения информации, необходимой для выполнения задач и достижения целей правоотношений.

9. Взаимное содействие участников гражданского оборота для достижения цели обязательства.

10. Намерение и содействие в достижении целей и выполнении задач правоотношений.

В связи с индивидуально-правовой природой возникающих судебных споров указанные критерии при определении добросовестности участника гражданского

оборота могут быть учтены как в совокупности, так и выборочно. Взаимосвязь данных критериев можно проследить дедуктивным способом.

Из общей нормы ГК РФ, связанной с принципом добросовестности, следует, что добросовестность возникает в действиях и рассмотренных выше случаях бездействия участников правоотношений. Поэтому из буквального толкования ГК РФ следует, что именно характер действий или бездействия субъекта права будет определять его поведение как добросовестное или недобросовестное. Характер действий/бездействия отражен в вышеуказанных специальных нормах ГК РФ. Главным, основополагающим критерием добросовестного поведения выступает разумность. Именно разумность является для участников правоотношений ориентиром в поведении, которое должно быть ожидаемо для них. Ожидаемое поведение, в свою очередь, предполагает обыденное действие\бездействие участника правоотношения, направленное на достижение цели правоотношения. При этом двусторонняя ожидаемость предполагает взаимное уважение, соблюдение прав и интересов. Цель правоотношения может быть достигнута его участниками, только если они будут действовать сообща и открыто. Таким образом, принцип добросовестности в ГК РФ можно отразить ключевыми словами в системно-сжатом виде: действие / исключительное бездействие → разумность → ожидаемость → обыденность → взаимность → цель правоотношения.

Для выявления правовой природы принципа добросовестности в гражданском праве следует понимать этимологическое значение данного слова. Этимология слова «добросовестность» содержит два понятия: «добро» и «совесть». По мнению С. А. Бурмистрова, «совесть» означает «совместность» и «ведение», что следует понимать как предположение о наличии множества субъектов, которые с высокой долей вероятности осведомлены о наличии прочих. Разумные начала устойчивого созидательного функционирования сообщества субъектов побуждают их к конструктивному взаимодействию, то есть реализации собственных интересов при соблюдении чужих, что и обозначено словом «добро» [6, с. 137]. Данный этимологический анализ свидетельствует о необходимости признания основополагающим критерием добросовестности в гражданском праве, выраженном в обязательстве участников гражданского оборота учитывать права и интересы друг друга.

Как следует из Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля, добросовестность — это «добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках» [7, с. 1103–1104]. Слово «добросовестный» означает «правдивый, праводушный, честный» (например, старшина, избираемый крестьянами для разбора споров) [7, с. 1105–1106]. Под понятием совести следует понимать «нравственное сознание; нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда в различной степени развития» [8, с. 351–352].

На основе исторического аспекта становления принципа добросовестности в гражданском праве, законодательного и этимологического его толкования в структуре принципа добросовестности прослеживаются такие ее основополагающие элементы, как сотрудничество, общее благо, взаимность, конструктивный диалог и компромисс. Сотрудничеству, по мнению автора, следует уделить особое место в структуре принципа добросовестности, поскольку данный элемент выступает ключевым звеном сохранения и поддержания возникшего правоотношения.

Важная роль сотрудничества в принципе добросовестности объективно выделена другими исследователями. Например, А. Я. Ахмедов пишет, что решение

законодателя о разработке принципа содействия кредитора при исполнении должником обязательств стало очередным проявлением действия в гражданском праве принципа добросовестности. Представляется, что взаимопомощь, сотрудничество и содействие сторонами соглашения друг другу в большей степени способствуют удовлетворению потребностей каждого из субъектов правоотношений [9, с. 35]. Д. С. Алякин соотносит требование сотрудничества сторон правоотношений с честным ведением дел и экономичным исполнением, соблюдение которых способствует пониманию и достижению целей, задач принципа добросовестности применительно к исполнению обязательств сторон правоотношений [10, с. 107].

Результаты и обсуждение

Исходя из вышеприведенного системного толкования принципа добросовестности на основе критериев добросовестности в гражданском праве РФ, можно предложить следующее определение добросовестности в гражданском праве. Добросовестность — это разумное поведение участника гражданского оборота, которое соответствует традиционным и общепризнанным правилам поведения в обществе, ориентированным преимущественно на взаимное соблюдение прав, интересов участниками гражданского оборота и направленным на достижение цели правоотношения.

Суть приведенного определения понятна. Однако завуалированное понятие общепризнанного поведения привело к проблеме неоднозначного использования принципа добросовестности в правоприменительной практике. В привязке принципа добросовестности к общепризнанным правилам поведения (обычаям гражданского оборота) видится угроза социально-контролируемой или воспитательной функции права. Разграничение понятий добросовестности и обычаев гражданского оборота необходимо для установления в социальной среде правильного, или «здорового» поведения, для демонтажа неправильного, то есть «больного» поведения. Понимание принципа добросовестности не должно изменяться, иначе это приведет к релятивизму и использованию его только как инструмента получения выгоды тем, кто его использует.

Принцип добросовестности — это не инструмент права, а фундамент права, который можно только укреплять, но не разбирать или переделывать. Ценности, которые преследует принцип добросовестности, должны быть нерушимыми. Такие ценности в полной мере соотносятся с повышением и укреплением уровня нравственности участников гражданского оборота.

Казалось бы, мы понимаем, что в общественном транспорте нужно уступать место пожилым людям. Но в настоящее время в нашей социальной среде прослеживается иная тенденция. Например, если молодой здоровый человек не уступил место в общественном транспорте пожилому пассажиру, не происходит осуждения среди окружающих людей. Внешне данное поведение становится нормой, общепризнанным правилом, то есть общество его как бы признает. Именно поэтому нельзя добросовестность соотносить с обычаем. Принцип добросовестности в гражданском праве должен не только обладать регулятивной функцией, но и социально контролируемой. Он должен побуждать граждан к добрым поступкам, напоминать о важности добра в мире. Зависимость принципа добросовестности от каких-либо факторов приведет к разрушению ценностей человека, в целях защиты которых и внедряли в закон данный принцип.

Принцип добросовестности должен пропагандировать добро, а не использоваться только в интересах тех или иных лиц. Например, в Веймарской Республике

принцип добросовестности, как генеральная оговорка в Германском гражданском уложении, привязан к определенному объективному стандарту, основанному на идеологии национал-социалистов, и видится в качестве эффективной меры для проникновения данной идеологии в правовую жизнь [1, с. 67].

Похожее применение принципа добросовестности можно наблюдать в российской истории после революционного государственного переворота в 1917 г. В СССР законодательно не был закреплен принцип добросовестности, но он вытекал из целей правового регулирования в СССР [1, с. 362]. Увековечить защиту ценностей общества можно с помощью принципа добросовестности в случае, если у общества появится осознание и понимание истинного значения принципа. Значение принципа добросовестности в законодательстве, как представляется, прежде всего заключается в пропаганде добра.

Определение и сущность добра, в свою очередь, должны быть однозначными и не подменяться чем-то иным. Добро следует понимать как общепризнанное действие во благо другому. Под благом подразумевают материальный или духовный положительный для субъекта блага предмет. В языковом сознании русских писателей, философов и общественных деятелей слово «добро» определено как позитивное нравственное чувство, которое приносит пользу человеку [11, с. 89]. Как следует из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, синонимом слова «добро» служит слово «благо» [12, с. 433]. Под понятием «зло», в свою очередь, следует понимать действие, направленное на разрушение или уничтожение благ человека, то есть действие исключительно во вред человеку. Четкое разграничение таких понятий, как «добро» и «зло», выступает одним из главных принципов устойчивости общества и человеческого существования в целом [13, с. 71]. Зло — это антипод добра. Понимание такого разграничения становится необходимым для понимания принципа добросовестности.

Поскольку мы живем в обществе, а общество может развиваться только на равноправии и взаимности, Верховный Суд РФ в постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 обратил внимание, пожалуй, на главный критерий принципа добросовестности, предполагающий учет каждым участником гражданского оборота интересов и прав друг друга. По мнению автора, этот принцип должен быть закреплен в ГК РФ в качестве основополагающего. Однако участники правоотношений должны учитывать, что их интересы и права не должны причинять вред кому-либо или чему-либо.

Данный критерий принципа добросовестности, по мнению автора, должен стать отправной точкой для оценки поведения участника гражданского оборота.

С учетом изложенного выше этимологического анализа можно заключить, что если добро — это благо для человека, а совесть по отношению к добру — это внутреннее нравственное восприятие такого блага, побуждающее к его сохранению, то во взаимосвязи исследуемых двух понятий образуется элемент неприкосновенности блага человека, то есть благо становится высшей ценностью человека.

На основании этимологического признака добросовестности можно выделить следующее понятие принципа добросовестности в гражданском праве: действие участников правоотношений, направленное на достижение и сохранение общего блага как в равной степени высшей ценности правоотношений. Во взаимоотношениях сторон гражданского оборота благом является только цель взаимоотношений, то есть общее благо. Право по своей природе — это охраняемая государством возможность получения блага, которое по известным причинам может быть ограничено. Поскольку предоставленное соглашением сторон право на что-либо служит гарантией получения общего блага, то стороны должны всесторонне способствовать реализации этого права, то есть действовать в направлении цели

правоотношений. Интересы сторон также не следует относить к благу, поскольку они по своей сути представляются как волеизъявление в получении чего-либо, и не всегда блага.

Поскольку параметры общего блага не всегда можно определить сторонами при заключении соглашения, обращая внимание на интересы сторон, то при установлении общего блага необходимо учитывать в первую очередь самые приближенные интересы участников к общему благу, то есть соблюдать баланс интересов сторон.

Вследствие выявленных в настоящем исследовании структурных элементов принципа добросовестности, таких как сотрудничество, общее благо, взаимность, конструктивный диалог и компромисс, появляется возможность сформулировать более широкое определение добросовестности в гражданском праве. Добросовестность — это поведение участника гражданского оборота, направленное на достижение и/или сохранение общего блага сторон правоотношений, выраженное во взаимном конструктивном компромиссном сотрудничестве. Под сотрудничеством следует понимать намерения и действия сторон, направленных на развитие, поддержание и сохранение возникших между ними правоотношений.

Сотрудничество предполагает, что стороны взаимоотношений будут активно и совместно реализовывать общую цель (благо). Чтобы цель была достигнута, в процессе деятельности необходимо разрешать различные и порой сложные экстраординарные задачи, методы решения которых у сторон могут противоречить друг другу и конфликтовать. Благополучное решение этих задач будет возможным только компромиссными методами, то есть сотрудничество должно быть компромиссным. В свою очередь, к компромиссу стороны должны подходить конструктивно. Конструктивный подход сторон должен быть рассмотрен объективно под каждым его углом, с выявлением здравого смысла и определением равномерного баланса сторон.

Конструктивное компромиссное сотрудничество — основополагающий элемент добросовестности, который служит отправной точкой при оценке поведения сторон правоотношений. Данный элемент предполагает обязательное активное участие сторон правоотношений в разрешении возникших в ходе правоотношений споров и проблем. В случае уклонения субъекта правоотношений от этих общепринятых в хозяйственной и иной деятельности обязательств такой факт следует расценивать как недобросовестное поведение, которое влечет для его субъекта неблагоприятные последствия и вместе с тем засчитывается в пользу другой стороны спора.

Выводы

Системно рассматривая принцип добросовестности в гражданском праве РФ, автор приходит к выводу о том, что, внедряя принцип добросовестности в гражданское право, законодатель пытается закрепить общее ключевое требование конструктивного компромиссного сотрудничества между участниками любых правоотношений во благо достижения их общих потребностей, соответствующих целям правоотношений.

Результаты настоящего исследования имеют практическое значение для применения принципа добросовестности в российском праве, поскольку основные его элементы нами объективно раскрыты, а проблема единообразного подхода в применении данного принципа по-прежнему не решена. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы законодателем в дальнейшем для разработки и внедрения принципа добросовестности в гражданское право.

Список источников

1. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. 388 с.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/?ysclid=lq3g77esdi25446670 (дата обращения: 20.06.2023).
3. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/?ysclid=lq3gj2np8u19926894 (дата обращения: 20.06.2023).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 20.06.2023).
5. О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lq3hfv8z1l163119527 (дата обращения: 20.06.2023).
6. Бурмистрова С. А. О применении категории добросовестности при разрешении коллизий интересов // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 135–143.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1912. 723 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1935. 712 с.
9. Ахмедов А. Я. Сотрудничество как гражданско-правовая категория // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 35–41.
10. Алякин Д. С. Добросовестное исполнение договорных обязательств по российскому праву // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 1. С. 107–124. DOI: 10.21638/spbu14.2022.106
11. Ли Ю. Добро и зло как ценность и антиценность (на основе данных Словаря русской ментальности 2014 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9. № 2. С. 85–94. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_2_85
12. Закирова О. В., Погорелова К. Е. Особенности семантики русских фразеологизмов с компонентами «добро» и «зло» // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 7. С. 433–438.
13. Долгополова М. В. Абстрактные имена добро и зло в древнерусском языке // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований: материалы Всерос. (с междунар. участием) заоч. науч. конф., Уфа, 26 декабря 2016 г. / отв. ред. А. В. Курочкина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. С. 71–72.

References

1. Nam K.V. The principle of good faith: Development, system, problems of theory and practice. 2nd ed. Moscow: M-Logos; 2023. 388 p. (In Russ.).
2. Concept for the development of civil legislation of the Russian Federation: approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation of October 7, 2009. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/?ysclid=lq3g77esdi25446670 (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).
3. On amendments to chapters 1, 2, 3 and 4 of part one of the Civil Code of the Russian Federation. Federal law of December 30, 2012 No. 302-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/?ysclid=lq3gj2np8u19926894 (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).

4. Civil Code of the Russian Federation (Part One). Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).
5. On the application by courts of certain provisions of Section 1 of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lq3hfv8z1l163119527 (accessed on 20.06.2023). (In Russ.).
6. Burmistrova S.A. On the application of good faith in the resolution of conflict of interest. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*. 2019;(2):135-143. (In Russ.).
7. Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf Partnership; 1912. 723 p. (In Russ.).
8. Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Vol. 4. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf Partnership; 1935. 712 p. (In Russ.).
9. Ahmedov A.Ya. Cooperation as a civil law category. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2016;(3):35-41. (In Russ.).
10. Alyakin D.S. Good faith performance of contractual obligations under Russian law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*. 2022;13(1):107-124. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2022.106
11. Li Y. Good and evil as value and anti-value (based on The dictionary of the Russian mentality, 2014). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*. 2023;9(2):85-94. (In Russ.). DOI: 10.22250/24107190_2023_9_2_85
12. Zakirova O.V., Pogorelova K.E. Features of the semantics of Russian phraseological units with the components "good" and "evil". *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnoshenii = Theory of Law and Interstate Relations*. 2021;2(7):433-438. (In Russ.).
13. Dolgoplova M.V. Abstract names good and evil in the Old Russian language. In: Literary studies, linguistics and communication studies. Directions and trends of modern research. Proc. All-Russ. (with int. particip.) correspond. sci. conf. (Ufa, December 26, 2016). Ufa: Bashkir State University; 2017:71-72. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Коверчаковский — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. A. Koverchakovsky — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 347.451.031

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-606-615

Потребительский экстремизм (терроризм): самостоятельный правовой феномен или вид злоупотребления правами?

Антон Сергеевич Морозов

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, top@bezfire.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос о том, является ли потребительский экстремизм (терроризм) самостоятельным правовым феноменом или специфическим видом злоупотребления правами. Определена этимология, дана краткая характеристика сущности понятий «экстремизм» и «терроризм». Показано соотношение анализируемых понятий и проблем защиты прав потребителя. Утверждается, что в публицистике и научных исследованиях понятия «потребительский экстремизм» и «потребительский терроризм» используют не во взаимной связи, а как синонимичные. Проанализировано понятие «злоупотребление правами» в соотношении с принципами добросовестности, разумности и справедливости. Выявлено два подхода к пониманию содержания понятия «потребительский экстремизм (терроризм)»: в узком смысле оно совпадает с понятием «злоупотребление правом», в широком — объединяет случаи злоупотребления правами и случаи противоправного поведения. Исходя из узкого подхода, потребительский экстремизм (терроризм) — это вид злоупотребления правами, а из широкого — самостоятельный правовой феномен. Автором сделан вывод о том, что в публицистике для привлечения внимания к проблеме чрезмерного и необоснованного осуществления потребителями субъективного права термин «потребительский экстремизм (терроризм)» имеет право на существование, но как правовое понятие этот термин чрезмерно политизирован и не конкретизирован.

Ключевые слова: защита прав потребителя, потребительский экстремизм, потребительский терроризм, злоупотребление правом, добросовестность

Для цитирования: Морозов А. С. Потребительский экстремизм (терроризм): самостоятельный правовой феномен или вид злоупотребления правами? // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 606–615. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-606-615>

Original article

Consumer extremism (terrorism): Is it an independent legal phenomenon or a type of abuse of rights?

Anton S. Morozov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, top@bezfire.ru

Abstract. This paper is devoted to the search for an answer to the question whether consumer extremism (terrorism) is an independent legal phenomenon or a specific type of abuse of rights. The etymology is defined and a brief description of the essence of the concepts of “extremism” and “terrorism” is given. It is analyzed how these concepts relate

to the protection of consumer rights. It is noted that in journalism and scientific research, the concepts of “consumer extremism” and “consumer terrorism” are used not in mutual connection, but as synonymous terms. The concept of “abuse of rights” is analyzed in relation to the principles of good faith, reasonableness and fairness. Two approaches to understanding the content of the concept of “consumer extremism (terrorism)” have been identified: in a narrow sense, it coincides with the concept of “abuse of rights”, in a broad sense it combines cases of abuse of rights and cases of illegal behavior. Based on a narrow approach, consumer extremism (terrorism) is a type of abuse of rights, and from a broad one it is an independent legal phenomenon. The author concludes that in journalism, in order to draw attention to the problem of excessive and unjustified exercise of subjective rights by consumers, the term “consumer extremism (terrorism)” has the right to exist, but as a legal concept it is overly politicized and not specified.

Keywords: consumer protection, consumer extremism, consumer terrorism, abuse of law, good faith

For citation: Morozov A.S. Consumer extremism (terrorism): Is it an independent legal phenomenon or a type of abuse of rights? *Sociology and Law. 2023;15(4):606-615* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-606-615>

Введение

В правовых системах государств с развитой свободной рыночной экономикой защита прав потребителей служит одной из приоритетных задач. Законодательство в данной сфере предназначено для обеспечения прав потребителей, справедливой торговли, конкуренции и предоставления точной информации на рынке, а также для пресечения недобросовестных действий предприятий, в том числе и с целью получения преимуществ перед конкурентами или потребителями определенного продукта или товара.

В последние несколько лет исследователи все чаще указывают на злоупотребления потребителями своими правами. Данное явление в научной литературе и средствах массовой информации (СМИ) получило название «потребительский экстремизм» [1; 2] или «потребительский терроризм» [3].

С тревогой ассоциации застройщиков (Российский союз строителей) [4; 5] и автоконцерны (ассоциация «Российские автомобильные дилеры») [6, с. 42] говорят о том, что причинение вреда застройщикам, автопроизводителям, импортерам и девелоперам под прикрытием исков о защите прав потребителей приобретает все более масштабный характер. С 2015 г. в Государственную Думу Российской Федерации (РФ) неоднократно внесены законопроекты, направленные на борьбу с «потребительским экстремизмом»:

- 1) в 2015 г. депутат М. М. Аббасов предложил ввести в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) дефиницию «злоупотребление правами» потребителей и при наличии факта такого злоупотребления обязать суд отказывать потребителю в защите соответствующего права полностью или частично [7];
- 2) в 2018 г. депутат В. К. Гартунг выступил с законодательной инициативой об исключении правоотношений между гражданами и застройщиками в сфере долевого участия в строительстве из сферы регулирования Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», мотивировав отсутствием равенства положений застройщика и участников строительства с преобладанием прав последних, особенно в аспекте возможности взыскания штрафа в размере 50 % от присужденной в пользу потребителя суммы (ст. 13 Закона о защите прав потребителей) [8];

- 3) в 2019 г. член Совета Федерации С. Ф. Лисовский внес законопроект о противодействии потребительскому экстремизму в жилищном строительстве, в частности случаям недобросовестного поведения юридических компаний, которые выкупают права требования у потребителей и своими действиями затрудняют деятельность застройщиков [9];
- 4) в 2020 г. Государственным Собранием — Курултай Республики Башкортостан внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ законопроект относительно изменения принципов приемки объектов долевого строительства и начисления неустойки: предложено «заморозить» начисление неустойки за просрочку в передаче квартиры с даты, когда дольщик отказался подписывать акт приемки из-за недостатков, начислять неустойку не на цену квартиры, а на стоимость дефектов [10];
- 5) летом 2023 г. в СМИ обсуждали работу Минстроя России над законопроектом против «потребительского терроризма» в отношении застройщиков при сдаче жилья в новостройках, который было запланировано осенью 2023 г. внести в Государственную Думу РФ [11].

Вместе с тем на официальном сайте Объединения потребителей России опубликовано заявление. В нем речь идет о том, что использование термина «потребительский экстремизм» является неправомерным и недопустимым, поскольку такого явления не существует, а подобная риторика служит для прикрытия грубых и системных нарушений прав потребителей со стороны недобросовестных участников рынка и чиновников, их покрывающих [12].

Таким образом, наблюдается разный подход к пониманию явления «потребительский экстремизм (терроризм)» различными социальными группами, по-разному оценивают необходимость борьбы с этим явлением. В рамках настоящей статьи попытаемся определить, является ли «потребительский экстремизм (терроризм)» новым правовым феноменом или видом злоупотребления правами потребителя, а также можно ли считать корректным использование этого термина в юридической теории и практике.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили контент-анализ СМИ, законопроектов и судебных решений, а также сравнительно-правовой метод исследования (метод юридической компаративистики).

Итоги

Исследование такого неоднозначного социально-правового явления, как потребительский экстремизм (терроризм), полагаем, необходимо начать с установления этимологии и определения сущности понятий «экстремизм» и «терроризм». Далее проанализируем, каким образом они соотносятся с проблемами защиты прав потребителя.

Термин «экстремизм» происходит от латинского *extremias*, то есть «крайность». Соответственно, *extremus* означает «крайний», «радикальный». Он стал широко распространенным в политико-правовом дискурсе для описания взглядов и действий организаций, отдельных лиц или групп, которые используют насилие или угрозу его применения с целью осуществления контроля над другими людьми посредством страха и тем самым навязывания определенного идеологического контекста [13, с. 220–221]. Методы деятельности, описываемой в качестве «экстремистской», ущемляют или ставят под угрозу жизнь, свободу и права

других лиц, независимо от позитивности и законности преследуемой цели. Например, защиту прав потребителя большинство граждан среди населения, экспертов и ученых рассматривают как один из важнейших инструментов социальной рыночной экономики, от правильного функционирования которой зависит развитие конкурентного бизнес-процесса, материальное и моральное благополучие людей, то есть позиционируется в обществе как достойная цель. Однако любого, кто преследует эту цель, используя недопустимые методы, способы, средства, и отличится нежеланием пойти на компромисс, фактически можно назвать экстремистом.

Термин «терроризм» происходит от латинского слова *terror*, что означает «страх» или «ужас». Речь идет не о насильственном акте, который часто рассматривают в качестве основной характеристики терроризма, а о его психологическом воздействии. Не особая жестокость, а интенсивный ужас составляет основу содержания. Действительно, более поздние соображения об использовании терроризма в качестве коммуникационной стратегии показывают, насколько важен этот аспект для понимания особенностей терроризма по сравнению с другими формами мотивированного применения насилия [14]. Это относится ко всем формам насилия, систематически осуществляемым негосударственными субъектами с целью психологического воздействия на население, которые игнорируют целесообразность, последствия и соразмерность используемых средств. В научной литературе терроризм называют наиболее опасной формой экстремизма [15]. Однако в публицистике и научных исследованиях понятия «потребительский экстремизм» и «потребительский терроризм» используют не во взаимной связи «общее явление / его крайняя форма», а как синонимы.

В академической литературе относительно содержания понятия «потребительский экстремизм (терроризм)» консенсуса не достигнуто. Ряд исследователей пишут о том, что, хотя данные словосочетания, учитывая этимологию слов «экстремизм» и «терроризм», несколько некорректно употреблять в контексте действий лиц, пытающихся заработать на потребительских предпочтениях, они в настоящее время широко используются в практике, им соответствует законодательно закрепленное понятие «злоупотребление правом» (п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса (ГК) РФ), то есть осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [1; 2, с. 110–111].

Т. В. Закупень, напротив, использует при описании сути анализируемого явления широкий подход. Помимо действий, подпадающих под понятие «злоупотребление правом», включает в исследуемое явление «умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые с целью обращения в свою пользу имущества предпринимателей путем обмана или злоупотребления особым отношением к потребителям» [2, с. 110]. Изложенный подход видится некорректным: манипулирование предоставленными правами входит в сферу гражданского права, а «умышленные противоправные деяния» — это преступление или правонарушение, относящееся к сфере публичных отраслей (уголовного или административно-деликтного права), в которых экстремизм имеет вполне определенное описание, не совпадающее с таковым в контексте потребительского права. Считаю некорректным в рамках одного понятия объединять случаи злоупотребления правами (потребитель остался в пределах своих прав) и случаи противоправного поведения (потребитель вышел за пределы своего права). Иными словами, злоупотребление правами существует и на него можно ссылаться лишь в случае, если право признано. Речь идет о злоупотреблении правами потребителя, по-

сколько эти права существуют и признаны. Не может быть злоупотребления правом в вопросах, к примеру, мошенничества, поскольку мошенничество — это не право, а его нарушение.

Относительно соотношения понятий «злоупотребление правом» и «потребительский экстремизм (терроризм)» укажем следующее. Во-первых, мы не можем говорить о злоупотреблении объективным правом. Тем не менее злоупотребление субъективными правами представляется возможным. Право на защиту — одно из субъективных прав. Защита в общем смысле трактуется как гарантия безопасности от чего-либо кому-либо или ряд действий, мероприятий по осуществлению этой гарантии. Защита прав потребителя осуществляется потребителем по общим правилам и с применением общих способов, предусмотренных материальным и процессуальным гражданским законодательством, а также посредством применения специальных мер, закрепленных или санкционированных Законом о защите прав потребителей. Этот закон стимулирует использование неюрисдикционных форм защиты прав потребителей в виде претензионного порядка. Суть последнего заключается в возможности сторон самостоятельно, без обращения или до обращения в суд восстановить нарушенные права либо урегулировать возникшие разногласия. Фактически претензионный порядок состоит в том, что сторона, которая считает, что ее права нарушены, обращается к другой стороне со специальным письмом — претензией. Предъявитель претензии объясняет свою позицию и предлагает другой стороне варианты разрешения конфликта.

Штраф за отсутствие удовлетворения требований потребителя в добровольном порядке (в размере 50 % от суммы присужденной судом) — это специфический вид публично-правовой ответственности, совмещающий в себе карательную и компенсационную функцию. Компенсационная функция в данном случае сближает штраф с неустойкой. Отграничение штрафа от неустойки состоит в следующем: исключительно судебный порядок наложения; обязательное условие для наложения штрафа — это неудовлетворение требований потребителя (в том числе и по уплате неустойки) в добровольном порядке; невозможность снижения размера штрафа по судебному усмотрению. Полагаем, возможность защиты прав в виде наложения указанного штрафа имеет ряд позитивных последствий: стимул разрешить конфликты в досудебном порядке (недобросовестному продавцу при определенном уровне активности потребителей выгоднее решить дело в досудебном порядке, не тратить собственное время и время потребителя на участие в судебном процессе), снижение нагрузки на суды, повышение качества товаров, работ и услуг; возможность для граждан безвозмездно получить юридическую помощь от общественных объединений и органов местного самоуправления, поскольку половина штрафа будет взыскана в их пользу. Данная мера направлена исключительно на субъектов, недобросовестное поведение которых установлено судом, и в целом соразмерна ущербу, нанесенному потребителю, времени, затраченному на судебное разбирательство, а главное — стимулирует продавца на добросовестное поведение, при котором ему не нужно будет платить штрафы.

Вместе с тем этот штрафной механизм становится одной из лазеек для злоупотреблений правом потребителей [1, с. 45]. В СМИ указано, что в строительной отрасли дольщики манипулируют правами потребителя, «подводя» застройщиков не только к выплате существенных неустоек, но и используют штрафные механизмы для запугивания и причинения вреда застройщику [5]. На аналогичные проблемы указывают и автодилеры. Действительно, в таком контексте психологического насилия можно говорить о «потребительском экстремизме (терроризме)».

Во-вторых, концепция «злоупотребления правом» выступает составной частью таких принципов гражданского права, как добросовестность, справедливость

и разумность. Формально принцип добросовестности закреплён в законодательстве в 2013 г. В частности, Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ в статью 1 ГК РФ внесены изменения, предусматривающие введение данного принципа. Этимологически слово «добросовестность» предполагает честное ведение дел, надлежащее исполнение. Добросовестность — понятие многоплановое, сложная категория, находящаяся на стыке морали и права. Раскрывая моральный аспект «доброй совести», юриспруденция, исходя из позиций материализма в научной полемике, не может ссылаться на божественный высочайший ориентир нравственности и вынуждена задавать ориентир на доступную ей высоту — нравственные критерии общества. Однако нравы изменчивы, порой они слабеют. И позитивное право, и судьи вместе с ним оказываются бессильными перед снижением общественной нравственности. Всемирная Декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в ст. 1 устанавливает, что «люди ...наделены разумом и *совестью* и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Из указанного акта следует, что совесть — неотъемлемая составляющая каждого человека, которая признана каждым государством в своей, в том числе правотворческой, деятельности в интересах граждан этого государства. Понятий содержания совести существует множество, но их объединяет то, что концепция совести коррелирует с десятью заповедями, смысл которых примерно одинаково определен в мировых религиях. Однако моральную трактовку совести сложно увязать с договорными и обязательственными экономическими отношениями, базирующимися на конкурентности, желании получения сверхприбыли и т. п.

Проблемы понимания категории «добросовестность» не исчерпываются моральными аспектами, в правовой доктрине феномен добросовестности вызывает множество вопросов. Критериев, которыми могут руководствоваться субъекты правоприменения при конкретизации оценочного понятия «добросовестность», законодатель не определил. Добросовестность предполагает защиту по причинам морального или социального характера и становится упорядочивающим критерием правоотношений, приводящим их в соответствие с правилами поведения, социально считающимися достойными уважения. К примеру, дольщик не принимает объект долевого строительства по формальному поводу, способствуя тем самым увеличению срока передачи объекта и, как следствие, увеличению размера неустойки. По закону, дольщик может в такой ситуации не принять квартиру, но, согласно доброй совести, нет у него такого права.

Принцип добросовестности не должен быть противопоставлен принципу справедливости или рассматриваться как обособленный (хотя, возможно, и близкий по содержанию). В Принципах международных коммерческих договоров (УНИДРУА) 1994 г. речь идет об обязанности сторон договора действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой. Приведенная формулировка принципа добросовестности не объединяет его напрямую со справедливостью, но заметно расширяет правовые границы принципа добросовестности за счет «честности», такой же морально-этической категории, как справедливость. Следовательно, принцип добросовестности целесообразно понимать не как формально-юридическую категорию, а скорее, как некую пограничную область между правом и моралью, позволяющую учитывать в оценке ситуации различные факторы. Это, на наш взгляд, не дает оснований противопоставлять принципы добросовестности и справедливости, хотя в их содержании можно найти немало различий.

Разумность — понятие, известное и философам, и юристам. Разумное апеллирует к человеческому разуму, как и родственное ему понятие «рациональное».

Разумность в гражданском праве оценивают исходя из того, что обычно происходит в аналогичных обстоятельствах, и того, что можно ожидать от заинтересованного лица в контексте и обстоятельствах дела.

К примеру, суд указал, что в действиях истца Б. не наблюдается добросовестности и разумности, что служит признаками злоупотребления правами потребителя. Так, при приеме спорного автомобиля истец, увидев недостатки (повреждения) на нем, не отказался от исполнения договора купли-продажи, не потребовал уменьшения покупной цены автомобиля, отказался от предложенной ответчиком замены транспортного средства и возврата денежной суммы, уплаченной за него, настаивал на передаче ему именно этого, а не иного автомобиля, то есть действовал впоследствии с намерением извлечения прибыли. Доказательств создания ответчиком препятствий истцу в осуществлении им прав потребителя стороной истца не представлено [16].

Дополним, что, во-первых, в судебной практике квалификацию действий потребителей как злоупотребление правом пока не считают широко распространенным явлением; во-вторых, истцы и ответчики активно используют термин «потребительский экстремизм (терроризм)», однако суды его не комментируют, оперируя исключительно понятиями «злоупотребление правом», «добросовестность» и «разумность». Можно ли рассматривать феномен «потребительский экстремизм (терроризм)» в контексте гражданско-правовых принципов добросовестности, справедливости и разумности? С одной стороны, действия «потребителя-экстремиста» можно расценивать как нарушение указанных принципов, с другой — данный термин, полагаем, носит, скорее, политический характер, чем гражданско-правовой. Цель экстремизма и терроризма — посредством насилия (физического или психологического), игнорируя компромиссы, целесообразность, последствия и соразмерность используемых средств, навязать определенное поведение кругу лиц.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что «потребительский экстремизм» как правовой феномен формируется в основном за счет активной риторики крупных продавцов (застройщиков, автодилеров и т. п.) в СМИ, направленной на лоббирование изменений отраслевого законодательства и Закона о защите прав потребителей в аспекте снижения уровня защиты, обеспечиваемого в соответствии с законом потребителю. Однако до настоящего времени ни один из законопроектов против так называемого потребительского экстремизма не принят.

В академической литературе подход к явлению «потребительский экстремизм (терроризм)» характеризуется как более осторожный: наблюдается отсутствие легального определения и научного признания [1, с. 45; 2, с. 111], но признана общеупотребительность термина. Полагаем, как публицистический термин для привлечения внимания к проблеме чрезмерного и необоснованного осуществления потребителями субъективного права на защиту он имеет право на существование, но как юридическое понятие — чрезмерно политизирован и не конкретизирован. В узком смысле содержание понятия «потребительский экстремизм (терроризм)» совпадает с легально определенным и устойчивым понятием «злоупотребление правами»; в широком — объединяет случаи злоупотребления правами (потребитель остался в пределах своих прав) и случаи противоправного поведения (потребитель вышел за пределы своего права), представляя собой самостоятельный межотраслевой правовой феномен. Можно рассматривать явление «потребительский экстремизм (терроризм)» как специфический вид злоупотребления правами, если в качестве критерия классификации использовать отраслевой признак.

Проблема борьбы со злоупотреблением «потребительскими правами» — это вопрос баланса интересов сторон. С одной стороны, необходимо предотвратить уход от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств предпринимателем, которого зачастую не устраивает факт того, что за несоблюдение закона и требований потребителей он может в значительной мере пострадать финансово. С другой — противодействовать злоупотреблениям потребителя, который не принимает товар из-за придуманного им недостатка, отказывается принять сделанный под заказ товар как не подходящий по размеру, намеренно уклоняется от передачи изготовителю товара с недостатком для проведения проверки и от предоставления банковских реквизитов для добровольного удовлетворения требований в случае, если после проведения проверки был бы выявлен недостаток товара и т. д.

Решение этой задачи представляется возможным в двух направлениях: первое — динамичная корректировка законодательства без существенного снижения уровня гарантий потребителя (в том числе расширение возможностей судейского усмотрения по определению размера штрафов, неустоек и т. п.); второе — нацеливание судей на эффективное использование предоставленного законодателем инструментария для соблюдения баланса сторон в спорах о защите прав потребителя.

Список источников

1. *Поснов И. В., Темботов Р. А.* Злоупотребление потребителем правами на защиту (потребительский экстремизм) // *Образование и право*. 2022. № 9. С. 44–48. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-44-48
2. *Усольцев Е. Ю.* Понятия «потребительский экстремизм» и «злоупотребление потребителем правом»: сравнительный анализ // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2021. № 12. С. 108–112. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-12-108-112
3. *Буторина И. А., Перестюк Д. А.* Потребительский терроризм в России: суть, причины и перспективы // *Маркетинг и поведение потребителей: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Полякова*. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2011. С. 35–38.
4. В РСС обсудили причины и следствия «потребительского экстремизма» // *Саморегулирование*. 2023. 31 октября. URL: <https://sroportal.ru/news/v-rss-obsudili-prichiny-i-sledstviya-potrebitelskogo-ekstremizma/> (дата обращения: 12.11.2023).
5. *Велесевич С.* Потребительский экстремизм в новостройках: как найти баланс интересов // *РБК*. 2020. 27 ноября. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fc0bfd89a794726ecbf1b69?from=soru> (дата обращения: 12.11.2023).
6. *Малахов А. Ю., Вульман Н. Н.* Потребительский экстремизм в автомобильном бизнесе и что такое существенный недостаток автомобиля // *Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли*. 2023. № 2. С. 35–47.
7. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 793716-6 (зарегистрирован в Государственной Думе РФ 15 мая 2015 г., отклонен 18 января 2017 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/793716-6> (дата обращения: 12.11.2023).
8. О внесении изменений в статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»: законопроект № 612474-7 (зарегистрирован в Государственной Думе РФ 20 декабря 2018 г., отклонен 22 марта 2023 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612474-7> (дата обращения: 12.11.2023).

9. О внесении изменения в статью 11 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 787700-7 (зарегистрирован в Государственной Думе РФ 3 сентября 2019 г., отклонен 27 октября 2020 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/787700-7> (дата обращения: 12.11.2023).
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 983620-7 (зарегистрирован в Государственной Думе 6 июля 2020 г., отклонен 8 июня 2021 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983620-7> (дата обращения: 12.11.2023).
11. Павленко О. Закон об ограничении «потребительского терроризма» против застройщиков при сдаче жилья готов к внесению в Госдуму // Коммерсант. 2023. 6 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6028761> (дата обращения: 12.11.2023).
12. Заявление Объединения потребителей России о так называемом потребительском экстремизме (терроризме) // Объединение потребителей России. 2023. 26 июня. URL: <https://www.potrebitel-russia.ru/?id=1778> (дата обращения: 12.11.2023).
13. Джоробеков Ж. М., Джоробеков Т. М. Современные теоретические воззрения на понятие «экстремизм» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9. С. 218–221.
14. Ашенова С. В., Велитченко С. Н. СМИ и международный терроризм: коммуникационный аспект // Вестник Казахского национального университета. Серия журналистики. 2020. Т. 56. № 2. С. 102–113. DOI: 10.26577/HJ.2020.v56.i2.10
15. Качалов В. В. Терроризм как наиболее опасная форма экстремизма // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4. С. 66–69.
16. Решение Медведевского районного суда (Республика Марий Эл) от 7 августа 2019 г. по делу № 2-2-181/2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GSavnbmVEnWx/> (дата обращения: 01.12.2023).

References

1. Posnov I.V., Tembotov R.A. Consumer abuse of protection rights (consumer extremism). *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2022;(9):44-48. (In Russ.). DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-44-48
2. Usoltsev E.Yu. The concepts “consumer extremism” and “abuse of right by consumer”: Comparative analysis. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2021;(12):108-112. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-4098-2021-12-108-112
3. Butorina I.A., Perestyuk D.A. Consumer terrorism in Russia: Essence, causes and prospects. In: Polyakova N.V., ed. *Marketing and consumer behavior: Coll. pap.* Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law; 2011:35-38. (In Russ.).
4. The Russian Union of Builders discussed the causes and consequences of “consumer extremism”. *Samoregulirovanie*. Oct. 1, 2023. URL: <https://sroportal.ru/news/v-rss-obsudili-prichiny-i-sledstviya-potrebitelskogo-ekstremizma/> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
5. Velesevich S. Consumer extremism in new buildings: How to find a balance of interests. RBC. Nov. 27, 2020. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fc0bfd89a794726ecbf1b69?from=copy> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
6. Malakhov A.Yu., Vulman N.N. Consumer extremism in the automobile business and what is a significant disadvantage of the automobile. *Problemy ekspertizy v avtomobil'no-dorozhnoi otrasli = Automotive and Road Expert Evaluation*. 2023;(2):35-47. (In Russ.).
7. On amendments to the Law of the Russian Federation “On the protection of consumer rights” and the Federal Law “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Bill No. 793716-6 (registered in the State Duma RF May 15, 2015, rejected January 18, 2017). System for supporting legislative activity. State Duma of the

- Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/793716-6> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
8. On amendments to Article 1 of the Law of the Russian Federation “On the protection of consumer rights”. Bill No. 612474-7 (registered in the State Duma of the Russian Federation on December 20, 2018, rejected on March 22, 2023). System for supporting legislative activity. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612474-7> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 9. On amendments to Article 11 of the Federal Law “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Bill No. 787700-7 (registered in the State Duma of the Russian Federation on September 3, 2019, rejected October 27, 2020). System for supporting legislative activity. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/787700-7> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 10. On amendments to the Federal Law “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Bill No. 983620-7 (registered in the State Duma on July 6, 2020, rejected on June 8, 2021). System for supporting legislative activity. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983620-7> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 11. Pavlenko O. The law on limiting “consumer terrorism” against developers when renting out housing is ready to be submitted to the State Duma. Kommersant. Jun. 06, 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6028761> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 12. Statement of the Association of Consumers of Russia on so-called consumer extremism (terrorism). Association of Consumers of Russia. Jun. 26, 2023. URL: <https://www.potrebitel-russia.ru/?id=1778> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 13. Jorobekov Zh.M., Dzhorobekov T.M. Modern theoretical views on the concept of “extremism”. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = Law and State: The Theory and Practice. 2020;(9):218-221. (In Russ.).
 14. Ashenova S.V., Velitchenko S.N. Media and international terrorism: A communication aspect. *Herald of Journalism*. 2020;56(2):102-113. DOI: 10.26577/HJ.2020.v56.i2.10
 15. Kachalov V.V. Terrorism as the severest form of extremism. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* = Vestnik. Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2016; (4):66-69. (In Russ.).
 16. Decision of the Medvedevsky District Court (Republic of Mari El) dated August 7, 2019 in case No. 2-2-181/2019. Konsul'tantPlyus. <https://sudact.ru/regular/doc/GSavnbmVEnWx/> (accessed on 01.12.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Морозов — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. S. Morozov — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using commas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to journal, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

